

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ



ТРИНАДЦАТЬ

ЛЕТ СЛУСТЯ





Майя Тумсыкыс

Тринадцать
лет
спустя

сердечные заметки
в тринадцать лет

УДК 792.8(092)

ББК 85.335.42

ПЗ7

*В книге использованы фотографии из газет «Санкей Симбун», «Российской газеты». Агентства Фото ИТАР-ТАСС.
личного архива автора*

Руководитель проекта Александр Проскурин

Художник Владимир Шахмейстер

Оформление: Елена Селиванова

Компьютерный дизайн Юлии Хаджи

Плисецкая, М.

ПЗ7 Тринадцать лет спустя : Сердитые заметки в тринадцати главах / Майя Плисецкая. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: НОВОСТИ, 2008. — 160 с.: 104 л. ил.

ISBN 978-5-17-045344-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-6351-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Вниманию читателей предлагается новая книга всемирно известной балерины Майи Плисецкой.

УДК 792.8(092)

ББК 85.335.42

© Текст. М.М. Плисецкая, 2007

© Рисунки, коллажи, фото. В.А. Шахмейстер, 2007

© Фото. С. Берменьев, Р. Ельник, К. Завражин, В. Игнатов, Э. Левин, М. Логвинов, О. Макаров, Н. Малышев, А. Мелихов, Л. Педенчук, Ю. Сиисконен, Н. Разина, Е. Сидякина, В. Соловьев, Г. Соловьев, В. Теселкин, К. Хейсканен, Х. Христов, 2007

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», ОАО «Издательство «Новости», 2007





ST. PETERSBURG
INTERNATIONAL
BALLET COMPETITION

Maya

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петербургский балетный конкурс „Майя“

26 ноября 1993 года я закончила в Москве свою книгу «Я, Майя Плисецкая...».

Прошло тринадцать лет. И все эти годы меня без устали спрашивали: будет ли продолжение? Я с искренностью отвечала — зачем? Главное в моей жизни уже произошло. Станет ли интересным читателю рассказ балерины, покинувшей сцену? К тому же — на это я тоже ссылалась — прилежных и постоянных дневников больше не вела. Лишь от случая к случаю...

И все же событий за прошедшие тринадцать лет случилось много. Даже очень много. Возьмусь за перо, а там посмотрим...

Обиженных на книгу 1993 года оказалось куда больше, чем я могла предположить. Мне хотелось рассказать, как и что

было со мной по самой по правде. Все назвать своим именем. Без прикрас, без дипломатии и ретуши. Но мои резкие правды людям не пришлись по нутру. Это я предполагала. Однако то, что более обиделись те, о ком я вовсе не написала, стало для меня сюрпризом. Но я рассказывала о том, что напрямую касалось меня. Моей жизни. Моей профессии. Моих радостей, разочарований, обид. А кому-то хотелось, чтобы моя книга была о нем, о ней. Тогда следовало бы мне писать развернутую энциклопедию обо всех, с кем столкнула меня моя жизнь и профессия.

По рождению и ментальности своей я москвичка. С Петербургом родства у меня мало. Хотя мать отца, его сестры и брат Володя — изначальные ленинградцы. Перед войною я несколько раз гостила у бабушки, у «бабули», как я ее называла. Поедала ее «фирменный» запашистый борщ, румяные картофельные оладьи и черничный кисель. Бабуля заставляла меня много есть. Тужила и охала, что я такая худющая. Вид моих торчащих лопаток вызывал в ней жалость. Она жила в большой коммунальной квартире, где ей принадлежала одна комната. Но дом расположен был замечательно. Подъезд дома выходил на канал Грибоедова, вблизи был Казанский собор, а совсем рядом два берега канала соединял мосток, на котором красовались могучие львы с золотыми крыльями.

В Мариинку тогда я не попала. У бабули и тетюшек денег в обрез. Да и не до театров в те годы было. Отец и мать были арестованы. Бабуля многое мне прощала, хотя донимала ее я безо всякой меры. Характером, непослушливостью, своеволием. Врезалось в память, как бабулина гимназическая подружка, проведя целый день в моем обществе, с сочувствием и укором сказала:

— Неужели у Миши такая дочь?

Все мои ленинградские родственники в общении со мной безукоризненно играли свои «судящие» роли.

Как эстафету передавали из уст в уста немудреные байки, что отец и мать вновь в арктической экспедиции, шлют мне приветы и родительские напутствия. Но с моим легковерием особых драматических талантов и не требовалось...

Главной достопримечательностью бабушкиной комнаты была старинная белая изразцовая печь. Возле нее на паркетном полу, словно на витрине магазина, красовались высокие, почти до колена, сапожки на предлинной шнуровке. Выглядели они совсем новенькими. В первый же день своего визита я задала бабуле любопытствующие вопросы:

— Что это за диковинные обувки? Когда ты их купила?

— Я заказала их по ноге у сапожника в 1901 году. И надеваю лишь в праздники. Берегу. Потому они как новенькие.

Было это в 1939 году.

Следующим вестником от Петербурга была Агрипина Яковлевна Ваганова. Я уже писала, что в 1943 году Ваганова преподавала в Москве. В Большом театре. Именно с тех пор я ясно осознала разницу педагогического метода и врожденного дара учителя. Истоки моих наставников были тоже петербургские, но талант педагога — только от Бога.

Агрипина Яковлевна звала «рыжую ворону», как она меня величала, заниматься с ней в Северную столицу, куда после конфликта с Лавровским намеревалась вернуться. Сомнения меня одолевали нешуточные. «Жилищная проблема» решалась просто — я могла жить у своих родных. И в те годы это было жирным плюсом. И моя двоюродная сестра Эра Езерская, которую я всю жизнь любила, и тетя Лиза (ее мать) были людьми гостеприимнейшими и добрыми. Бабули тогда уже не было в живых. Но замысел поездки в Ленинград не осуществился. И я осталась по-прежнему москвичкой.

На сцене Кировского театра мне довелось танцевать мало. «Лебединое озеро» и уже много позднее — «Анну

Каренину». Добавлю сюда мое трехкратное выступление с «Кармен-сюитой» на сцене «Октябрьского зала» в авторском вечере Щедрина. Первое отделение отводилось музыке симфонической, где Щедрин сам выступал солистом в своем Втором фортепианном концерте. А затем оркестр перемещался в яму, и шла «Кармен-сюита». Публика принимала меня крайне дружелюбно, билеты раскупались с боем, и худрук зала Владимир Чернин зазывал на повторение этого вечера.

И все же я была немало удивлена, когда он позвонил мне с предложением организовать в Ленинграде международный балетный конкурс «Майя» и сформировать жюри и репертуар по моему усмотрению.

— Я проговорил этот замысел с нашим мэром Анатолием Александровичем Собчаком. Он с воодушевлением поддерживает. Обещал свое полное содействие. Спонсоры намечаются. Хотя здесь потребуется и ваше прямое участие.

— А где вы планируете проводить конкурс? — спросила я.

— С Кировским театром вряд ли получится. Есть в нем ваши антиболельщики. Да и аренда театра — дорогое удовольствие. Как бы вы отнеслись к сцене Александринки? Там славный директор Сащенко. Он берет-ся нам помочь.

— А почему бы нет?..

Я стала думать о репертуаре. Непременные па-де-де и вариации давно набили всем оскомину. И конкурсантам, и жюри. Да и публике. Может, за основу взять мой репертуар? Например, «Кармен-сюиту»? Но хореография должна быть своя, новая. Надо добавить к наградам танцорам и премию лучшему хореографу. Чернину идея понравилась.

Спонсоры вскоре отыскались. Очень помог японский меломан господин Сезан Фуками. Он стал генеральным спонсором нашего первого конкурсного выхода в свет.

Хорошее подобралось жюри. Авторитетное. На мое приглашение приехать в Петербург тотчас откликну-

лись известные в балетном мире творцы. Перечислять всех судей за три состоявшихся конкурса будет делом длинным. Произнесу лишь несколько фамилий: Джон Ноймаер, Матс Экк, Пина Бауш, Йоко Моришита, Фрэнк Андерсен, Пьер Лакот, Игорь Бельский, Филипп Эрсен, Джиджи Качуляну, Андрей Петров, Петр Нарделли, корейка Мун, Риккардо Куе...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петербургский
балетный конкурс
«Майя»

Это сегодня именитые иностранцы не вылезают из гостеприимной России. А тогда, в девяностые, такой букет балетных знаменитостей был в диковину.

9

Магия Петербурга, авторитет российских хореографических традиций, представительное жюри каждый раз за все эти годы вызывали интерес и азарт у балетной публики. Молодежь приезжала посоревноваться с края света — австралийцы, японцы, американцы... А уж европейцы прибывали во множестве.

Главный интерес представляла для меня «Кармен-сюита». Тут мы стали первооткрывателями. Это вправду было недурно придумано. Каждому конкурсанту вменялось в обязанность потрудиться в поисках своего хореографа, кто смог бы применительно к индивидуальным данным танцовщицы или танцовщика создать на ту же музыку, что легла в основу *моей* (ставшей вроде бы уже канонической) «Кармен-сюиты», оригинальный номер.

Фантазии было проявлено много. Придуманы сольные сцены, дуэтные танцы. И каждый из балетмейстеров мог согласно нашим условиям обратиться к любой странице партитуры балета. Это был простор для фантазии каждого в пределах всех 45 минут моего балета. Столько, сколько длится «Кармен-сюита».

Даже сегодня, через череду ушедших лет, память сохранила блестящую работу «к случаю» Джона Ноймаера, который на музыку «Гадания» поставил для солистов гамбургской оперы Анны Поликарповой и Ивана Лишки впечатляющий дуэт. Победительница первого конкурса Елена Филипьева с Виталием Бреусенко показала себя мощной, очень современной Кармен «из

сегодня». А лиричнейшая, прекрасно сложенная литовка Эгле Шпокайте вместе с достойным партнером Эдвардасом Смалакисом исполнила целую драматическую сцену, специально созданную к конкурсу Юриусом Сморгинусом.

Гран-при на первом конкурсе достался французу Бенжамену Пешу из Гранд-опера. На конкурс он приехал в статусе корифея. Попытаться счастья. На всех турах Пеш выступил ровно и интересно. В финале он закрепил свое лидерство, исполнив сольный номер Форсайта под жесткую электронную музыку. Форсайт был тогда для России в новинку, и публика реагировала бурно. Победа на петербургском конкурсе помогла Пешу в продвижении по лестнице своей танцевальной карьеры. Он стал солистом, а вскоре и премьером. Также вырвались в широкую известность Елена Филиппева и Эгле Шпокайте.

Но не все стали победителями. Премии достались лучшим, а неудачники с мокрыми глазами обступали меня в коридоре, искали сочувствия, желали внимания. Мне думается, что наше жюри принимало справедливые решения. Голосование было тайным. Набрал очки — переходи в следующий тур. Конкурс есть конкурс. От правды цифр в соревновании не уйдешь.

Во втором конкурсе я предложила «Анну Каренину». И снова столь трудная задача сумела расшевелить воображение хореографов и танцовщиков. Вновь перед публикой предстали разные Анны, разные Вронские и Каренины.

Приз в денежном выражении был определен немалый. Особо по тем временам. Десять тысяч долларов — первое место. Это было привлекательным для юных конкурсантов. Но и перечень членов жюри, о котором я писала выше, стал хорошей рекламой конкурсу. Деньги от спонсоров собирали малыми порциями. Но генеральный спонсор японец Сезан Фуками расщедрился не на шутку и выделил сто пятьдесят тысяч долларов. Он был большой меломан, почитатель вокала и балета,

нередко появлявшийся сам на эстраде с пением и драматической игрой. Позже он не раз приглашал меня для совместных выступлений. В Австралии, Новой Зеландии, Лондоне. Но жанр, который он облюбывал, был эстрадный и желания участвовать у меня не вызвал. Я каждый раз вежливо отказывалась, ссылаясь то на занятость, то на сложности с получением рабочей визы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петербургский
балетный конкурс
«Майя»

Лишь однажды его предложение заинтересовало меня. Вместе с труппой театра «НО» выступить в синтетическом спектакле по древней японской легенде «Крылья кимоно». Сам Фуками исполнял главную партию. Пел и танцевал. Но для европейских глаз и европейских ушей это было и не танцем, и не пением в общепринятом понимании того и другого. Я учила свою партию, уже приехав в Токио. Лексика танца была для меня совсем внове.

11

Я изображала пришлицу с Луны, у которой молодой рыбак крадет крылья кимоно и без них она не может покинуть Землю. Молодой рыбак влюбляется в лунную фею, но в раскаянии возвращает ей крылья, понимая, что жить на Земле она не сможет. Хореография и стиль были совершенно непривычными для моего тела, но, к моей неожиданности, я молниеносно освоила весь текст. Фуками оказался хорошим партнером, хотя дистанция между нашими телами ближе чем на полметра не сокращалась.

Но я отвлеклась. Это было много позднее, после первого конкурса, на котором Фуками выступил в роли генерального спонсора.

Все три конкурса организационные вопросы вел Владимир Чернин. И делал это неплохо. Однако что касалось привлечения спонсоров, то эту ношу он чаще перекадывал на мои плечи. Все шло по накатанной дорожке до тех пор, пока среди действующих лиц не появился сын Чернина Сергей. Любвеобильный папа, не спросив на то моего согласия, назначил сына генеральным директором и распорядителем финансов конкурса.

На мое последующее невезение, юный директор Сергей внезапно сочетался браком с роскошной полногрудой блондинкой. Блондинка начала мелькать в кулуарах нашего балетного соревнования в броских провокативных туалетах. Похоже, что сие стало одной из причин наших финансовых затруднений.

А тут еще **точно** в день открытия конкурса грянул злополучный дефолт 17 августа 1998 года...

Мы ожидали перевода денег из президентского фонда Ельцина, которые были обещаны и все соответствующие распоряжения подписаны и переподписаны. Конкурсу недоставало пятьдесят тысяч долларов, главная часть коих должна была составить премиальный фонд. Мелькавший в те времена по телевидению усатый министр финансов Задорнов, с преувеличенной театрализованной заботливостью пекшийся о благосостоянии российского населения, держал все наши бумаги у себя на столе, зная, без сомнения, день и час пришествия грабительского дефолта. Он этот день, верно, и определил!

Все конкурсанты увлеченно соревновались на сцене уютной Александринки. Жюри строго и придирчиво отбирало лучших. А денег на премии и авиационные билеты все еще не было. («Жить стали лучше, а деньги кончились», — как определил происходящее Жванецкий.) По счастью, отзывчивые люди нашлись, и кто взаимы, а кто и по-спонсорски без возврата восполнили недостающую сумму. Англичанин Бен Брамс, появившийся на конкурсе в белом смокинге, достал из кармана пачку банкнот и отдал ее Чернину. Вспомню с искренней теплотой участливость Никиты Михалкова, помогшего нам в той критической ситуации. Отозвалась на нашу беду и известный косметолог Ольга Цуканова.

Я несколько раз звонила на мобильник Татьяне Дьяченко, с которой была немного знакома, лелея надежду, что Татьяна, любимая дочка президента Ельцина, имевшая, как поговаривали, влияние на отца, сможет повлиять и на Задорнова с переводом обещанных де-

нег. Но телефон либо молчал, либо строгим мужским голосом помощника Дьяченко обнадеживал меня, что информация будет передана по назначению. Но никаких денег из президентского фонда мы тогда не получили.

Был еще один инцидент, о котором не очень вспоминать хочется. Состоятельный человек, назову его так, чья дочь трудолюбиво, старательно училась танцу, пожертвовал на наш конкурс внушительную сумму денег. Эту сумму состоятельный человек тоже отдал в руки Чернина cash'ем, и Чернин включил дочь жертвователя в число участниц. Девочка была артистичная, одержимая хореографией, но ее физические данные, увы, были совсем далеки от совершенства.

Члены жюри голосовали тайно, заполняя конкурсные бюллетени. Владимир Логутенко, несший обязанности секретаря нашего соревнования, подсчитывал баллы и объявлял их членам жюри.

Такая система всегда справедлива, но механистична. Дочка состоятельного человека недобрала требуемых очков, чтобы пройти на заключительный тур. Объяснить почтенным членам жюри, что папа соискательницы — один из основных спонсоров конкурса, я не решилась. Как скажешь такое Матсу Экку или Пине Бауш?..

Девочка плакала и страдала, а состоятельный человек прислал мне домой своего посланца. Посланец, отводя глаза в пол, не посмотрев ни разу прямо, тихо, но внятно произнес:

— Деньги надо вернуть. Мой состоятельный человек не спонсор. Второй раз напоминать не будем...

Объяснение не требовалось. Все было ясно. И жутковато.

Короткий разговор с Черниным на тему, что «не-спонсорского подношения» состоятельного человека я и в глаза не видела, что сам Чернин «заприходовал» их в свои руки в Петербурге, закончился получением его факса, где было волевым почерком начертано: «Это ваши проблемы, господа».

Деньги я, конечно, вернула. Тем более что знакомые удостирили, что состоятельный человек совсем не шутник. Внушительную сумму мы передавали состоятельному человеку в два приема. Второй раз в Париже в резиденции Кардена.

Проводить такой дорогостоящий конкурс нам с Щедриным было не по силам.

Сегодня-то мы лучше знаем, как растекаются спонсорские деньги по карманам функционеров мероприятий. Но тогда нам показалась малоправдоподобной молва, что Чернин приценивается к квартире то ли в Мадриде, то ли в Риме. Можно даже предположить — полногрудой блондинке, суженой Сергея Чернина, петербургский климат был люб куда менее, чем палящие улочки Мадрида или Рима...

Помимо Чернина-старшего, на третьем конкурсе серьезную работу провел Владимир Панченко, бывший тогда, до внезапной безвременной кончины, директором Госконцерта. Пользуясь своим привилегированным телефоном, он ежедневно наседавал на усатого финансиста Задорнова, надоедал ему. И в чем-то сумел достичь успеха. Особо это касалось курса стремительно летящего в пропасть рубля по отношению к конвертируемой валюте.

Панченко, о чем я писала в прежней книге, помог мне в смутные времена перестройки и путча с проведением юбилея на сцене Большого. Его уже нет с нами, но память о себе — и не только по отношению ко мне — он оставил добрую. Владимир Панченко был честный, преданно любивший искусство человек.

С организацией первого и второго конкурсов помогал и Игорь Гуревич со своей командой «Росинфест». Я благодарна и ему за содействие. Но уже в дни второго конкурса Гуревич замучил и затаскал меня по званым обедам и ужинам. К тому же надо было постоянно куда-то маршировать, кланяться и что-то время от времени подписывать. Да и разобраться в гуревичевских хитро-

сплетениях и пересечениях с очень нужными, средне-нужными и малонужными господами было тягостно. Кто-то из них действительно в чем-то нам помог. А на кого-то он желал опереться для своих будущих затей. Его манера недоговоров и шепотков стала раздражать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петербургский
балетный конкурс
«Майя»

И в преддверии третьего конкурса я обратила свой взор на господина Игоря Ивановича Беляева, который вкупе со своей симпатичной, но безостановочно курящей женой являл семейное артистическое агентство «Жар-птица». Занимались они преимущественно певцами, и дело, по отзывам, шло у них успешно. Но тут-то я и вкусила горькую долю разочарования. Моя доверчивость сыграла со мной затейливую шутку.

Надо опять было бить челом спонсорам.

Я решила подключить Пьера Кардена. Что, если объединить в одно театральное шоу танец и моду? Такое и дать название вечеру: «Мода и танец». Первое отделение — театрализованное представление — демонстрация карденовских мод. В хронологической последовательности. От первых ранних до самых до сегодняшних. И даже, может быть, до уже завтрашних. А вторая часть синтетического вечера будет безраздельно отдана балету. Покажем это в Москве и Питере. А собранные средства пойдут на конкурс «Майя».

Карден тотчас согласился. А на мое мечтание о платье будущего бурно сымпровизировал:

— Я сошью тебе наряд двадцать первого века. Он будет весь прошит светящимися полупроводниками (может, правильнее их назвать электродами, в технике я сама отроду профан). И мы с тобой в самом финальном апофеозе вечера, как кода, станцуем вальс. В зале притушат свет, и светящееся платье с длинными искрящимися рукавами и бликующим головным убором будет хорошим венцом идеи.

Его импровизация подвигла и мое воображение.

— А что, если, как увертюра вечера, я выйду на сцену в твоём первом сочинении, в твоём первом платье? Ты сам его помнишь? Оно сохранилось?

— Но ты же помнишь свой самый первый танец на сцене Большого? Мы восстановим ту модель. Она была сочинена в 1950 году.

Художник Владимир Шахмейстер дополнил наш замысел и своей инициативой. Он предложил в фойе театров провести выставку театральных костюмов Кардена, созданных им для моих спектаклей.

Карден приехал в Москву. С ним прибыли в элегантных ящиках роскошные туалеты. Один заманчивей другого. Сопровождала их высокая, строгая, как классная учительница, бывшая модель, а ныне ближайшая помощница Кардена Мариза Гаспар. Я знакома с ней более тридцати лет, часто общались, но никогда, ни единой секунды не видела ее без черных очков. Какого цвета у нее глаза, мне до сего дня неизвестно.

Мариза с тщательностью отобрала русских девиц для карденовских творений. Они были стройны и завлекательны.

Москву заклеили афишами, нарисованными Шахмейстером, приглашающими на необычное представление...

Все были убеждены, что билеты в концертный зал «Россия», где должно состояться наше шоу, расхватают в час. Но господин Игорь Иванович Беляев с траурным выражением лица сообщил кассовые сводки:

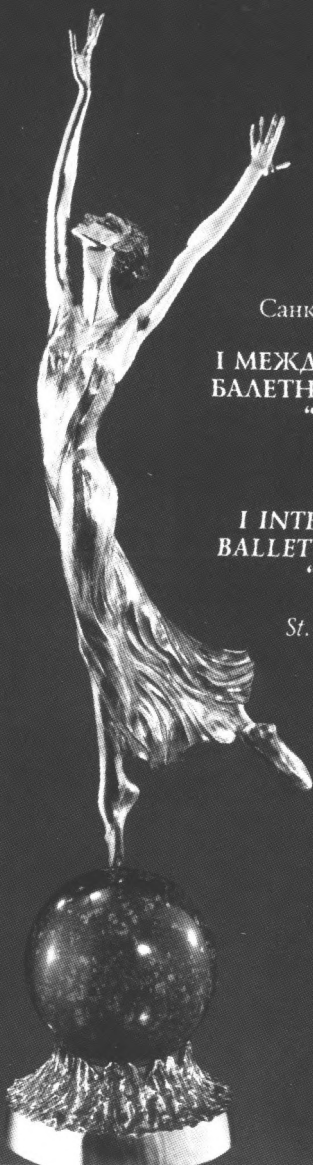
— Билеты плохо покупаются. Не знаю, в чем дело...

Мы пожимали плечами, но верили господину Игорю Ивановичу Беляеву.

Уже в день спектакля с просто-таки похоронным лицом господин Игорь Иванович Беляев сообщил, что куплено лишь тридцать пять процентов билетов.

— Я еще не знаю, какова продажа в кассах, на улицах и в метро. Надеюсь, что возврата не будет.

Мы вновь, пожав плечами, верили Игорю Ивановичу Беляеву. Тем более выражение его лица было столь драматично, что со стороны можно было подумать — он потерял в одночасье самых близких родственников и самых близких друзей.



1994
Санкт-Петербург

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ
БАЛЕТНЫЙ КОНКУРС
“МАЙЯ”

I INTERNATIONAL
BALLET COMPETITION
“MAYA”

St. Petersburg
1994



Поклоны после первого гала-концерта.
Санкт-Петербург. 1994 г.

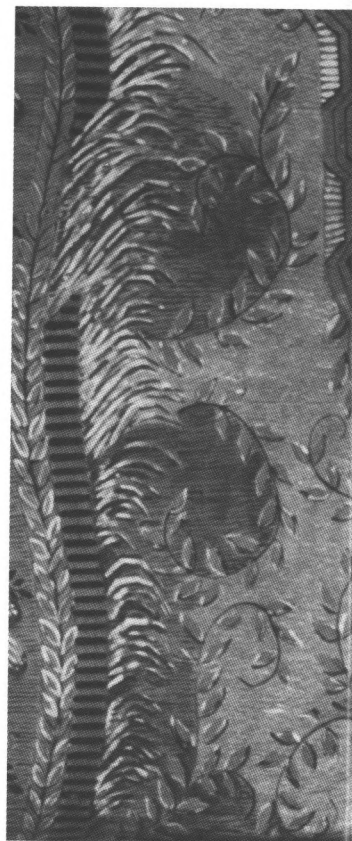
Победительница конкурса 1996 г.
Ольга Павлова, в будущем — прима-
балерина одной из американских
балетных трупп



Членом жюри, художественным руководителем знаменитого
«Театра танца Вупперталь» Пинной Бауш



Тран-при в конкурсе «Майя» открыл Бенжамену Пешу (Франция) дорогу в большой балет: сегодня Пеш — премьер парижской Гранд-опера



Приветствие конкурсантам. Справа — член жюри Филипп Эрсен



Победительница первого конкурса (1994 г.) Елена Филиппьева с Виталием Бреусенко



Члены жюри: обладательница многих международных балетных призов Йоко Моришита, главный балетмейстер Гамбургского балета Джон Нормайер, художественный руководитель Датского Королевского балета Фрэнк Андерсен



Спонсоры конкурса. Слева — Бен Брамс. Санкт-Петербург. 1994 г.



Сезан Фуками (Япония) — генеральный спонсор первого конкурса «Мая», большой поклонник балета и танцор. В 2000 г. М. Плисецкая выступила с ним в спектакле «Крылья кимоно» на сцене Токио Кокусай форума в роли Небесной феи. На фото: С. Фуками и М. Плисецкая на репетиции спектакля



С мэром Санкт-Петербурга А. Собчаком на Благотворительном балу в Екатерининском дворце Царского Села. 1997 г.



Поздравление председателя оргкомитета балетного конкурса «Майя» А. Собчака в день открытия конкурса. На заднем плане — члены жюри Фрэнк Андерсен и французский хореограф Джиджи Качуляну. 1994 г.



С Родионом Щедриным и шведским хореографом Матсом Экком.
Стокгольм. 1994 г.



S резиденции Пьера Кардена. Париж. 2006 г.



Выставка
театральных
костюмов Кардена,
созданных им
для спектаклей
Плисецкой.
Государственный
центральный
концертный зал
«Россия», 1998 г.

Перед бутиком
Кардена

С директором
бутика Кардена
Маризой Гаспар



Программа
 гала-концерта
 «Мода и танец»

Костюм от Кардена
 для роли Нины Заречной
 в балете Р. Щедрина
 «Чайка».
 1980 г.





Пресс-конференция. Справа — художник В. Шахмейстер.
«Великой балериной XX века» назвал М. Плисецкую кутюрье

Карден поправляет костюмы на манекенах



Финал гала-концерта «Мода и танец»



Специально для Плисецкой из мерцающей серебристой ткани Карден сшил чудо-платье XXI в., украшенное светодиодами

Однако к концертному залу «Россия» пробиться было трудно. Зрители с билетами в руках еле протискивались через скопление людей у ярко освещенных театральных подъездов.

Карден за час перед началом представления обошел выставку своих костюмов на манекенах, которую сотворил Шахмейстер. Одним движением руки переместил декоративную розу с головы на торс. Подобрал подол плиссе-юбки и приколот ее к поясу. Набросил шифоновую шаль на плечо. Направил луч прожектора книзу... Словом, одухотворил нашу экспозицию. Манекены как бы ожили по мановению прихоти Мастера.

Вечер, а их в Москве состоялось два, открылся документальными кинокадрами наших раздельных выступлений. Ролик удачно смонтировал Володя Белоусов, и это было хорошей увертюрой нашего шоу.

Хочу только рассказать, что, репетируя, мы поменяли порядок вечера. Первое отделение досталось балету, а второе моде.

Участвовали в представлении в основном победители двух предыдущих конкурсов. Венчая балетную часть, мы исполнили финал «Итальянского каприччио» Чайковского, броско и азартно поставленный Юрием Петуховым. В этом номере я тоже приняла участие, облачившись в роскошное черное бархатное карденовское платье до полу, стянутое в талии атласным зеленым поясом с черным же тафтовым треном.

Волнообразный трен был великанский и шит на манер балетной пачки. Надевать я его должна была через голову. Разница в материалах, несмотря на тот же черный цвет, создавала иллюзию игры двух красок. Многие воспринимали мой наряд многоцветным. Кто серым, стальным, а кто и темно-зеленым. Я пишу о платье так подробно, потому что в этом платье я появлялась на публике немалое количество раз. И даже президент Путин, пришедший позже на мой юбилей в

Большом, прикалывая орден «За заслуги перед Отечеством», прилюдно, но тихо спросил меня:

— А Карден не обидится? Я его платье не испорчу?

В тот вечер двадцатого ноября двухтысячного года я была в этом шедевре Кардена...

Я же и перебросила мост к модам Кардена, открыв второе отделение показом его первого творения. Платья тысяча девятьсот пятидесятого года.

То было платье строгого покроя серого цвета, с крупными бликующими черными пуговицами. Они точно провоцировали первого встречного себя потрогать.

Русские девушки показали себя хорошо. Мадам Гаспар поработала с ними на совесть, и они ничуть не разнились в элегантности от парижских моделей.

И долгожданная кода представления.

Мы появляемся с Пьером на авансцене. Его платье двадцать первого века светится и ворожит.

В зале притушили свет. Мы вальсируем с Карденом вальс-бостон. Он оказывается хорошим партнером. Ведет меня властно и музыкально.

Публика принимает нас горячо. В зале ее полным-полно.

На следующий день мой вопрос к господину Игорю Ивановичу Беляеву:

— Зал был переполнен. Аншлаг. Значит, сбор полный?

Лицо Игоря Ивановича Беляева принимает самое скорбное выражение.

— Увы. Предварительные сведения от городских театральных касс совсем не утешительны. Много возвратов. Сбор даже хуже, чем я полагал. Тридцать один с половиной процент...

— Но кто же тогда был в зале?

— Мне пришлось заполнить места военнослужащими. Нельзя было допустить пустот в креслах. Мне пришлось много, много работать... Окончательные сведения я вам сообщу через пять-шесть дней.

Теперь я задаю Беляеву еще один вопрос:

— А что с парфюмерией Пьера Кардена и его шампанским Maxim's?..

Я упустила рассказать еще об одной затее Пьера Кардена. Когда мы задумывали нашу «Моду и танец», Пьер сказал, что для зрителей VI Ра, купивших дорогие билеты в первых рядах, в качестве презента он пошлет в Москву и Питер по сто бутылок своего фирменного шампанского и по сто флаконов парфюмерии «Пьер Карден». По сто для женской половины и по сто для мужской.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петербургский
балетный конкурс
«Майя»

19

В тот год Карден был страстно увлечен идеей создания собственного мира ароматов. И дизайн для флаконов своих духов он придумал необыкновенно занятный. Пузыречки для парфюмерии закрывались пробками в виде лошадиных голов с гривами. Подобного я ранее никогда не видела. Да и запах духов был мало на что похожий. Карден!..

На мой вопрос Игорь Иванович Беляев говорит, что и духи, и шампанское к сроку не успели и лежат на таможне.

— Их надо растаможивать. Это будет недешево стоить.

Что ж, вновь пожмем плечами и вновь поверим Беляеву.

Парфюмерный и шампанский вопрос задавался Беляеву и мной, и Карденом многократно. Ответ всегда однотипный:

— Работаю над «растаможкой».

Через какое-то время окольными путями слышу, что подарки Кардена благополучно дошли до адресата. Мне нужен небольшой презент для врача. Вспоминаю о дарах Кардена, наконец-то вызволенных из московской таможни Беляевым. Теряю его. Объясняю причину моего желания. Игорь Иванович после повторного обращения привозит мне домой один экземпляр карденовских духов. А где же остальные флаконы и шампанское?.. И слышу ошарашивающий меня ответ:

— Я сдал подарки Кардена в дома инвалидов и престарелых.

То-то погуляли, верно, заслуженные почтенные ветераны, вкусив пьянящих струй карденовского зелья и надушившись дурманящими карденовскими ароматами.

Позже еще одна информация доходит до моих ушей. Володя Шахмейстер, не получивший за свою работу обещанного Беляевым гонорара, в поисках правды оказался у нашего продюсера господина Игоря Ивановича Беляева в офисе, где и увидел, как шкафы семейного концертного агентства «Жар-птица» ломались от карденовских духов и шампанского. Допущу, что строгие нянечки и врачи вышеназванных Беляевым учреждений, ответственно следящие за моральным обликом своих престарелых подопечных, вернули Игорю Ивановичу Беляеву его неуместные для богоугодных заведений подношения...

И последний пассаж. Наконец-то Игорь Иванович получил итоговые цифры сбора нашего шоу в концертном зале «Россия». В телефонном разговоре он с самой грустной интонацией сообщил, что сбор составил лишь двадцать восемь процентов и он на грани финансового краха.

Мне оставалось лишь выразить ему мое горячее сочувствие.

К чести Владимира Григорьевича Чернина, скажу, что собранных в концертном зале «Октябрьский» средств хватило на содержание аппарата конкурса и аренду помещений на восемь месяцев вперед. И карденовское шампанское участники жюри, администрация и гости нашего соревнования вкусили на приеме в честь окончания третьего международного конкурса «Майя» в банкетном зале петербургской гостиницы «Астория». Карденовское шампанское и впрямь оказалось замечательно вкусным. Но запахи карденовской парфюмерии нас таки обошли...

(Пишу о теневых моментах, связанных с конкурсом «Майя», с естественным и объяснимым чувством

обиды и горечи. Но не потому только, что мне хочется по-женски выплакаться и вызвать сочувствие у читателя. А и потому еще, что подобные трюки и комбинации случались повсеместно, на каждом шагу. Они были своего рода типовым знаком ловкаческой морали ельцинского времени. Без них любой рассказ о нашей жизни в девяностых годах прошлого века будет лакированным и неточным.)

За годы своего трехкратного существования конкурс «Майя» обрел и своих почитателей, и своих недоброжелателей. В большинстве своем тайных. И о тех и о других я узнавала тотчас или со значительным опозданием. Иногда неожиданно меня достигало подтверждение о добрых поступках или, наоборот, — злокознях. Из очень авторитетных источников.

Двадцатого ноября двухтысячного года, когда прошло уже более двух лет после завершения последнего, третьего, конкурса, я беседовала в ложе с президентом Путиным. Он приехал приветствовать меня со сцены Большого театра перед торжественным Гала. Речь его была теплой и поэтичной. После речи он подарил мне роскошный букет бело-кремовых роз. Их было ровно семьдесят пять!

В преддверии нашего выхода на сцену мы разговорились о конкурсе «Майя» на петербургской земле. Путин высказал сожаление, что конкурс больше не проводится. Я ответила, что каждый раз вокруг возникало огромное множество проблем, с которыми я уже не справлялась. И что с первых же шагов его проведения, лишь обретя надежную дружескую поддержку Собчака, мне удавалось преодолевать глухое, но отчаянное сопротивление моих коллег. Особенно петербургских.

Я сказала, что Собчак рассказывал мне, что еще перед первым конкурсом к нему на прием пришли Григорович и Виноградов и настаивали, чтобы он не разрешил его проведения. Но все атаки моих коллег Собчак

отбивал решительно и резко. Внезапно Путин подтвердил, сказав, что он присутствовал в кабинете Собчака в Смольном при том разговоре.

Я ужасно рада, что, когда Анатолий Александрович Собчак, отвергнутый, зачумленный клеветой, сраженный в сердце предательством друзей, которым он безоговорочно верил и помогал, находился полулегально в Париже, нам с Родионом удалось разыскать его там и повидаться. Проведенный вместе вечер и по сей день я вспоминаю с нежностью и болью. Каждый раз, когда я «Стрелой» приезжала в Петербург, Собчак в неприятную морозную рань встречал меня на Московском вокзале с роскошным букетом цветов. Дел у него всегда было выше человеческих сил, но он ни разу не упустил возможность свершить этот рыцарский жест...

По прошествии лет плохое вокруг конкурса «Майя» почти забылось. Но добрые воспоминания о соревновании ясно остались в моей памяти.

Замечательная петербургская публика, дружески расположенные ко мне везде и всюду простые, активные петербуржцы, авторитетнейшие члены жюри...

И наконец, многочисленные участники, которым победа в конкурсе ощутимо помогла в начале творческого пути.

Назову несколько имен.

Киевлянка Елена Филиппева, достигшая серьезного мирового признания.

Москвичка Ольга Павлова, ныне прима-балерина в одной из американских балетных трупп.

Бенжамен Пеш — сегодня этуаль балета Гранд-опера.

Литовка Эгле Шпокайте, танцующая на сценах престижных театров мира.

Петербургжец Вячеслав Самодуров, кстати, показавший на музыку из «Анны Карениной» замечательный сольный номер, теперь один из премьеров в лондонском «Ковент-Гардене».

Балерина Большого Анастасия Яценко, получившая признание не только в стенах родного театра.

Наталья Балахничева, выпускница пермской балетной школы, обратившая на себя внимание членов жюри, которую тотчас пригласил балетмейстер Андрей Петров в свою труппу балета Кремлевского дворца съездов.

И личные судьбы кое-кого из участников сложились счастливо, взяв начало в те августовские дни моего ушедшего в небытие петербургского конкурса «Майя».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петербургский
балетный конкурс
«Майя»



山

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бежар дарит мне "Курозуку"

Напрашивающийся вопрос. Что такое «Курозука»? Или кто? Он или она? Может, оно?..

Перед юбилеем 1995 года в разговоре с Бежаром я вскользь обронила ему, что хотела бы на своем празднике станцевать «что-то из Бежара».

Говорила я на своем ломаном-переломаном английском. Удивительно, но люди меня понимают. Тот же Рикардо Куе, мой испанский менеджер и друг. С ним мы вообще разговариваем часами. Правда, более всего о балете. Но некоторые глаголы и прилагательные я иногда вставляю..

Бежар все схватывает на лету. Быстрота его реакции просто чемпионская.

Он впивает в меня свои пронзительные светлые глаза, несколько секунд молчит и с хитрюшной усмешкой говорит:

— Для тебя я переделаю свою японскую «Курозуку».

— Что это означает?

— Я сделал этот драматический спектакль на известного японского актера. В представлении участвовал и один танцор. Очень хороший танцор. Ты его знаешь. Патрик Дюпон.

Выражаю предельную радость. Япония и все японское всегда мне были интересны.

— Кто из нас Курозука? Дюпон или я?

Морис, увлекаясь, начинает свой рассказ. Вот тут уже мне нужен переводчик.

Курозука по-японски означает что-то вроде лешего. Но в женском обличье. Подбираю сейчас параллели с нашими сказками. Может, ведьма? Может, колдунья или чародейка?

Но у Бежара всегда совсем все не просто. Балетик про бабу-ягу-костяную ногу? Тогда не был бы Бежар — Бежаром.

Хочу рассказать суть бежаровского замысла от своего лица, от моего уже исполнительского опыта.

Основа сочинения Бежара — древняя японская легенда. Моя героиня, а может, мой герой — существо двуполое. Поначалу я — юноша-путник, к концу же превращаюсь в смерть несущую ведьму.

Теперь по порядку.

Кровожадный паук (Патрик Дюпон) поджидает запоздалых путников. Что пауки делают со своими пленеными жертвами, всем известно. Появляется юноша в круглой японской крестьянской шляпе. В таких шляпах на полях работают крестьяне в Японии, Китае, Вьетнаме. Подобострастный слуга несет за мной мой багаж. Два больших чемодана. Походка и пластика мои замедлены, таинственны. Паук гостеприимно зазывает странни-

ка в свою обитель. Мой подобострастный слуга снимает с меня длинный черный плащ, и я оказываюсь в элегантном черном же фраке. «В таком выступала Марлен Дитрих», — объяснил мне Бежар. Фрак должен был подчеркнуть мужскую принадлежность путника.

На генеральной под фраком я была облачена в белую крахмальную сорочку-манишку. Но после всех замысловатых бежаровских па нашего дуэта сорочка-манишка оказывалась у меня то на голове, то на шее, то напрочь закрывала все лицо. И на премьере Бежар обрядил меня в черную водолазку под фрак. С ней мы существовали мирно.

Но возвращаюсь к действию балета.

Наш дуэт с Дюпоном-пауком оканчивался моей гибелью. Я превращалась в безвольное, застывшее существо, с которым паук обходился как с механической куклой. Упустила сказать, что паук был женщиной, обряженной в тяжелое шелковое платье. Да еще с платком на голове. Опять бежаровская игра полов. Паук — женщина. Путник — мужчина.

Испив кровь жертвы, паук торжествует (сама все время сбиваюсь — кто он, кто она). В ликовании паук внезапно сбрасывает платье и платок и оказывается седой патлатой колдуньей.

Я лежу бездыханно.

В мерцающем свете сквозь прибрежные камыши прокрадывается тень с японским барабаном. Тень бьет в барабан колотушкой, движется по сцене и склоняется над бездыханным юношей. От звуков барабана и волшебных пластических пассаов барабанщика я медленно оживаю. И начинаю свой танец.

На всех зарубежных исполнениях «Курозуки» этим барабанщиком был сам Бежар. Его участие в спектакле каждый раз добавляло японской легенде глубинный, философский смысл и хорошую порцию чертовщины. Имя Бежара как действующего лица в программке не значилось. Но от его пассаов, барабанных тремоло веяло жутью и потусторонними мирами.

Пока Патрик Дюпон выдελывал головоломные комбинации, я, очнувшись в другом конце сцены, усаживалась за трюмо. Впервые за свою карьеру мне надлежало закурить на сцене, а потом наводить у трюмового зеркала макияж. Я долго и тщательно красила губы.

...В недавнем фильме «Ave Майя», который создали Никита Тихонов и Андрис Лиeпа, Алексей Ратманский в своем рассказе обо мне вспоминал, как на исполнении «Курозуки» в Финляндии, в тот момент, когда Дюпон демонстрировал запредельные бежаровские технические трюки, сам Ратманский и его балетные сотоварищи концентрировали свое внимание на моей пантомиме крашения губ перед зеркальным трюмо. Это был высокий комплимент блистательного танцовщика и замечательного хореографа в мой адрес. Кто-кто, а Ратманский — художник, жадно интересующийся всякими новациями — был отвлечен от технических нововведений мужского танца моим make-up на сцене. Я услышала об этом не без чувства гордости. Позволю себе похвастаться.

...Возвращусь к спектаклю. Закончив свой косметический туалет, я медленно подымалась из-за трюмо, и невидимые зрителю прислужники надевали мне на плечи роскошное цветастое кимоно. Какими только красками кимоно не переливалось. Золото, пурпур, огненные языки пламени, лазурь, изумруд. Кимоно было тяжелое, с длинным хвостом — увесистым треном. Но я должна была действовать, ворожить, карать, мстить, надвигаясь через всю сцену на теряющего свою дьявольскую силу Дюпона. Мне надлежало наказать паука-людоеда. Он терял силы, слабел, «корежился» в танцевальных конвульсиях. И наконец погибал, сраженный ударами моих ног. Курозука садилась на поверженного паука, накрывая его своим кимоно, и праздновала победу.

Бежар ставил мне балет в Лозанне. Там, где у него теперь после Брюсселя базируется его труппа и знаменитая школа.

Какая-то необъяснимая связь между моим телом и хореографическим мышлением Бежара несомненно есть. Ни одна хореография не входила в меня так споро и органично, как все, что показывал мне Бежар. И постановка «Курозуки» уложилась всего в пять дней. А освоить эту лексику после «Лебединого», «Дон Кихота», «Спящей» было совсем непростым делом.

Бежар был мною доволен. И вторым же вечером пригласил нас с Родионом и Патриком Дюпоном в шикарный швейцарский ресторан.

— Там лучшее *fondue* в Лозанне. Вы любите *fondue*? Правда, для балетных фигур эта еда самая нежелательная, — дополнил свое приглашение Морис.

Вечером мы вчетвером весело окунали кусочки сдобного белого хлеба в кипящий у нас на столе чугунок с пенящимся и громко булькающим коктейлем из различных сыров. У каждого в руках была длиннющая тонкая вилка с разноцветной рукояткой — у каждого гостя своего оттенка. И запивали швейцарское лакомство ледяным ароматным белым местным лозаннским вином. Вкусно очень. Но калорий!..

Мне кажется, что партия паука-людоеда — одна из удавшихся работ Дюпона. Я видела его на сцене много раз в самых разных балетах, танцевала с ним, но никогда он не нравился мне так безоговорочно, как в этой партии. И партнером он здесь был безупречным. Позже я танцевала с ним «Послеполуденный отдых фавна» Нижинского. Это было хорошо, но не безупречно. В чем-то наши трактовки не совпадали. Но в «Курозуке» он был поистине совершенен. Немалое количество лет Дюпон руководил балетом парижской Гранд-опера, снимался в нашумевших французских художественных фильмах. Был избалован вниманием людей и успехом. Но работе над «Курозукой» он отдавал себя без остатка. Чутко внимал превосходнейшей музыке современного японского композитора Маядзуми. Мне кажется, Дюпон сам чувствовал, что эта роль станет одной из самых запомнившихся в его репертуаре.

Дюпон всегда развезжал с маленькой собачкой. Она была его дитем, внучонком, братцем, игрушкой. Много раз — даже на моем опыте профессионального общения с ним — бурно конфликтовал с таможенной или ветеринарной службой, как она там называется, о просроченных собачьих прививках, нечетких собачьих фото в звериных паспортах, собачьих визах. И всегда безбожно опаздывал из-за этих баталий на гастрольные репетиции. К концу своей танцевальной карьеры он пристрастился к «зеленому змию» и, к ужасу менеджеров, очищал все содержимое мини-баров в течение дня. Потом он... запел. Совсем неплохо. Собрал свою рок-группу и выступал с успехом на престижных площадках. Его хитом стали русские романсы — «Очи черные», «На заре ты ее не буди», «Две гитары за стеной», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Пел он их по-русски, смачно выговаривая слова.

Бежар относился к Дюпону исключительно дружелюбно, понимая, что Патрик — натура неординарная, хотя и... непредсказуемая. Как бы подчеркивая свое благорасположение к артисту, Морис разрешил ему остановиться в свое отсутствие на своей только что отстроенной новой вилле под Лозанной. С бокалом бургундского Дюпон, видимо, задремал у камина и наделал пожару.

Занялся огонь. Патрик, перепугавшись, схватил только свой французский паспорт и убежал, даже не позволив в пожарную службу. Новую виллу Бежара он спалил всерьез. Бежар был не на шутку рассержен, но не изменил дружелюбного отношения к Дюпону. Хотя Дюпон и забыл извиниться перед владельцем виллы.

Я пригласила Патрика Дюпона на свой юбилей 2005 года в Москву. Возрадовалась, что он тотчас согласился. Но огорчилась, что сегодня он далеко не в лучшей форме.

После «Курозуки» Бежар преподнес мне еще один драгоценный юбилейный подарок. «Ave Майя».

Однажды, совсем неожиданно, я получила факс от итальянского менеджера Бежара Джованарди. Бежар приглашает меня в Геную на закрытие фестиваля танца, который проводит его труппа. Он предлагает мне принять участие в рамках своего фестиваля в презентации нового французского фильма обо мне Доминика Делюша. А кроме того, выступить в заключительном Гала в балете-импровизации вместе с самим Бежаром и Карлой Фраччи на сюжет пьесы Жана-Поля Сартра «За закрытой дверью».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бежар дарит
мне «Курозуку»

31

О том, что мы исполним импровизацию по пьесе Жана-Поля Сартра, я узнала лишь, честно говоря, по приезду в Геную. Бежаровская затея была чуть авантюрна, ибо мы взаправду должны были в основном импровизировать вокруг заданного Сартром и Бежаром любовного треугольника. Театральных костюмов не было, мы все трое оделись по возможностям прибывшего с нами гардероба.

Бежар поинтересовался, каких цветов туалеты я привезла с собой. Цвет моего туалета Бежар выбрал черный. А Карла Фраччи облачилась в платье белое, кружевное. Сам творец был в черных брюках и черной водолазке — как обычно он появлялся на публике.

По замыслу Мориса, состоя с ним в связи, я тайно была влюблена в белоснежную Карлу Фраччи. Мне надлежало выказать пластикой свое влечение к другой женщине. Бежар просил меня страстно, но скрытно обвивать ее тело под белоснежным покровом, трогать ее груди. Сам он играл при этом ревность и беспокойство (немножко вариант из личной жизни писателя Бунина). А вкратце да в сути наш эротический треугольник был таков: Бежара тянуло ко мне, меня к Фраччи, а Фраччи к Бежару...

Большое значение Бежар придавал моему рукопожатию, заставляя в процессе репетиций повторять его вновь и вновь. Пока не удостоверился, что я поняла задачу и жму его руку с мужской резкостью.

Вечером, уже перед самым выходом на сцену, стоя за первой кулисой, он все повторял и повторял со мной упражнение в мужественности моего рукопожатия. Эта деталь была для него чрезвычайно важна.

Затяга удалась. Публика следила за нашими любовными перипетиями с напряжением. Мы долго кланялись. А газеты поместили фотографии нашей троицы, снятой на премьере, на самых видных местах.

В тот же вечер и в том же черном карденовском платье с двумя яркими красными пуговицами я станцевала сцену «камешки» из безжаровской «Айседоры». Фрагменты тоже танцевала отрывок из своего прежнего репертуара.

Следующим утром Безжар, явно удовлетворенный успехом своего фестиваля, сымпровизировал для меня замечательный номер на музыку Баха — Гуно, фонограмму которой я предусмотрительно взяла с собой. Прежде чем импровизировать, Морис несколько раз внимательно прослушал знакомую ему пьесу — знаменитую «Аве Мария», — первую прелюдию Баха, к которой Шарль Гуно дописал гениальную мелодию.

— Мы назовем этот номер «Аве Майя», — сказал Безжар и взял в руки две старые программки, лежавшие на стуле в репетиционном зале. — Это будут твои два вечера, одна сторона белая, другая красная. — И начал импровизировать.

Было это незабываемо.

Он протанцевал без остановки весь номер, обнял меня, поцеловал и произнес:

— Ты запомнила? Повторить второй раз так складно я уже не смогу. Но тебе дадут видео.

Безжар исчез за дверью. Звукорежиссер включил фонограмму. Наверное, чтобы я лучше запомнила. Внезапно дверь вновь отворилась, и на пороге репетиционного зала появился Безжар. С мефистофельским лукавством, улыбнувшись, он сказал одну лишь фразу:

— Я самый быстрый балетмейстер в мире...



*Б*алет «Курозука» (в переводе с японского – «оборотни») – подарок знаменитого французского хореографа Мориса Бежара к 70-летию М. Плисецкой. 1995 г.





По древней японской легенде кровожадный паук (П. Дюпон), испив крови убиенного им юноши (М. Плисецкая), принимает обличье патлатой колдуньи. Фото сверху: Майя Плисецкая и Патрик Дюпон. Слева: премьера «Курозуки» в Мариинском театре. Санкт-Петербург. 1995 г.

Ф

инал: бездыханный юноша,
превратившись в женщину-
мстительницу Курозуку,
умерщвляет паука-вампира.
На заднем плане — М. Бежар



М. Плисецкая (Нимфа)
и П. Дюпон (Фавн) в балете
«Послеполуденный отдых
фавна» (музыка К. Дебюсси,
хореография В. Нижинского).
Токио. 1996 г.





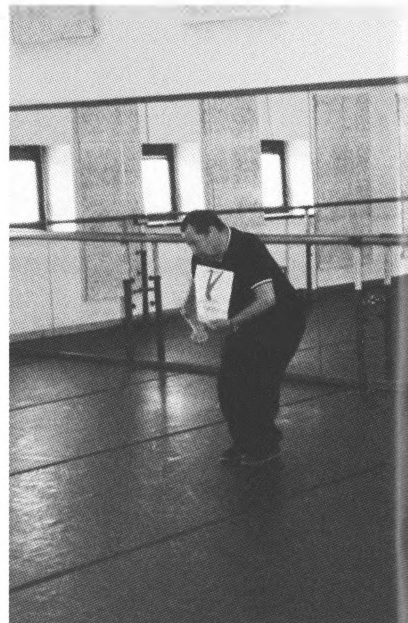
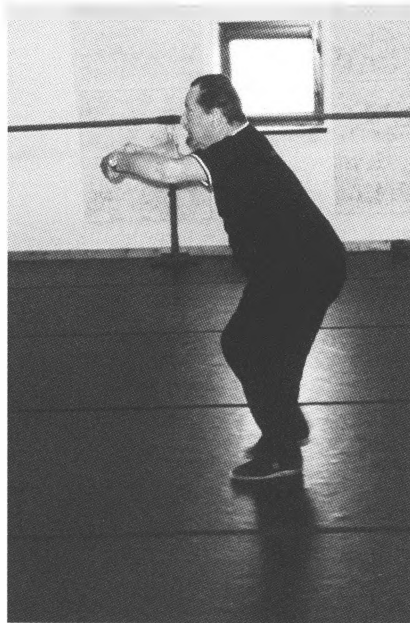
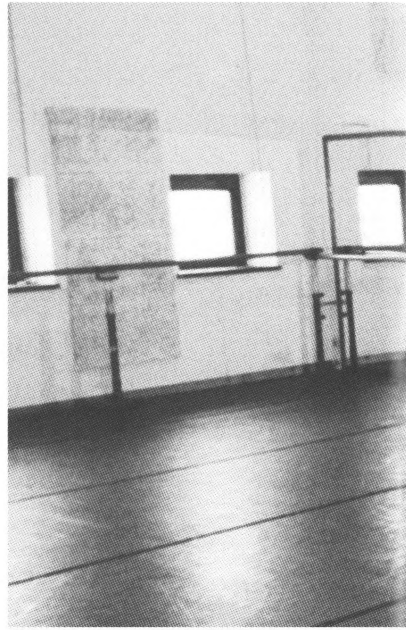
Фавн – Алексей Ратманский



*М*орис Бежар: «Майя – гений метаморфоз»



М. Плисецкая
в балете «Аве Майя»,
специально поставленном
М. Бежаром
к 75-летию юбилею
балерины (2000 г.)
на музыку Баха – Гуно



На репетиции
«Ave Майя»
Бежар показывает
будущий спектакль,
в котором японские
мотивы тесно
переплетены с вечной
лебединой темой
Плисецкой.
Генуя.
2000 г.





В пластической миниатюре по пьесе Ж.-П. Сартра «За закрытой дверью» Майя Плисецкая, Карла Фраччи и Морис Бежар воспроизвели любовный треугольник — эротическую пантомиму с психологическим подтекстом



Премьера «Аве Майя»
в Большом театре.
20 ноября 2000 г.





Мой брат Азарий, снимавший бежаровскую импровизацию на видео (он долгие годы работает в бежаровской труппе), вечером того же дня отдал мне кассету с записью. Теперь я могла вновь с восторгом погрузиться в причудливый и терпкий мир бежаровских фантазий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бежар дарит
мне «Курозуку»



Bill

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лебединые мистерии

С детских лет, не считите, пожалуйста, это выдумкой, я чувствовала какую-то тайную связь с лебединым племенем. И не сценически только, но и жизненно, повседневно.

Сейчас мы с Родионом в Швейцарии, на музыкальном фестивале в Вербье. Здесь я урывками продолжаю работать над новыми главами этой книги.

Вчера, после симфонического концерта, нас пригласили в симпатичнейший горный ресторан. В течение всей трапезы что-то меня раздражало и отвлекало от предлагаемых блюд, временами щекоча оголенную сзади шею. Но за спиной у меня была сплошная бревенчатая стена. И может, щекоталась сама по себе моя кожа?

Перед десертом я все же обернулась. Оказывается, стена за мной была украшена ожерельем из сушеных красных перчиков. А в самой середине висело большое белое лебединое перо. Оно и щекотало меня. Лебединые перья я отличаю безошибочно. Сколько раз за мою профессиональную жизнь кроила я из таких перьев головные лебединые уборы. И для «Озера», и для «Умирающего лебедя». Вновь маленькое дружеское послание от лебединого рода. Новейшее...

А как можно объяснить обязательные лебединые церемонии приветствия и прощания лебединых стай в дни моих приездов и отъездов в наш литовский дом, стоящий прямо на озере. Только я, приехав, вхожу в дверь — появляются лебеди. И это происходит всякий раз в любое время года.

Мы любим встречать в Литве Новый год. Дому уже без малого четверть века. Теперь мы его старательно утеплили, соорудили уютный камин. И тогда за двойными теперь уже окнами потрескивает морозец и подвывают метели, мы с нашей дорогой Наташей Калашниковой — хранительницей обители и всей нашей литовской жизни, — ее семьей и двумя могучими псами, Астой и Шамилем, усаживаемся у елки и пируем. Наташа Калашникова — известная спортсменка, чемпионка мира по гребле на байдарке. Ее муж, Евгений Соколовский, тоже спортсмен. Наталья — одаренный дизайнер, а Женя — умный мастер, способный воплотить ее замыслы в жизнь.

Зимой озеро замерзает. Климат в Литве суровый. Остается незамерзшей лишь узкая протока в излучине речки, соединяющей наше озеро с соседским (в тракайском районе их триста). И лебеди садятся на открытую полоску воды, выходят на лед и косолапо бредут по кромке льда к нашему дому. На запорошенную снегом землю они не выходят. Их променады кончаются возле нашей летней, теперь уже вмерзшей в лед, купальни. Наши собаки отнюдь не питают к ним моего дружелюбия. Мне приходится отгонять их строгими окриками.

Прошлой зимой стая лебедей прилетела очень большая. Я насчитала четырнадцать птиц. Может, лебеди догадались, что 2005 год мой юбилейный? И послали торжественную лебединую депутацию?..

Обычно я бреду к ним по льду навстречу. Родион тревожится, чтоб я не угодила в припорошенную снегом полынью. Мы неторопливо движемся друг к другу. На льду лебеди теряют свою природную грацию, скользят, сердятся, шипят, но идут вперед.

Я навела справки, где зимуют мои лебединые гости. Теперь знаю, что не так уж и далеко. В расположенном вблизи городке Электрени есть незамерзающее озеро, куда впадают теплые воды электростанции. Я вполне реалистична и не предполагаю, что лебединые стаи летят ко мне из Африки или Сицилии...

В позапрошлом году Наташа сообщила нам по приезде еще одну лебединую новость:

— Майя Михайловна, тут без вас прилетал, не поверите, лебедь с совсем рыжей холкой. Подплыл близко. Я его сфотографировала. Он с удовольствием позировал мне. Вот фото.

На меня смотрел белый лебедь с рыжею головою. Может, он попачкался в ржавчине?..

Но утром следующего дня рыжий лебедь появился вновь. Мы засняли его несколько крупных планов, и я помещаю цветную фотографию моего нового приятеля в книгу. Убедитесь, так окрасила его природа, а не ретушер-художник. Этим летом он прилетал вновь. Кстати, в теплое время года вначале я слышу музыку полетов этих прекрасных сильных птиц. Эту музыку ни с чем не спутаешь.

Своего «Умиряющего лебедя» я подсматривала в Московском зоопарке. С природы. Несколько раз ездила туда с единственной целью — подглядеть лебединую пластику, форму движения крыльев, посадку головы на изгибе шеи.

Один раз мне повезло. Внезапно черный лебедь в нескольких метрах от меня расправил крылья во всю ширь, поднял свою перепончатую ногу-лапу и встал на другой в классический арабеск. Стоял он неправдоподобно долго. Помню, что подумалось — вот это устойчивость...

Мне приходилось иногда читать в прессе, что кто-то из моих коллег поставил мне моего «Умирающего лебедя». В предыдущей книге я как-то обошла вниманием этот балетный номер. Хотя именно «Умирающий лебедь» принес мне признание. Хочу припомнить, как все это было изначально.

Во время декады ленинградского искусства в Москве перед самой войной я впервые увидела «Лебедя» в исполнении Натали Дудинской. Мне понравилось. В отличие от Анны Павловой Дудинская выплывала на сцену спиной к зрителю. Такое появление показалось мне поэтичным и загадочным (может, то был вариант Вагановой? Известно, что Агриппина Яковлевна часто меняла хореографию и в вариациях, и в кодах, и в адажио «Лебединого озера», да и в других классических балетах с целью усложнения техники танца).

Чуть позже я увидела «Лебедя» Ирины Тихомирновой и особо обратила внимание на ее заключительную предсмертную точку. Тихомирнова делала это немножко нарочито, заостряя внимание зрителя на финальном движении. Если придать этой детали более возвышенный, обобщающий характер, то она хорошо сможет увенчать бессмертное творение Михаила Фокина.

..Впервые я осмелилась появиться на публике с «Умирающим лебедем» в 1942 году в эвакуации в Свердловске. Моя мама, горько страдавшая, что дочь отлучена войной от балета, предложила мою кандидатуру в сборный шефский концерт в каком-то клубе для раненых. Артистов на тот вечер не доставало, и, поверив матери на слово, что племянница известных танцоров Большого одарена до чрезвычайности (какая мать скажет что другое), вставили меня в программу.

Тут и включила я в свою «трактовку» фокинского шедевра «спину Дудинской», «конвульсию Тихомирновой» и... имела успех. Пачку, трико и туфли мне ссудили в гардеробе свердловского оперного театра опять же под гарантии моей беспокойной мамы. Ее работа в регистратуре поликлиники, куда приходили со своими недомоганиями певцы и танцоры театра, оказала мне услугу. После первого выступления меня приглашали еще несколько раз. И отсчет количества станцованных «лебедей», если бы я аккуратно записывала их в дневнике, надо было бы вести с того клубного шефского концерта.

Досужие журналисты на редкость дружно, словно сговорились, в какой бы части света ни имела место пресс-конференция, обязательно спросят: «Сколько раз, мадам, за свою артистическую жизнь вы станцевали «Умирающего лебедя»?»

А я и не знаю. Не считала. Наверное, зря. Но не считала. Скажу тридцать тысяч раз, не навру. Скажу сорок тысяч раз, тоже не навру. Даже приблизительно не знаю. Лишь могу определить количество лет, когда танцевала я «Умирающего лебедя». Их много. В 1942 году первый лебедь в Свердловске. Последний — на Красной площади в 1996-м...

А сколько раз я бисировала «Лебедя»? Дважды. А то и трижды. Импровизируя каждый бис, как бы споря с самой собой, выходя то с правой, то с левой кулисы. То лицом, то спиной к аудитории. Вот и подсчитайте!..

Люди часто отождествляли меня с этой птицей, делая «лебединые подношения» и подарки. Каких только размеров лебедей мне не дарили — хрустальных, фарфоровых, фаянсовых, медных, деревянных, бумажных, глиняных, серебряных. На фестивале в Бостоне прием в мою честь украсили полусотней ледяных лебедей. Во время ужина ледяные лебеди, стоявшие повсюду, в том числе и на столах, начали подтаивать и, словно рапидно, двигаться. Театрализованная подсветка снизу усилила этот эффект.

Запало трогательно в память, как вошла я в отведенную мне артистическую комнату в Шрайн Аудиториум в Лос-Анжелесе, куда меня пригласили для участия в благотворительном концерте в пользу больных СПИДом (увы, близкая тема для мужской части балетного мира). То был 1990 год. На моем гримировальном столе благоухал огромный лебедь из лепестков белых роз. Я стала спрашивать, от кого такое подношение. Сопроводительной записки при белоснежном лебеде не было. Менеджер концерта объяснил мне, что это привет от Саши Годунова...

За годы моей работы в Испании внимательные, душевные испанцы множество раз также олицетворяли меня с этой птицей. Долгое время над изголовьем постели на нашей даче в подмосковных Снегирах висел ковер ручной работы испанского примитивиста с изображением меня в облике лебедя, плывущего по глади волшебного озера. То был символический подарок от прекрасного испанского танцора фламенко Гектора Зараспе.

Таких историй приходит мне на память множество.

За мои «лебединые годы» претерпели немалые изменения материалы, из которых шили лебединые пачки. Моя первая свердловская пачка была скроена из обыкновенной марли. Такой марлей бинтуют раненых. Чтобы выглядела она поэффектнее да понаряднее, моя мама подкрахмалила ее. Пачка, помнится, была жесткая, торчащая, попахивала отчего-то керосином. Но со сцены гляделась торжественно и вполне достоверно.

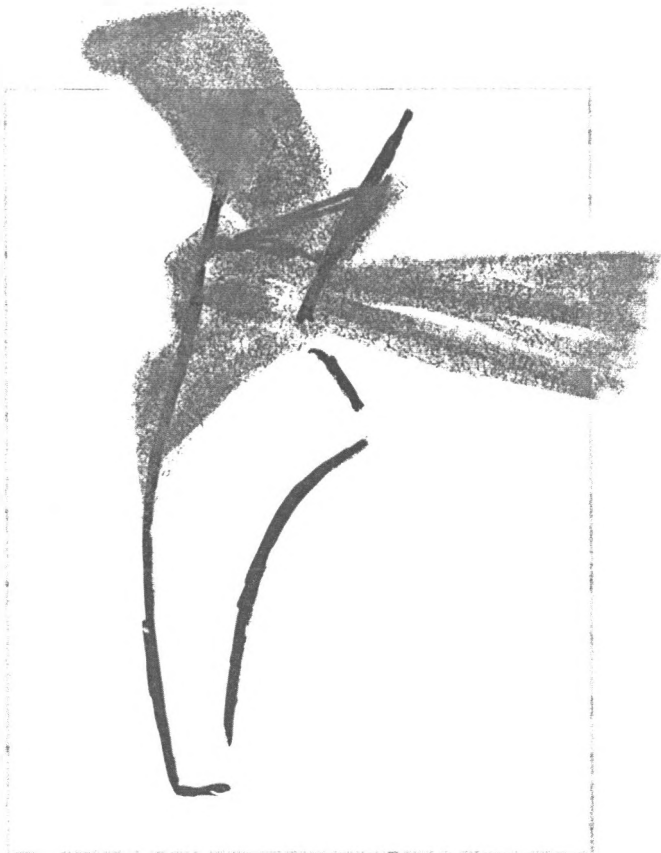
В военные и послевоенные годы было принято наряжаться в длинные, если смотреть сегодняшними глазами, громоздкие, чуть аляповатые костюмы. И пачки были такие. С маминым крахмалом весили они несколько килограммов. И еще крючки довоенного производства, которые замыкали пачку по спине и на талии, были тяжелы, как рыбацкие грузила. В «Лебеде» я была одна.

Но в «Лебедином озере» — а пачка годилась и туда и сюда — партнеру крахмал и крючки доставляли много забот. Кровянили пальцы, царапали нос при посадке балерины на плечо, затрудняли пируэты.

Но прогресс техники и влияние моды принесли облегчение и нам. Пачки становились год от года короче, легче. На смену накрахмаленной марле и тарлатану явился нейлон. Чтобы пачка не провисала, ее стали поддерживать по центру тонким стальным обручем.

Продолжительность жизни каждой пачки многократно возросла. Моя последняя пачка для «Лебеда» служила мне безо всякого ремонта целое десятилетие. Испанские поклонники заказали в театральной мастерской мадридского оперного театра легкий кожаный футляр с ручками, в котором я хранила и возила на выступления эту свою пачку. Она сопровождала меня, а может, я сопровождала ее, все долгие заключительные танцевальные годы. Выглядела она как новая. Сейчас я отдала ее в том испанском кожаном футляре в берлинский архив. Работники архива соорудили большую плоскую картонную коробку, куда и заточили навечно мою последнюю пачку.

Может, лебединые визиты, рыжая челка — это стечение обстоятельств, случай? Вполне допускаю. А может, и взаправду некая связь с лебединым родом у меня все же есть?..



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Разрыв собственной связки надколенника

Мое левое толчковое колено всю мою профессиональную жизнь доставляло мне тревоги и заботы. Травмы и отмены спектаклей. Переносы гастролей. Сколько раз открывала я двери врачебных кабинетов в великой надежде, что доктора излечат мои болезни.

Мне везло с докторами. Серьезные травмы колена не оборвали сценическую карьеру, не сократили срок моей сценической жизни. А сколько раз все висело на волоске. Быть или не быть...

Компрессы, мази, массажи, радоновые ванны, уколы, грязи, парафины, заморозки, таблетки, растирки, токи Бернара, электролечение. Кажется, я перепробовала все. Все перепробовали на мне. На моем левом толчковом колене.

Но надорванные связки все же выдержали.
Выдюжили. Не подвели.

Рим. 20 ноября 2003 года. День моего рождения. Я уже неделю здесь. Председательствую на балетном конкурсе. Все тревожения позади: премии присуждены. Остается их лишь торжественно вручить. Перед концертом победителей римского соревнования.

Солнечным осенним полднем директриса балетной школы римской оперы Маргарита Парилла и мой давний верный друг и коллега Жарко Пребиль (педагог и теоретик хореографии) ведут меня с друзьями на званый обед в ресторан.

Ресторан не простой. Мне объясняют, что в давние времена он был местом встреч русской аристократии. Русские художники и породистые российские вельможи всегда жаловали Рим. Мне рассказывают, что в этот ресторан любил заходить сам Гоголь. Что правда, что легенда — не знаю. А может, из-под этих сводов, из этого прекрасного далёка и видел Николай Васильевич нашу печальную Россию?..

Настроение отменное. Еда вкуснейшая. Вина из погреба в запыленных бутылках подносит на наш стол элегантный смуглый официант. Тосты за мое здоровье следуют один за другим. Жарко, переводящий все наши застольные разговоры, не успевает донасладиться яствами итальянской кухни в полной мере. А вкусно поесть он очень любит и хорошо знает, как это надо делать.

Вечером перед гала-концертом Жарко должен заехать за мной на машине в гостиницу. Ехать недалеко. Но по старинной мощеной мостовой идти в театр на высоких каблуках, в новых туфлях совсем несподручно.

Мне отлично известно, что римские сапожники замечательные специалисты в сотворении элегантной и, главное, комфортной женской обуви. А у меня есть давний и неискоренимый комплекс. Примерка и покупка новых туфель. Знаю, я не одна такая. Но ноги мои так намучены балетом, что найти удобные подходящие туфли абсолютно невозможно.

Вот и брожу я в каждой стране, в каждом городе по обувным магазинам, заглядываясь на витрины. И меряю, меряю, меряю. И покупаю, покупаю, покупаю. Какие удобные! Кажется, первый раз в жизни я нашла что искала. Но первый же выход в свет в новой обувке кончается плачевно. Я бреду босиком. Туфли в руках. Ноги намяты. Кожа, как положено, стерта до крови...

А тут Рим. Легенды о римских патрицианках, из чьих туфель попивали драгоценные нектары цезари и центурионы. Впрочем, я, кажется, фантазирую. Попивали из туфель при французском дворе. А патрицианки топали в сандалиях?..

Но с тех дней моей работы в римской опере я хорошо запомнила адреса престижных обувных магазинов. Какими улочками побыстрее можно до них добраться. И каждый свободный час я с Жарко Пребилем провожу за этим «обувным» занятием. И на этот раз половина моего чемодана занята новой римской обувью — девять пар. Я выставляю их все девять на полу гостиничного номера и долго выбираю самые красивые. Самые изящные. Самые модные.

Выбор сделан. Каблук у них тонкий и высокий. Форма удобная. Ступне комфортно. К цвету туалета они идеально подходят. Кожа мягкая, змеиная. Кажется, наконец-то я обрела удобную обувь. Смотрю на себя в зеркало. Гармония есть.

К вечеру погода испортилась. Поднакрапывает дождь. Однако пора спускаться. Наверно, Жарко меня уже ждет...

Но в лобби Жарко нет. Может, он стоит с машиной у подъезда? Но и там никого. Тогда прогуляюсь по улочке. Римским воздухом подышу.

Дождь несильный. Я делаю несколько шагов по мощеному тротуару чуть в сторону от освещенных дверей гостиницы.

Внезапно высокий тонкий каблук моей новейшей римской сверхудобнейшей правой туфельки на миг падает в расщелину мощеной мостовой, я скольжу и...

оказываюсь на земле. Грохаясь, совершенно без участия и контроля сознания, принимаю конечную позу «Умирающего лебедя»: правая нога вытянута, а на левую подогнутую резко усаживаюсь. Слышу громкий сухой хряп. Словно близкий выстрел.

Боль нестерпимая.

Я почти теряю сознание.

И слышу голос Жарко:

— Ой, Майя, что с тобой?

— Я порвала колено.

Жарко пытается меня поднять. Но двинуться я не могу. Боль мутит мне рассудок.

Что было дальше?

Черeda размытых кадров. Отдельные эпизоды отчетливы и ясны. Другие проходят в полузабытьи и тумане. Портье приносит пластиковый пакет с битым льдом из ресторана. Краткое облегчение. Такси, на котором заехал за мной Жарко, отвозит меня в больницу «Скорой помощи». На руках несут в рентгеновский кабинет. Рентгенолог, энергично жестикулируя, что-то объясняет Жарко и Маргарите Парилле, молниеносно примчавшейся на бедственный зов.

— Врач говорит, что кость цела. Это разрыв связки, — переводит Жарко приговор врача. — Завтра в стационаре тебе сделают томографию.

Болезненные уколы. Колено раздулось почти до размеров футбольного мяча. И мне кажется, что оно продолжает пухнуть прямо на глазах. Сестры стягивают травмированную ногу каким-то широким гипсовым жгутом. Теперь вместо ноги у меня прямая тяжелая палка. Ни согнуть, ни двинуть ею я не в состоянии. Со всем инвалид...

— Это до завтра. До томографии, — итожит, прощаясь, врач.

Но завтра я обязательно должна быть в Вильнюсе! Завтра, 21 ноября 2003 года, у Родиона авторский концерт в филармонии. Его будут транслировать по телевидению. И если я не буду в зале рядом с Щедриным,

поползут домыслы да сплетни. Но концерт — это еще не все. Начало в филармонии в 7 часов вечера. А в пять, за два часа до начала, президент Литовской Республики Роландас Паксас (тогдашний президент!) должен вручить нам с Родионом литовские ордена. Замыслена торжественная процедура. Об этом я знаю из телефонных разговоров с протокольным отделом президентуры. Будет красная ковровая дорожка на парадной лестнице дворца президента. Речи. Приветствия. Прием с шампанским в нашу честь. Во что бы то ни стало я должна завтра добраться до Вильнюса...

Прямого самолета Рим — Вильнюс в этот день нету. У меня билет через Прагу. Муторная пересадка. Да и вылет в самую рань. В семь утра.

Путешествие было воистину мукой. Меня возили по трем бесконечным аэропортам на инвалидной каталке. Грузили в самолет багажными лифтами. Переконструировали пассажирские ряды салона. Оказывается, и такое возможно. И еще одна проблема мучительно жгла мне мозг. Как подготовить мое появление в Вильнюсе в столь плачевном виде? Что станет с Родионом?..

Эта печальная миссия была возложена на русскоговорящего Жарко Пребиля. Через Наташу Калашникову (сам Родион был на генеральной концерта) Жарко сообщил, что Майя слегка потянула ногу и будет подхрамывать. Чтобы Родион не пугался. Хорошенькое слегка...

Вместо дома мы едем с моим набитым новыми туфлями чемоданом в вильнюсскую гостиницу. Она в центре. До президентского дворца и филармонии рукой подать. Но не с моей загипсованной громоздкой слоновой ногой.

Красная ковровая дорожка остается нетронутой. Охранник президента Паксаса вносит меня во дворец

на руках. Хороша балерина. Старательно, натужно улыбаюсь. Все с искренним сочувствием вопрошают: что стряслось? как произошло? давно ли?..

И концерт в филармонии я тоже не пропускаю. Мы с Родионом в почетном ряду, где широкий проход. Кругом правительство. Я сижу с вытянутой бездвижной ногой, увенчанная Великим Крестом Командора, красавцем орденом на цветастой ленте, мешая публике пройти через проход в антракте.

После концерта оживленный прием. Все чествуют композитора и двух героев вечера — дирижера Иозеса Домаркаса и пианиста Дениса Мацуева, замечательно сыгравшего пятый концерт Щедрина.

По счастью, на концерте весь цвет литовской медицины. Все горят желанием мне помочь. Первым делом — правильный диагноз. Посредством мобильных договариваются на завтра на 10 утра о специальной диагностической процедуре-исследовании. Какая-то супертмография для связок и сухожилий. Как она называется, не упомянула. Выговорить трудно. И такой аппарат в Литве лишь один. В больнице «Санторишкес». Завтра выходной день. Но команда медиков нарушит свой воскресный отдых, запустит эту супермашину и определит диагноз.

Следующим утром меня привозят на суд мудрых светил и умных машин. Приговор: полный разрыв собственной связки надколенника в колене левой ноги. Нужна операция.

Кто ее сможет сделать? Где?

Главный врач «Санторишкес» профессор Лауцявичус указывает мне на одного из присутствующих на сегодняшнем драматическом консилиуме.

— Лучший хирург Литвы по ногам и бедрам профессор Порваняцкас. Мы его просили быть сегодня здесь с нами. Вот он.

Надо мной склоняется — а я лежу еще на диагностическом столе — высокий, худощавый мужчина сред-



С «Умиравшим лебедем» связана вся балетная жизнь
Плисецкой: с 1942 по 1996 г. она станцевала трехминутную
миниатюру М. Фокина десятки тысяч раз



1940-е гг.; 1952 — 1953 гг.; начало 1980 гг.



Беркли.
Калифорния.
США.
1974 г.

*М*осква. 1977 г.







1973 — 1974 гг.



*М*ихайлу Фокину принадлежит великая идея сочинить целый номер на па-де-бурре. М. Плисецкая сохранила этот прием в своем исполнении. Но во всем остальном «Умиравший лебедь» — ее фантазия, воображение, восприятие музыки Сен-Санса



Буэнос-Айрес





10 октября 1993 г.,
в критический момент
противостояния парламента
и президента Б. Ельцина,
М. Плисецкая на юбилейном
вечере, посвященном 50-летию
ее сценической деятельности
на сцене Большого театра,
танцевала «Умиряющего лебедя»
под аккомпанемент виолончели
Мстислава Ростроповича

В «Умиряющем
лебедя» М. Плисецкая
стала выходить на
сцену спиной к
зрительному залу.
На фото: выступление
в ДК Автозавода
им. Лихачева. 1977 г.



*M*окио. 1980 г.

них лет, с удивительно пронизательным добрым взглядом. Таким людям сразу веришь.

— Я уже договорился с Мюнхеном, — беспокойно вступает в разговор Родион. — Наши друзья врачи Шиллинг и Энглерт сегодня назовут имя предполагаемого ими хирурга.

— А если сделать операцию в Литве? Вы возьметесь? — обращаюсь я к Порвяняцкасу.

— Делать операцию немедленно нельзя. У вас на колене ссадина. Прежде всего ее надо залечить, — говорит Порвяняцкас. — А где вы решите оперироваться, зависит только от вас.

Испытующе вглядываюсь в Родиона.

— Если ваш выбор остановится на мне, мы сделаем все возможное. Аппаратура у нас самая современная. Но сначала, повторю, нужно заживить ссадину.

— А мы не упустим время? — тревожится Родион.

— Каждый день работает против. Но при открытой ранке взрезать колено никак нельзя. Возможно заражение.

Как добры были ко мне литовские врачи. Как внимательны. Как заботливы. Сколько тепла и душевности проявили они в те мучительные, страдальческие дни моей жизни...

Еще раз вглядываюсь в хирурга Порвяняцкаса. Надо ему довериться. Первое впечатление меня часто не подводило. Смотрю на его руки. Еще раз вглядываюсь в глаза.

— Я вам верю, профессор, — говорю я хирургу. — Вы меня возродите. Остаемся в Литве, — это уже к Родиону.

Щедрин все время в те же дни не расставался с телефоном. Наши друзья, немецкие доктора, задавали через него профессиональные и каверзные вопросы. Взят ли анализ на то? Сделали ли это? Есть в литовской больнице аппарат «X» или «Z»?.. Порвяняцкас мог бы обидеться. Пора экзаменов для него давным-давно миновала. Но с литовской невозмутимостью на каждый

нервный вопрос Щедрина он самым спокойным тоном отвечал:

— Это мы уже сделали. Анализ взят. Аппарат «Х» у нас есть...

Ссадину на колене к 29 ноября мне успешно зашили. И профессор Нарунас Порвяняцкас сделал операцию. Время показало, что сделал ее он блистательно.

После операции были и костыли, и палки, и нервы, и съемный эластичный гипс (кажется, итальянского производства). В общем, все, что положено делать с ломким и хрупким человеческим телом в подобных критических ситуациях...

Потом реабилитация.

Вспоминая свои прежние травмы и многотрудные выходы из них, я с холодком в спине страшилась: сколько самодисциплины и терпения мне опять предстоит проявить. Покажут тебе физиотерапевты комплекс упражнений — сделайте это двадцать раз, согните сустав пятнадцать, через три часа повторите упражнения... Вот мука.

Опять сомнения. Послушаться Порвяняцкаса и поехать на реабилитацию в Палангу? Или Германия?

И вновь вера в литовскую медицину, помноженная на теплоту и нежную заботливость, вера в Порвяняцкаса, да еще мой родной русский язык, на котором здесь все говорят, склонили чашу весов в пользу Литвы.

Конечно, теплота и нежность — дело наиважнейшее. Но профессиональная осведомленность, что ныне делается в мире, тоже должна непременно присутствовать. Расскажу, к слову, как известный немецкий офтальмолог профессор Нойханн спросил Беллу Ахмадулину, коря ее за запущенность глазного заболевания. А чем вас лечили русские врачи? И услышал такой ответ пациентки: шоколадными конфетами и поцелуями.

Итак, Паланга. Лакомое место для летнего отдыха. Но в январе ледяные балтийские ветры гуляют по дю-

нам, студят поручни больничных балюстрад. Носа из клиники не высунешь. Но до носа на улице еще ой как далеко. Надо шаг за шагом разрабатывать свое левое заскорузлое колено.

Тут в больнице есть чудо-машина. Мне о ней еще говорил Порваняцкас. Ее купили в Америке и подарили паланговскому центру реабилитации эмигранты-литовцы, бежавшие от советской «привольной жизни». Поучительный пример человеческого благородства! Называется она какими-то цифрами да буквами. Наши немцы подивились, что такая новинка уже есть в Литве. Врач-реабилитолог задает на дисплее необходимые ноги упражнения. Угол сгиба, темп движения, число раз. Все, что следует делать. Сижу в комфортном кресле, покрываю — что-то сегодня больновато. Но компьютер держит в памяти все мои цифровые данности поступённого движения вперед и бесстрастно, добросовестно делает свое дело.

Врачи в Паланге оказались замечательными профессионалами. Каждое утро начиналось с консилиума в моей палате. Выработывался план согласованных действий «на сегодня».

Нарунас Порваняцкас за мое полуторамесячное пребывание в Паланге несколько раз приезжает, чтобы проведать и меня, и мое выздоравливающее колено. А это триста двадцать шесть километров за рулем в один конец. Путь Вильнюс — Паланга — Вильнюс немалый. Какой благородный, ответственный человек!..

В последний вечер моего нахождения в Паланге мы с Родионом устраиваем торжественный ужин в старинном литовском ресторане. Мы приглашаем на наш банкет всех, кто терпеливо и старательно излечивал мою травму. И врачей, и сестер. Я очень хочу назвать сейчас несколько имен моих избавителей, хотя следовало бы, обязательно следовало бы перечислить их всех. Ну хоть нескольких (длинные перечни в книгах всегда утомительны). Директор клиники — сосредоточенный, обстоятельный Виргиниус Бискис. Заботливый, беспокойный

врач Ромуальдас Микелскас. Моя дорогая, душевнейшая Даля Бумблауските, занимавшаяся моим коленом каждый, каждый день, ни выходных, ни праздников для нее не существовало...

Читатель, не подумай, что я была исключением, заезжей звездой, залетной важной птицей. Конечно, какая-то часть душевного тепла была адресована персонально мне. Но я убежденно свидетельствую — времени для наблюдений было предостаточно, — то, что в русском языке именуется черствостью, бесчувственностью, наплевательством, в паланговской клинике реабилитации отсутствует. Была я не раз свидетельницей ненаигранной помощи в человеческом горе самым что ни на есть простым людям. В том числе и балетным литовским тансорам, долечивавшим в Паланге свои переломы да порывы.

На моем юбилейном вечере в Москве мои немецкие профессора Альбрехт Шиллинг и Рудольф Энглерт встретились воочию с профессором Нарунасом Порваняцкасом. О чем они толковали между собой в фойе Кремлевского дворца съездов в антракте вечера, о чем дискутировали на ночном банкете в верхнем зале Государственного Кремлевского дворца, я не знаю. Знаю только, что Шиллинг сказал Щедрину:

— С выбором хирурга для Майиного колена вы не ошиблись. Это образованнейший и всесторонне информированный специалист. А уж как он сделал операцию, я увидел сегодня вечером. Майя так двигалась, танцевала, что какая нога у нее была порвана, я не усмотрел. Так какая же?..

А Руди Энглерт никак не мог обнаружить у меня на левом колене операционный шов. Как ни усердствовал.

Ехала я в Палангу снежным январским днем. Автомобилем. Лежа на заднем сиденье (влезть в машину

помогала Наташа своей спортивной силой). У придорожной корчмы мы остановились на перекус. Брела я к дверям закуской на костылях, черепашим шагом. Когда уходили, сидящие в зале с сочувствием смотрели мне вслед...

Путь обратный из Паланги пришелся на солнечные весенние дни начала марта. Я сижу на переднем сиденье рядом с Родионом. Он ведет машину.

— Давай остановимся у той корчмы. Ты помнишь? Там вкусно нас покормили...

Мы заворачиваем на знакомый паркинг. Теперь я энергичным шагом самостоятельно вхожу в зал посетителей. Хозяин милого питательного учреждения, который и в прошлый раз подавал нам заказанные блюда сам, узнает меня.

— Пони Плиссеска, вы выглядите чудесно. Я вижу, что в Паланге вас здорово починили...

АВК

МОС

УССГ

ЗДРАВСТВУЙТЕ,



**ДОЧЬ
МАЙИ
ПЛИСЕЦКОЙ!**

Мая Майи. Так оно и было как написано. Одним прекрасным вечером в Лондоне зазвонил телефон. Звонили из Израиля. — Это Суламифь Михайловна? Здравствуйте, дорогая. — трубка деспетный голосок. — С Оля дочь Майи Плисецкой...

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

**МАЙЕ ПЛИСЕЦКОЙ
ОТ "МК"**

*Глубокоочтимая Майя Михайловна, приносим
Вам извинения за причиненную Вам боль.*

Главный редактор "МК" Павел Гусев

ГЛАВА ПЯТАЯ

„ Незаконнорожденная дочь “

В один прекрасный январский день 1999 года, как принято писать в старинных сказках, мне позвонил в Мюнхен журналист Николай Ефимович. Несколько раз он удачно сделал со мной интервью для московской газеты «Комсомольская правда». Интервью получались всегда толковые, профессиональные и доброжелательные. Мы сдружились.

— Майя Михайловна, вы сегодняшний «Московский комсомолец», случайно, не видели?

— Где ж я тут в Мюнхене увижу? Разве что на вокзал съездить? Но там всегда на день-два с опозданием. А что там, Коля, интересного?..

— Не падайте в обморок, Майя Михайловна. Они сообщают на первой полосе с жирным заголовком, что у вас есть тайная дочь.

— Тайный сын у меня уже был. Он даже нанес мне визит на Тверской. Это был пожилой провинциал. Сверив даты наших годов рождения, визитер покорно согласился, что что-то поднапутал. Я произвела его на свет в одиннадцатилетнем возрасте...

— И вы с таким неожиданным сыном миролюбиво поговорили?

— Вид у него был такой жалкий и обтрепанный, что грубить не захотелось. К тому ж он очень тужил, что в дороге — а ехал он ко мне в материнские объятия несколько суток — у него украли шапку. Дело было зимой, и мы с Родионом отдали «сынишке» теплую щедринскую ушанку. И очень миролюбиво распрощались. Больше желания свидеться с «мамочкой» у него не возникло. А что же теперь за дочь у меня объявилась?..

Коля с шутливого тона перешел на сердитую интонацию:

— Дочь ваша, как выяснилось, проживает в Израиле, и фамилия ее Глаговская, и учится там балету. «Московский комсомолец» поместил рядом с сенсационной статьей фотографии матери и дочери. Но схожести, как мне показалось, маловато. Хотите, я ее отфаксую?

Когда я стала читать «комсомольскую» статью, сочиненную журналистом Симоновым, то, естественно, возмутилась. История словно списана с бразильских сериалов. В те самые дни, когда «моя дочь» появилась на Божий свет, я была с труппой Большого балета в Австралии. Импресарио Майкл Эджли, устраивавший этот наш тур, назвал его «Майя Плисецкая и Большой балет». И вдруг меня, беременную, прямо со сцены транспортируют не иначе как на межконтинентальной ракете, и я оказываюсь почему-то в Ленинграде. И рожаю свое чадо почему-то в спецклинике КГБ. Некий кагебэшный полковник, ранее будто бы сопровождавший не раз нашу балетную труппу по чужеземным весям, ждет потомства от своей жены, производящей тот же акт деторождения в соседней палате спецклиники КГБ. Но жена полковника рождает мертвое дитя. И я, разжалобившись

и желая скрыть от Щедрина свою дочь, дарю ей ново-рожденную. И тут же лечу в Париж танцевать на празднике газеты «Юманите» бежаровское «Болеро». Шестнадцать минут танца на столе. Одна. Неплохой экзерсис для роженицы. А годочков-то мне уже за пятьдесят.

Этот «бразильский сюжет» разворачивается в Лондоне, куда спешит моя тайная дочь. Ей страстно хочется пообщаться с моей тетей Суламифью Мессерер, обожавшейся в английской столице поближе к своему закадычному дружку собору «Московского комсомольца» в Лондоне Симонову. Тетя с порога видит поразительное сходство. Какие сомнения! Это же Майя Плисецкая двадцати двух лет. К тому же Юля, так зовут эту девицу с «трепетным девичьим голоском», левша. И Майя левша. Тут не удержусь и процитирую журналиста Симонова в подлиннике: «Любой специалист по генетике подтвердит: женщинам левизна передается только по материнской линии, — заметил по этому поводу Михаил Мессерер. Ну а сама Майя Михайловна Плисецкая, представьте себе, — тоже левша». Михаил Мессерер, сын моей тети, «известный международный балетмейстер», как аттестует его Симонов. Похоже, что Михаил Мессерер и международный специалист по генетике.

То, что за этой «бразильской фильмой» просвечивается намерение задеть, обгадить, унизить меня — очевидно. Но кому это понадобилось? Зачем? И зачем всю эту «бразильскую фильму» Симонов повествует со слов моих родственников? Похоже, это родственная месть. За написанное мною о Мите и Мише в книге «Я, Майя Плисецкая...».

Ясно также, что с чьей-то подачи из Израиля отыскана эта экзальтированная авантюрная особа. Да еще со своей неизменной, свидетельствующей, что она вовсе не мама, мамой. И тут ясно — рождена вся затея в недрах нашего кристального балетного мира. Догадываюсь, кто первым похихатывал на Земле обетованной, сочиняя подобную абракадабру. Но имя называть не

стану. Пускай покраснеет автор бразильского сценария. Но вряд ли такое произойдет. Совесть у оных «творцов» почивает в летаргическом сне.

И журналист, и газета, способные опубликовать такую оскорбительную несурезицу, выбраны безошибочно. И заголовки начертаны в «Московском комсомольце» недоброй, но хлесткой рукой: «У Майи Плисецкой есть тайная дочь в Израиле», «Здравствуйте, я дочь Майи Плисецкой», «У знаменитой балерины обнаружился плод тайной любви».

Как мне поступить? Что предпринять? К девяносто девятому году мои соотечественники по уши залиты потоками желтой прессы. Трехаршинный заголовок прочтут, на фотографии посмотрят и отложат в своей памяти очередную сенсацию. Утвердят ложь за правду. Лев Толстой заметил когда-то, что оправдываться — самое неблагодарное дело. Но промолчать? Не реагировать?..

Я решаю обратиться к правосудию. Да есть ли оно у нас и ныне?

Друзья советуют мне прибегнуть к помощи известного московского адвоката Бориса Кузнецова. Его очень хвалят. Странное совпадение, но первого мужа моей тети Суламифи Мессерер тоже звали Борис Кузнецов. Принесет ли мне это совпадение успех в моем желании обличить ложь? А может, наоборот? И я встречаюсь с адвокатом Кузнецовым. Он безвозмездно соглашается мне помочь.

Это мое первое, но, увы, не последнее обращение к нашему отечественному правосудию. Казалось мне, что наказать клеветников и авантюристов будет делом легким. Лишь предъявления в судебные органы программ, афиш, прессы тех австралийских и парижских гастролой, которые в изобилии сохранились у меня и моих коллег, будет уже предостаточно. Ведь не танцевала же за меня в Сиднее, Мельбурне, Перте, Париже очередная самозванка под моим именем?..

Сама я на судебные разбирательства ни разу не пошла. Намеренно. Но информации о происходившем в

суде у меня было предостаточно. Помимо моего адвоката Кузнецова, помощницы его Елены Зингер и моего стариннейшего друга, литератора Александра Яковлевича Рейжевского, десятки раз принимавшего деятельное и всегда полезное участие в наших с Родионом будничных да и небудничных заботах, — о судебных «баталиях» постоянно и прилежно вешала наша пресса. Меня даже чуть занимало — какие аргументы в пользу очевидной чепухи смогут привести мои клеветники. Но они их родили. Не хочу пересказывать шедевры изощренной фантазии своими словами — умри, Денис, лучше не напишешь, — а приведу подлинные строки из газет тех дней. Газеты истлеют, перлы казуистики позабудутся, а мне жалко, что эти словоблудия канут в Лету. Прочтем их, мой читатель, вместе.

«Журналист Симонов заявил, что он просто изложил рассказ тетки Майи Плисецкой, подкрепив его цитатами из писем Юлии Глаговской». И далее: «Автор статьи Владимир Симонов атаковал Майю Плисецкую. Рассказав, какие неприглядные истории описала в своей книге сама балерина, он посетовал, что «олигархам от искусства» позволено то, за что судят «простых журналистов», и предположил, что Плисецкая хочет поправить свои материальные дела за его счет. От свободы прессы он перешел к защите прав читателей: «Скажите, ведь после этой статьи ваша жизнь стала богаче, а представления о мире расширились?»

«Адвокат «Московского комсомольца» Муратов не нашел в публикации ничего порочащего. Он пустился в сложные философские изыскания, доказывая, что газетные заголовки («У Майи Плисецкой есть тайная дочь в Израиле» и «У Майи Плисецкой обнаружился плод тайной любви»), равно как и подписи под фотографиями («Дочь Юля» и «Мама Майя»), хоть и не совсем соответствуют правде, но балерину не порочат. «Что порочащего в хорошем слове «мама» или в слове «тайная»?..» — вопрошал он и предлагал обращаться к толковым словарям. Подпись «Дочь Юля» выходила и вовсе

чистой правдой: ведь девушка действительно Юля и действительно чья-то дочь».

Это я цитирую статью из «Коммерсанта», написанную острым пером Татьяны Кузнецовой. Ясно, что она целиком на моей стороне. Но были и другие авторы, которые с аппетитом пространно интервьюировали и дочку, и мамашу Глаговских, коя прилежнейшим образом сопровождала мое незаконнорожденное чадо по судебным присутствиям и редакциям газет. Очевидно было, что кто-то финансирует их полеты из Израиля в Москву и проживание в недешевых московских гостиницах. Парочка со страниц этих изданий метала громы и молнии на меня, «жестокосердную», моего «лживого» адвоката Кузнецова, особенно на «продажных» российских гинекологов.

«Экспресс газета — Москва» №21 сообщила читателям, что моя самозваная дочь позвонила к ним в редакцию из Иерусалима и сделала заявление. По ее словам, «ученые-гинекологи из Российской академии наук, осмотревшие Плисецкую и выдавшие ей справку, что она никогда в жизни не рожала, совершили преступление».

А дело было в том, что мой адвокат Кузнецов, ко всем доказательствам опровержения очевидности лжи, попросил меня взять справку у моего немецкого гинеколога. Что я и сделала. Но суд по настоянию оппонентов Кузнецова все и вся подвергал сомнению. А почему гинеколог немец? У нас что, своих гинекологов мало? И пришлось мне — что только не сделаешь, доказывая: не верблюд, мол, я, — отправиться в Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии Российской академии медицинских наук. После осмотра-консилиума светил российской медицины мне выдали справку того же содержания, что и немецкий доктор, — «гинекологический статус нерожавшей женщины».

Та же газета напечатала копии этой бумаги с печатью, присовокупив комментарий специалиста-гинеколога Ольги Замятиной: «Определить, рожала ли жен-

щина или нет, — не составляет труда. При визуальном осмотре можно установить даже факт беременности, имевшей место десятки лет назад. Если женщина не беременела или не рожала, наружный зев цервикального канала имеет точечный вид, шейка матки — коническую форму. Если женщина беременела или тем более рожала, то зев — щелевидный, а шейка матки — цилиндрической формы. Причем эти изменения организма не меняются до самой смерти и не зависят от срока давности беременности. Точность такого диагноза — сто процентов». Вот какие таинства женской физиологии были сообщены нашим читателям обоих полов.

Но суд цеплялся по мелочам далее и далее. Одно из заседаний было отменено на том основании, что доверенность, данная мною адвокату, была подписана не генеральным консулом России в Японии (я была в те дни там), а вице-консулом.

А между тем в суде фигурировали такие документы, как справка из ленинградского родильного дома КГБ (бывшего), что ни один ребенок в названные Глаговскими дни там не умирал. И еще свидетельства, что сам отец Юли «полковник Глаговский» никогда ни полковником, ни сотрудником, ни агентом КГБ не был. И работал он на ленинградском заводе «Ленавторемонт» инженером отдела материально-технического снабжения.

Два с лишним года тянулось это судебное расследование. Адвокат Кузнецов оценил моральный вред от клеветы в мой адрес в пятьсот тысяч американских **долларов**. Но наш справедливый и беспристрастный отечественный суд, который мы в конце концов все же выиграли, отмерил урон моему престижу в восемнадцать тысяч **рублей**. Десять тысяч с газеты и восемь с журналиста Симонова. «Майю Плисецкую оскорбили на восемнадцать тысяч рублей» — гласил заголовок в «Коммерсанте». В пересчете по курсу доллара в те дни — на 620 долларов!..

Но суд также обязал газету «Московский комсомолец» опубликовать опровержение, причем тем же шриф-

том на первой странице, где и была пущена в свет «дочерняя» утка. И срок был указан. Две недели.

Но... миновал год.

Мои друзья тщетно старались обнаружить в зловредной газете предписанное им судом опровержение. Но так и не дождались оногo. Адвокат Кузнецов обращался в Комитет по делам печати и прочие высокие инстанции. Никто и ухом не повел.

Моя незаконнорожденная дочь решением суда была весьма рассержена. Она вновь в сопровождении своей мамы явилась в Москву и начала походы по кабинетам главных редакторов престижных газет. Я узнала об этом от Старкова, руководившего тогда «Аргументами и фактами». Он позвонил мне, взволнованный, поздним вечером и сказал, что два часа беседовал с дочкой-матерью и имеет намерение опубликовать этот разговор.

— Мне хочется дать информацию от газеты. Вы не можете мне в этом?..

Когда же эти публичные развлечения закончатся! Таня Кузнецова цитировала в «Коммерсанте» гневные слова моей отвергнутой дочурки: «Что мне, в дураках теперь оставаться? Мессереры это начали, а я доведу до конца. Я ее поставлю на место. Ни одна справка еще от десяти гинекологов не поможет, и Австралия тоже не поможет».

Совсем уж абсурдным было то, что обе Глаговские печатно требовали провести анализ моей крови на ДНК. Печальная тень эксгумированного Ива Монтана вдохновляла их на эти взывания к справедливости. А я-то еще жива. Что мне, три капли крови жалко?

Таня Кузнецова позвонила мне в Литву и напечатала в том же «Коммерсанте» мой ответ: «Чистой воды авантюризм, который кто-то финансирует. Пусть анализ на ДНК сделают матери и дочери Глаговским. Они же под рукой. А моей крови на всех аферистов не хватит». Мои слова Таня вынесла в заголовок своей остроумной заметки о моих злоключениях — «Крови Майи Плисецкой на всех не хватит...».

Крови и нервов действительно уже не хватало. Я, конечно, слышала и читала, как терзают артистов мнимые и подлинные дети. Но когда это происходит с тобой, да еще так беспардонно и нагло, то нервы начинают сдавать. За мою долгую жизнь советская власть натерзала их вдосталь. Ученые медицинские мужи утверждают: нервные клетки не восстанавливаются. Что-то теперь принесут мне будущие годы?..

Никакого опровержения в «Московском комсомольце» не появилось. Поговаривали по-тихому, что за газетой стоит градоначальник Москвы. Это его епархия. И напоминать о неукоснительности судебного решения всерьез никто не будет. Теперь, наталкиваясь на «Московский комсомолец» в газетных киосках, я резко, а когда и бурно реагирую. Никогда не буду покупать сие издание!..

Но правда все же восторжествовала. Поздно, а восторжествовала.

В декабре 2002 года отмечали семидесятилетие Щедрина. Как водится, брали интервью для ТВ, радио, газет. Родиону позвонила его приятельница с давних студенческих лет журналистка Наташа Дардыкина. Он и не знал, что она работает в «Московском комсомольце». Эту газету мы избегали и сторонились, как черт ладана. И вдруг такой разговор:

— Родион, я хочу сделать с тобой большое интервью для моей газеты. У газеты бешеный тираж.

— А где ты теперь, Наташа?

— В «Московском комсомольце».

— Боже, как тебя занесло в желтое логово?

— Что ты так?..

И Родион, волнуясь, рассказывает Дардыкиной всю мою горькую одиссею с лжедочерью. Наташа ничего не слышала и бурно реагирует — еще в советские времена она слыла среди коллег правдолюбкой и не раз получала по шее за свои вольнодумства. Старая еще журналистская гвардия.

— Я бегу к главному. Может, он не в курсе. А если в курсе, я его усовествлю. Мне скоро на пенсию. Никто мне не страшен.

— Добьешься выполнения судебного решения, интервью за мной. Не заслужила Майя такого пренебрежительного к себе отношения.

Чего не могут судебные исполнители, милицейские чины, градоначальники, может сделать сублильная седовласая женщина. Есть в ее худеньком теле место для совести и порядочности. Сколь многое могут осуществить неравнодушные, малые, но честные люди. Надутым, сытым властелинам наших судеб, упитанным круглолицым депутатам, градоначальникам, шефам и боссам невдомек, что у иных людей есть и нервы, и достоинство, и честь, и самолюбие, и репутация, и доброе имя, наконец.

Главный редактор среагировал быстро. Это ведь так просто. Только желание надо. Желание извиниться перед человеком, которого оскорбили и обидели. Спросить прощения вместо упрямых амбиций. Текст опровержения был опубликован на первой странице «Комсомольца» скромным, неброским шрифтом. В уголке газетного листа. Но опровержение появилось. Извинения произнесены. Подписал обращение ко мне главный редактор Гусев. Вот его текст:

«МК» с необдуманной поспешностью опубликовал 28 января 1999 года присланную из Лондона статью В. Симонова «Здравствуйте, дочь Майи Плисецкой», в которой без тени сомнения миф некоей молодой особы Юлии Глаговской, проживающей в Израиле, преподносился как неопровержимый факт. Автор статьи увлекся выигрышной сенсационностью «жареного» вымысла очередной «дочери лейтенанта Шмидта». К сожалению, сотрудник газеты, готовивший материал к публикации, не обратил внимания на зыбкость, юридическую и биологическую безграмотность доказательств господина Симонова. Состоялся суд, своим решением обязавший «МК» напечатать опровержение. Однако

опубликованное 30 мая 2002 года опровержение, увы, содержало стилиевые несуразности, в частности, возможность двойственного толкования заключительных строк о том, что «МК» не может опровергнуть само существование Ю. Глаговской с ее мистификацией: еще ничего не достигнув в балете, она попыталась соединить себя с великой балериной.

Глубокоочтимая Майя Михайловна, приносим Вам извинения за причиненную Вам боль. Главный редактор «МК» Павел Гусев».

Несколькими годами спустя режиссер телевидения Сергей Костин приехал к нам в Литву, чтобы снять телевизионный фильм о наших с Родионом персонах. Он задумал что-то вроде двух серий. Одну обо мне, вторую о Щедрине. В его замысел входило и мини-интервью с абсолютными совпадавшими вопросами. Блиц-тест на тридцать — сорок секунд. По условиям теста мы не должны были слышать, как на продублированный вопрос будет отвечать другой. Задумываться было нельзя. Ответ молниеносный.

Коли тест — так тест. Хочу сказать, что среди множества разочарований, которые постигли меня в работе с телевизионщиками, Костин проявил и серьезность, и хорошую дотошность, и отличный вкус. Фильмы, по нашему с Родионом мнению, удались. Несколько раз они были показаны по телевидению. С первой встречи с Костиным, памятуя о прошлых полуудачах, я была очень насторожена. Я даже не пустила съемочную группу к нам в тракайский дом. Среднеарифметические лепильщики биографических телефильмов и так обойдутся. Но в процессе работы настороженность моя миновала, и мы, могу сказать, сдружились. Потому и была я покорной, экзаменуемая блиц-тестами.

И вот вопросы. Их много. Они чуть провокативны.
— Чего вы боитесь более всего?

— Родственников, — не задумываясь выпаливаю я Костину.

Костин и его группа удивленно поднимают брови. Такого ответа они не ждали. Но, прочитав настоящую главу, ты, читатель, вряд ли удивишься.

Майя
Плисецкая

Тринадцать
лет спустя

66

* * *

И краткий PS. Осенью 2006 года первая программа российского ТВ вернулась к сюжету этой главы.

В передаче «Пусть говорят» опять муссировали вопрос о моем материнстве. О, моя незаконнорожденная дочь из Израиля! Беззастенчивые администраторы ведущего программы вождельно зазывали меня принять в дискуссии деятельное участие. Отрицать или покаяться в грехе?

Передача состоялась, и я ее видела. Защитники были. Но были и персонажи, без колебаний провозглашавшие:

— А я верю, что девушка — дочь Майи Плисецкой.

— Почему верите?

— Просто верю, и все. Дыма без огня не бывает.

Старинная поговорка нуждается в наши желтоватые дни в коррекции...

Глава №6

~~Забавные и совсем не забавные~~
~~Николай, поэт, поэтесса, друзья~~

На "Забавные и совсем не забавные мероприятия"
на праздновании сходились ~~друзья~~ ^{люди}

Славя Ресурсы в Емельянов

Ферме в Париже поет ~~слова~~ ^{раскалывается} ~~фрагменты~~ ^{фрагменты} за

большими крутыми словами. Мне

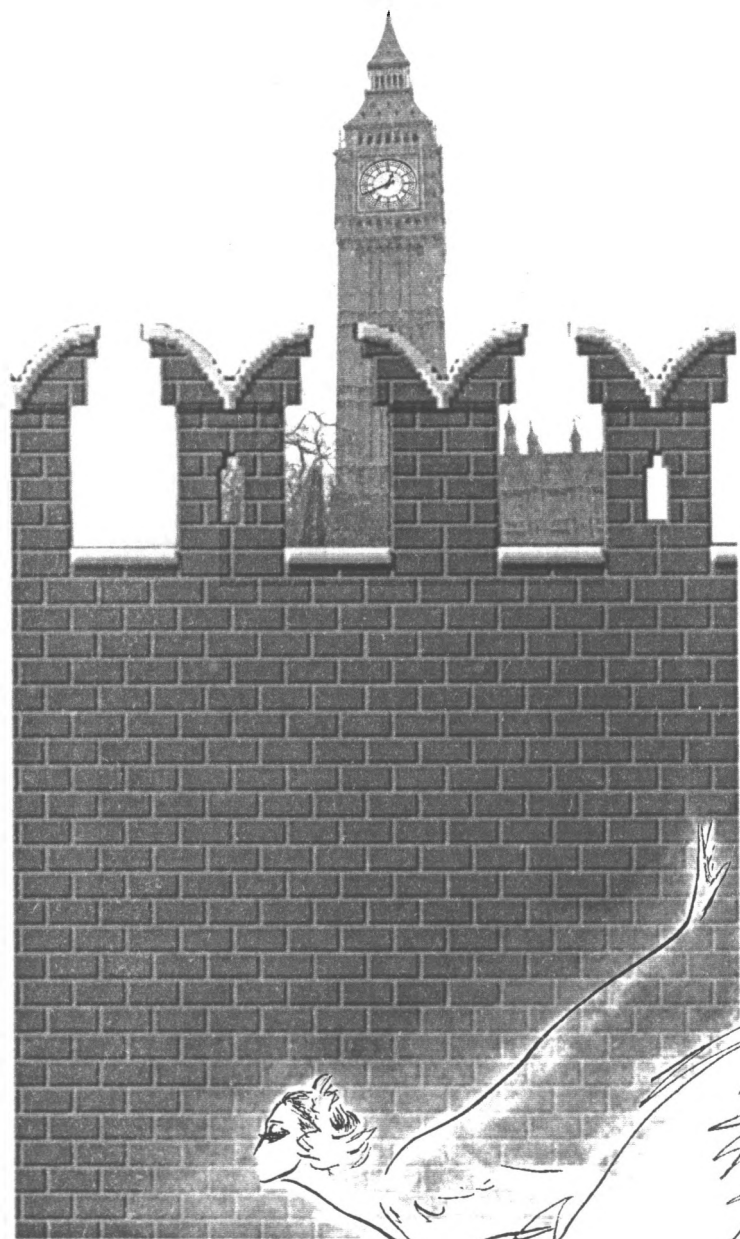
показалось тогда, что таких слов ^{было} 12-15.

Может и больше? Я не считала. [Королевские

осады Европы все как один верящие

попугаи (Сильного жима). И каждый

Парикмахерский предник его друзей вот



ГЛАВА ШЕСТАЯ

Забавные и не совсем забавные неожиданности

На праздновании семидесятилетия Славы Ростроповича в Елисейском дворце в Париже гости располагались за большими круглыми столами. Мне показалось тогда, что таких столов было двенадцать — пятнадцать. Может, и больше. Я не считала.

Коронованные особы Европы — все как один горячие почитатели Славиного гения. И каждый торжественный праздник его круглых дат без них не обходится.

За нашим столом, где нам с Родионом были определены места, пировали — греческая принцесса (сестра испанской королевы Софии), президент Азербайджана Гейдар Алиев, монакский принц Альберт... Нашей соседкой была милая круглолицая большеглазая дама, очень общительная, очень веселая и до крайности любознательная. Она слышала на юбилейном кон-

црте написанное специально по этому случаю новое оркестровое сочинение Щедрина «Слава, Слава». Им лихо продирижировал наизусть Сейджи Озава. Дама все пытала Родиона про разные музыкальные тонкости.

— Вот дотошная тетя, — шепнул мне Родион. — Но притом, однако, хорошо воспитанная.

После роскошного застолья, которое затянулось далеко за полночь, мы отправились по домам. Большинство гостей уже разъехались. Мы были в числе последних. Французские марочные вина вскружили головы, и на вопрос, подвезти ли вас, мы отвечали отрицательно:

— Мы возьмем такси.

Вышли на улицу. Сделали с десяток шагов, и вдруг полил холоднющий мартовский дождь.

Ловим такси. В пелене дождя бросаемся наперерез автомобилю. Машина тормозит. Чуть приоткрыв дверцу, водитель спрашивает адрес. А как называется наш отель? На какой он расположен улице? Ни один из нас не помнит. Шофер принимает за пьяных и зло срывается с места, обдав меня до макушки дождевой водой.

Найти отель мы сможем. Он на другой стороне Сены. Но нам предстоит марафон под дождем.

На высоких каблуках, в вечернем платье, я бегу, взявшись за руки с Родионом, через Париж. Дождь догоняет нас, и темп бега почти олимпийский.

Утром летим в Мюнхен, а оттуда вечерним поездом отправляемся в Амстердам. Там Ефим Бронфман должен играть в «Концертгебау» премьеру Второй фортепианной сонаты Щедрина.

Выходим на вокзале в Амстердаме. И первое, что бросается в глаза, — большие цветастые плакаты с изображением нашей соседки по праздничному столу в Елисейском дворце. Догадка приходит вмиг. То была королева Голландии Беатрис. Не зря заметил в светском разговоре скептический Родион признаки хорошего воспитания.

Встречающие объясняют, что послезавтра день рождения королевы и по древней голландской традиции каждый подданный ее государства единожды в год име-

ет право продавать на улице все, что ему заблагорассудится. Может, и нам пустить что в торг?..

А вот и совсем недавняя «свежая» неожиданность. Прилетев в Лондон на празднование теперь уже моего собственного юбилея на сцене «Ковент-Гардена», слышу от организаторов:

— Сэр Джон Морган просил передать вам приглашение на ленч в любой подходящий для вас день. Знаете, кто это? Что ему ответить?

Знаю. Да еще как знаю. Сколько нервотрепки и тревожений внесло это давнее знакомство в мою жизнь. Целых шесть лет, шесть лет числилась я в английских шпионках. Была предметом докладов КГБ на Политбюро. Объектом двадцатичетырехчасовой слежки кагебэшной спецмашины. Шесть лет была напрочь закрыта для меня граница. Шесть лучших лет моих танцевальных кондиций. Шесть лет, когда прыжок мой был действительно чемпионский.

Ну хоть взаправду взорвался бы бурный роман или бездумная интрижка. Точно говорят — лучше грешным быть, чем грешным слыть...

Но повидаться с Джоном Морганом мне хочется. Да и Родиону — уж столько он о нем понаслышан — будет интересно. Какой он сейчас? Старше меня или мы одногодки? Может, и младше? В 1963 году мы однажды виделись с ним (все это описала я в прошлой своей книге). Теперь Джон — сэр. Значит, карьера его успешна.

О самом Гала и своих юбилейных празднествах я напишу ниже. А сейчас только о нашей неожиданной встрече с сэром Джоном Морганом.

Определив удобный для себя полдень — на следующий день после Гала, — я называю дату организаторам. Мне хочется с Морганом встретиться.

В нашем гостиничном номере звонит телефон.

— Мадам, сэр Джон Морган ждет вас в лобби.

— Спускаемся.

Мы с Родионом отправляемся лифтом в гостиничный холл. Очень пожилой человек, опирающийся на

палку, сутулый и грузный, трудно подымается с кресла нам навстречу. Столкнись я с ним на улице, никогда его не признала бы. Лишь ярко-голубые глаза напоминают мне прежнего эlegantного, с иголки одетого (словно он только вышел из ателье модного портного) Джона Моргана. Я знакомяю его с Щедриным.

— Заочно я вас хорошо знаю.

— Я знаю вас тоже, — улыбается Родион.

— Моя жена ждет нас в кэбе. Вы не возражаете, если мы поедем на такси? Я хочу вас пригласить на обед в королевский клуб. Надеюсь, вам будет интересно.

В машине нас ожидает жена Джона. У нее что-то с ногами. Рядом с ней костыли. То ли она здорово изменилась, то ли это другая женщина. Перехватив мой взгляд, Джон говорит:

— Маргарет — моя вторая жена. У нас с ней двое детей.

— Помнится мне, что от первой жены у вас было трое, — говорю я Джону.

— Нет, Майя, пятеро. Всего их у меня семь.

Весь разговор мы ведем по-русски. И временами Джон тезисно переводит содержание беседы жене на английский. Ибо русским она не владеет.

— Я очень забыл ваш язык?

— Мне бы так забыть английский, — замечаю я в ответ.

Пока мы едем по Лондону, Джон кратко повествует о своей дипломатической карьере. Был послом Великобритании в Польше, в Мексике, в Дании. Сейчас возглавляет крупную международную компанию. Расточает комплименты о вчерашнем Гала, на котором он присутствовал. Ход его речи неспешный, мерный. Но я нарушаю дипломатический этикет:

— А книгу мою, Джон, вы читали?

Больно уж невтерпеж спросить мне его об этом.

— Читал. И по-русски. И по-английски.

Тут уж нарушает дипэтикет Родион:

— А то, что Майя написала, сэр Джон, правда? Кое-кто ее попрекает, что преувеличила.

— Майя преуменьшила. Было еще страшнее, — раздельно, отчетливо произносит Морган.

Под портретами почтенных отпрысков королевских фамилий ведем мы нашу беседу. Вот бы отобедать под сенью сумрачных надменных королевских портретов в пустынном гулком лондонском клубе, без соглядатаев и доносчиков, с крупнейшим английским дипломатом в одна тысяча каком угодно году — при Хрущеве, Брежнев-е, Черненко, Андропове... Вмиг оказалась бы я в ГУЛАГе...

— Куда вы тогда исчезли, Джон? Вас заставили уехать? Вас наказали?..

Морган уходит от прямого ответа. На то он и дипломат. Но понять, что произошло что-то чрезвычайное, мне, кажется, уловить удалось...

— Один эпизод, Майя, вспомнить мне все же хочется. Вам это будет интересно.

Дальше последовал рассказ. Как в совсем уж теперь далекие дни официального визита Хрущева и Булганина в Англию Джон Морган, блестяще владевший русским языком, сопровождал высоких советских гостей на балетном представлении спектакля королевского балета в «Ковент-Гардене».

— Я сидел за Булганиным и Хрущевым во втором ряду королевской ложи. Вдруг что понадобится. Какая-то информация. Перевод на русский с нашей, английской, стороны. Не помню, что за балет давали англичане в тот вечер. Кажется, «Лебединое озеро».

Джон Морган надолго задумывается.

— Да, да, это было «Лебединое озеро»... «Лебединое озеро». Кто из наших тогда танцевал? Не вспомню. Может, то была Фонтейн?..

Пауза.

— Первый выход примы. И вдруг господин Булганин оборачивается ко мне назад и впервые произносит мою фамилию:

— Наверное, господин Джон Морган хотел бы увидеть сегодня на этой сцене совсем другую балерину?

Хрущев тоже разворачивается и с укоризною качает мне головой.



BU

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Моя Кармен, Мои Кармен

Со дня выхода из печати предыдущей моей книги вплоть до дня сегодняшнего добрую тысячу раз беседовала я с интервьюерами. Журналисты обстоятельно готовились. Листали мою книгу. И точно по ней строили свои вопросы.

Я обычно сердилась. Ответила на них уже письменно. Самым обстоятельным образом. Неужто других вопросов у вас, господа, не возникло? Или вы ждете иных ответов?..

И вдруг задают мне свежий вопрос:

— С кем олицетворяете вы себя более — с Лебедем или с Кармен?

Задумалась. Это серьезно. И отвечаю: если в единственном числе, то с Кармен. Схожа моя «сопротивленная» жизнь с воль-

нолюбивой героиней Мериме. Лебедь — это прежде всего внешний рисунок, пластика. А Кармен — почти революция, свержение устоев, вызов традиции, высвобождение от оков условностей, коррида. И многое чего еще.

Тиражировалась в прессе не раз и сентенция Екатерины Алексеевны Фурцевой. Почти приговор: «Ваша Кармен, Майя, жить не будет. Ваша Кармен умрет». И мой «карменсистый» резкий ответ: «Кармен умрет тогда, когда умру я».

К моему юбилею 2005 года мой родной Большой театр сделал мне ряд дорогих подношений. Гала «Дон Кихот» в Кремлевском дворце точно в день моего рождения. О нем я подробно расскажу ниже. Фестиваль моих спектаклей на новой сцене Большого. И может быть, самое ценное: восстановление в репертуаре Большого **моей** «Кармен-сюиты».

Восьмидесятивосьмилетний Альберто Алонсо приглашен в Москву, чтобы из первых рук воссоздать свое некогда запретное детище («После скандальной премьеры Фурцева смотрела на меня, как на Троицкого», — говорил тогда Альберто). Несмотря на серьезное недомогание (у него рак легкого), он с энтузиазмом откликнулся на зов Большого. В его распоряжении были лучшие танцоры. Светлана Захарова, Галина Степаненко, Мария Александрова, Андрей Уваров, Клевцов, Меркурьев...

На премьере Светлана Захарова с Уваровым все выходили и выходили за занавес, когда зал содрогался от оваций, я с заносчивостью, но и с миролюбием вспомнила изначальный приговор Фурцевой. Нет, милая Екатерина Алексеевна. Вы ошиблись в прогнозе. Живет «Кармен-сюита». И долгий век моей «Кармен-сюите» еще, убеждена, предстоит.

Помимо версии Альберто Алонсо в Большом, хочется мне отметить несколько ярких, как мне представ-

ляется, трактовок музыки «Кармен-сюиты» другими балетмейстерами.

Первой на память приходит постановка шведа Матса Экка. Он сделал ее изначально с Анной Лагуной в главной роли в театре стокгольмской труппы «Культурт-балет». Затем перенес в «Ковент-Гарден», Лион, Варшаву, Сеул. Но мне довелось впервые увидеть его «Кармен» в записи на DVD. Сочная, умная, захватывающая работа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Моя Кармен,
мой Кармен

77

Экк не изменил ни одной ноты в партитуре Щедрина. Никаких купюр. Никаких перестановок (даже обращаясь к «Лебединому» или «Спящей»), балетмейстеры позволяют себе всякие разные вольности. Тогда даже на слух уловишь разницу в решении спектакля). А тут закрой глаза — я танцую. А откроешь очи, Лагуна творит что-то абсолютно свое, неведомое. Но убедительное и редкостно музыкальное.

Спектакль Матс Экк начинает с казни Хосе. Его расстреливает строй солдат. Этой же сценой он и завершает спектакль. А в оркестре размытые колокольные перезвоны бизевской хабанеры. У Альберто Алонсо — то оркестровая заставка, музыкальный эпиграф. У Матса Экка на те же такты накал драматизма действия. Развязка сюжета.

Лексика Экка всегда сверхиндивидуальна, ни на кого не похожа. Но в каждой его работе я ощущаю смысл, глубину, идею.

Лагуна — жена Экка. Испанка из Сарагосы. У них два сына. Для танцовщицы двукратные роды не совершенствуют женскую фигуру. Но ей веришь, что такая Кармен быть могла. Смотрю на нее и вспоминаю слова Беллы Ахмадулиной, сказанные по поводу молодой стройной танцовщицы: «Любить ее можно, но убивать не за что». Лишить жизни Лагуну у Хосе все основания есть. Так достоверна и вызывающа она в каждом поступке своем. Малая, но тонкая деталь: с ударом ножа Хосе Кармен выплевывает изо рта свою неизменную

«наглуую» сигару. Словно фонтан крови выбрасывает ее аорта.

Запомнившаяся премьера «Кармен» петербуржца Никиты Долгушина в Самаре. Очень своя. Очень последовательная. Самостоятельная. В мою задачу никак не входит пересказывание находок вокруг «Кармен-сюиты» талантливых хореографов. Но хоть малые детали могут дать представление читателю о тональности и направленности полюбившихся мне балетмейстерских работ.

У Никиты Долгушина среди действующих танцевальных лиц нет Тореро. Не ищите сей персонаж в программе к спектаклю. Он отсутствует. Но как же решается Долгушин любовный треугольник драмы? Какая Кармен без этого треугольника?

У Долгушина — одуревшая, оглушенная назойливой рекламой толпа лицезреет своего кумира лишь на картонных картинках, окарикатуренную физиономию которого обезумевшие поклонники в экстазе воздевают к небу. Не так ли и ныне безумеют фанаты модных роковых знаменитостей? Штурмуют концертные залы, убиваются за билеты? Давят друг друга за автограф заезжей безголовой, вульгарной канарейки?..

И Кармен влюбляется в Тореро по уличной афише (или же это мое зрительское прочтение?). Словом, «бес-торрерная» трактовка Долгушина дает возможность множественности толкований. И еще хорошо придумано. За сорок пять минут Кармен (Настя Тетченко) не покидает сцены. Сложная, технически трудная партия, наделенная страстью виртуозная хореография. Много прыжковых комбинаций, широких растяжек. Все на пуантах. И это осмысленно работает на фатальный, обреченный образ Кармен. В мое время выдержать такую драматическую и физическую нагрузку мало бы кто смог. Моя трехактная прыжковая Лауренсия тоже не была простым орешком. Но выдержала бы я тогда такую долгушинскую Кармен — не знаю...

Майя
Плисецкая

Тринадцать
лет спустя

В Хельсинкской опере полностью убедила меня постановка хореографа из Португалии (женщина!) Марилены Фонтура. Этот спектакль весь босиком. Без туфель. Хороша была Нина Хурванинен, чьему дарованию я всегда симпатизировала. Декорация — лишь лестница, вздымающаяся на театральные колосники. В этой постановке есть что-то от роббинсовской «West Side Story». Жестокость. Кровь. Поножовщина. Нравы городских предместий. Страшна сцена изнасилования Кармен несколькими подонками, когда их дружки держат рвущегося на помощь к своей возлюбленной Хосе. И всё средствами яркой хореографии. Средствами современного, но замешенного на вечной великой классике танцевального языка.

Если Долгушин, как и Матс Экк, канонически следует партитуре Щедрина, то португалка, не меняя порядка номеров, дважды использует сцену Тореро. Ее хореографическая концепция безусловно укладывается (кроме этого повтора) в партитуру «Кармен-сюиты».

Мне была интересна «женская точка зрения» на образ Кармен. На ее взаимоотношения с мужчинами. И их звериная, всеобщая похоть к ней.

Стокгольмский оперный театр любезно пригласил нас с Родионом на премьеру своей шведской «Кармен», поставленной Кеннетом Кварнстремом. Но сама Кармен на сцене отсутствовала. Лишь восемнадцать мужчин, восемнадцать танцоров, грезивших, желавших, ждущих, вожделевших неотразимой женщины по имени Кармен. Тут что-то было от Беккета, от его пьесы «В ожидании Годо». Всю пьесу этого Годо ждут, говорят о нем, судят, но он так и не появляется. И здесь мы Кармен не видим. Но спектакль о Кармен. Глазами, чувствованиями, воображением восемнадцати танцоров. Значит, можно и так?

Спектакль, очевидно, удался и имел успех.

А вот и недавняя австрийская версия «Кармен» Питера Браера. Спектакль на полный вечер. В двух актах. В городском театре Зальцбурга. А музыки у Щедрина

только на один акт. Браер находит интересный ход. Он перемешивает нашу симфоническую «Кармен-сюиту» с оригинальными записями подлинных мелодий фламенко. Иногда они не просто соседствуют, но и накладываются друг на друга. Занятный эффект.

Труппа у Браера немногочисленная. И танцоры временами «сам и жнец, и на дуде игрец...». Балетмейстер стремится, сколь возможно, приблизиться к новелле Мериме. Цыганские напевы фламенко в том ему в помощь. В число действующих лиц он включает мужа Кармен (предшественника Хосе на любовном ложе) и путешественного англичанина, у которого протитутующая Кармен крадет кошелек. Смертей тут и крови, как у Шекспира.

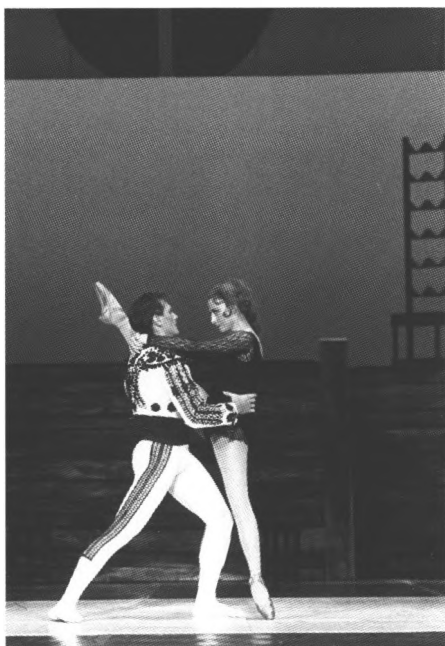
Я видела этот спектакль дважды. И оба раза напряжение, интерес ни на минуту не ослабевали. Хореографический язык Питера Браера совершенно самостоятельный. Он был хорошим классическим танцовщиком. И я несколько раз участвовала в международных Гала, где он танцевал с невразумительной, тусклой немецкой танцовщицей Вернон. Они все время ссорились. Она непрестанно цеплялась к нему, досадуя, что у публики он пользовался бóльшим успехом. Вот уж не полагала я, что этот чисто классический танцор имеет такой мощный творческий хореографический потенциал. И такую безудержную фантазию.

Хороша была сама Кармен. Танцовщица из Румынии Кристина Ута — прима его зальцбургской труппы. Тут уж она не сходила со сцены два акта. Каких только бешеных сложностей не задал ей балетмейстер! Самое удивительное, что после обоих виденных мною представлений она оставалась цела и невредима. И весело щебетала с объемистой кружкой австрийского пива рядышком со мной в театральной кантине. Ни единого признака усталости на лице. Как техничен стал сегодня балет!..

Роль Хосе у Браера исполнял чернокожий кубинец Александр Перéда (наверное, полукровка). Грузнова-

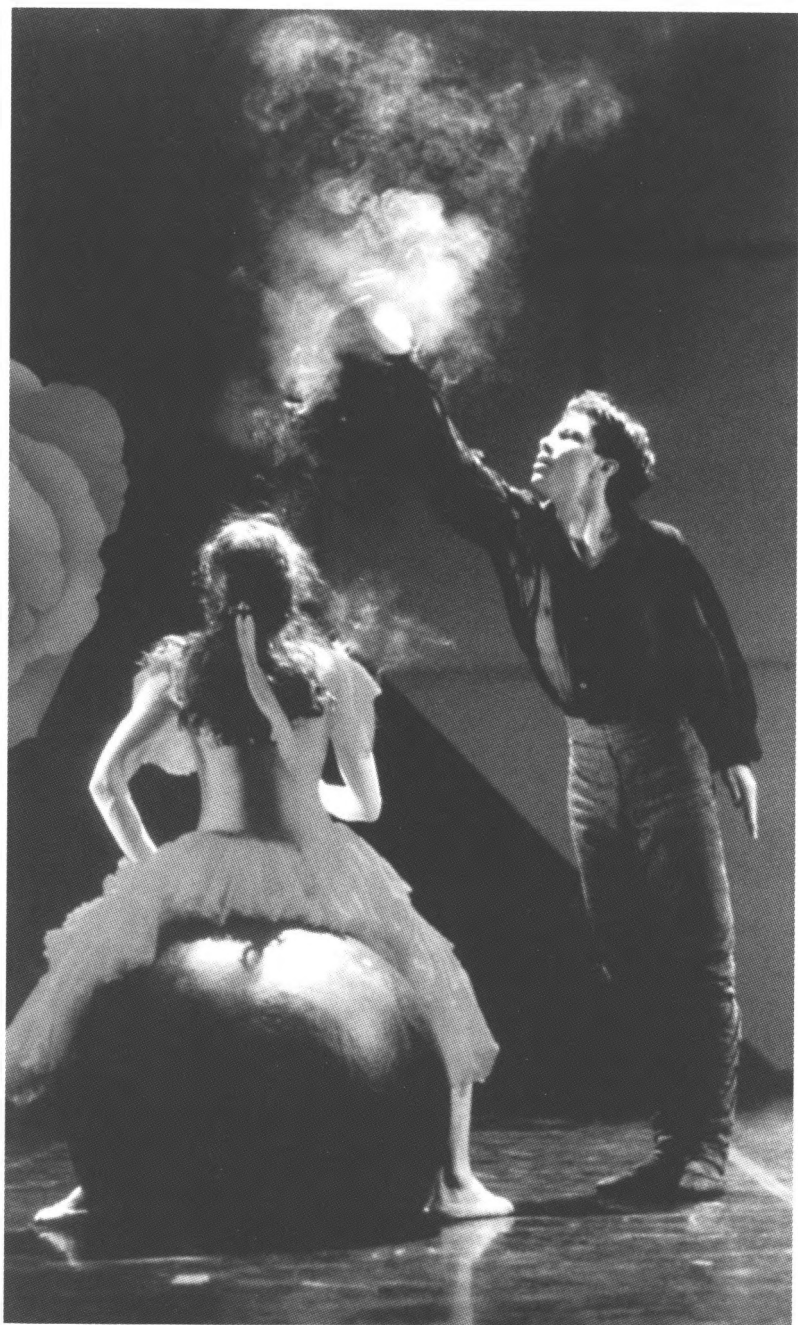


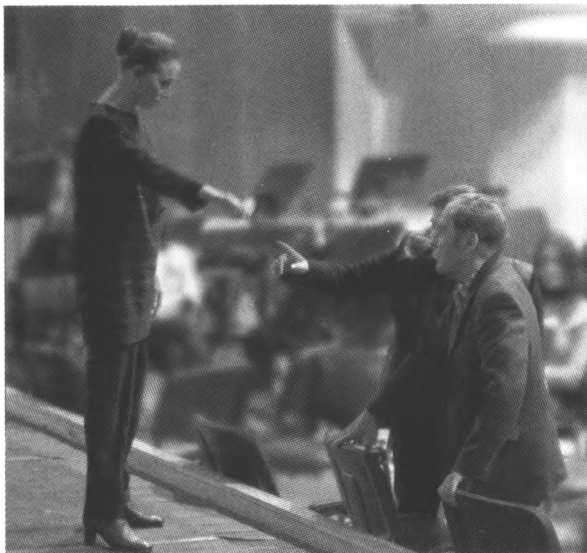
«Кармен-сюита» Бизе – Щедрина



После премьеры на сцене Большого в 1967 г. М.Плисецкая станцевала «Кармен-сюиту» сотни раз по всему миру. Внизу слева: Тореро — Ханс Тино. Мадрид 1988 г.

Анна Лагуна и Марк Хван в балете «Кармен». Хореография Матса Экка. Этот балет был впервые в России показан на юбилее Майи Плисецкой в Большом театре в 2000 г.

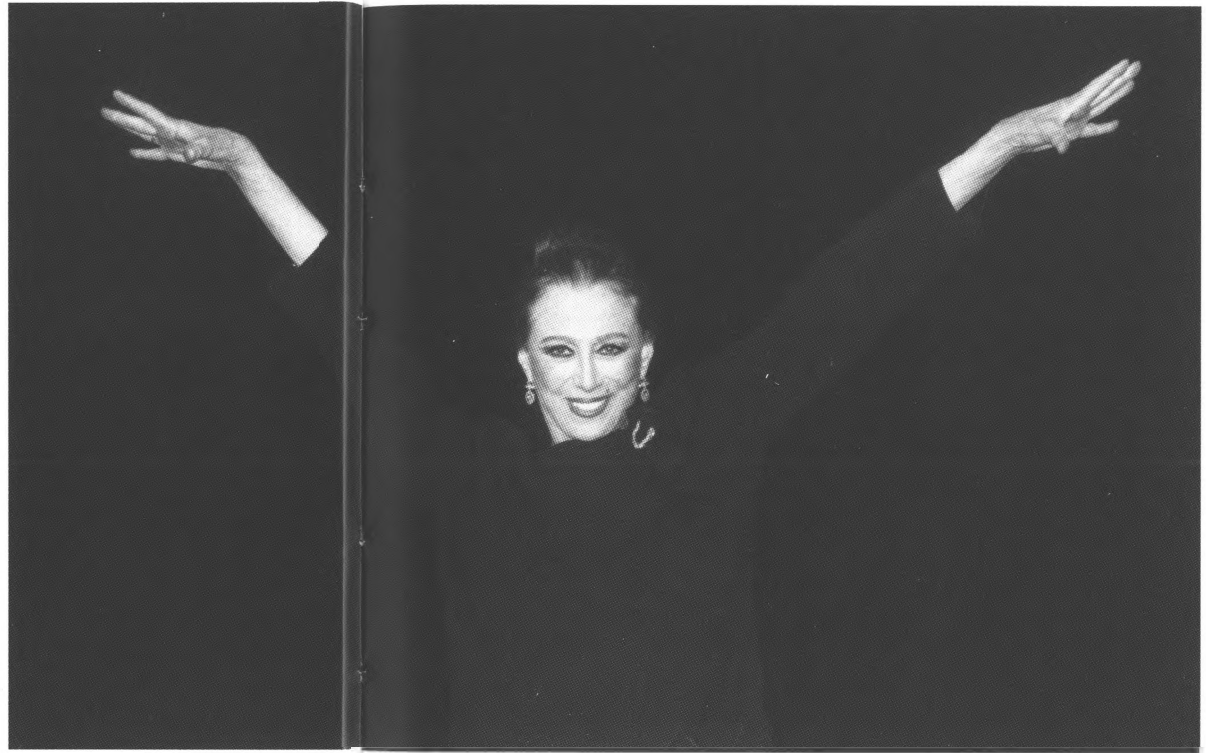




Мостановщик первой «Кармен-сюиты» кубинский хореограф Альберто Алонсо воссоздал свой некогда запретный балет к юбилею Плисецкой. Ноябрь 2005 г.
Репетиция «Кармен-сюиты» на Новой сцене Большого театра со Светланой Захаровой

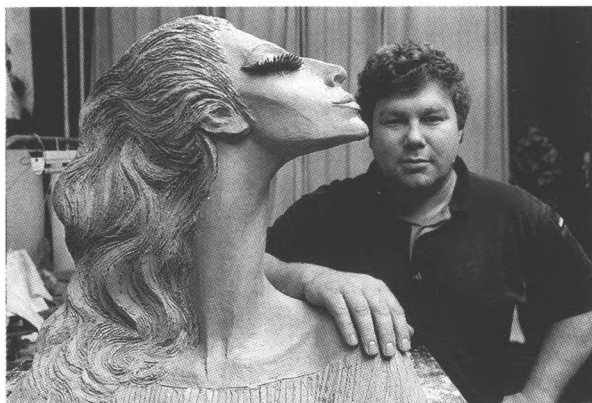


Португальский хореограф Марилена Фонтура поставила «Кармен-сюиту» в Хельсинкской опере
С австрийским хореографом Питером Браером и румынской танцовщицей Кристиной Ута (Кармен). Городской театр Зальцбурга



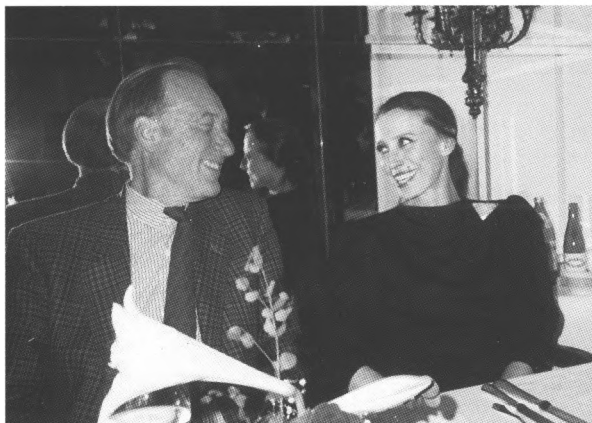
*И*мпровизация на музыку «Кармен-сюиты» на сцене театра
«Новая опера». Москва. 20 ноября 2004 г.





Виктор
Митрошин
у созданного им
скульптурного
портрета «Майя».

М. Плисецкая
всегда
путешествует
со своим
мужем —
композитором
Родионом
Щедриным



В кабинете
Щедрина.
Москва. 1984 г.



С хирургом профессором Нарунасом Порванияцкасом, сделавшим балерине блестящую операцию на колене. Вильнюс. 2003 г.



После концерта Родиона Щедрина и знаменитого американского скрипача Иегуди Менухина
На концерте в Московской консерватории

Всем заинтересованным лицам

от гр. Плисецкой Майи Михайловны,
20.11.1925 года рождения, паспорт 45 00
783370 выдан паспортным столом № 1 ОВД
района «Тверской» УВД ЦАО города Москвы
04.07.2001 года, код подразделения 772-114

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, гр. Плисецкая Майя Михайловна, настоящим заявлением аннулирую право использовать мое имя, фамилию и отчество, а также их производные, полиграфически исполненный автограф, мои фото- и художественные изображения, выданные мною ранее, в том числе в соответствии с заявлением от 09.12.2000 года, удостоверенного нотариусом города Москвы Уразовой Р.Р. за № 1-34608, Некоммерческому Фонду «Имперский Русский Балет» и его руководителю-Таранда Гединиасу Леоновичу, на безвозмездной основе, на полиграфической и сувенирной продукции, художественной упаковке продуктов питания, косметических, парфюмерных и других товаров, выпускаемых под маркой «Имперский Русский Балет», в целях популяризации русского балета, в том числе в случаях осуществления коммерческих проектов с целью получения прибыли для финансирования и развития Некоммерческого Фонда «Имперский Русский Балет», создания балетных школ, студий, трупп, постановок и других творческих коллективов, организаций, формирований, акций и произведений во благо развития школы русского балета.

Настоящим заявлением, я, Плисецкая Майя Михайловна, запрещаю Некоммерческому Фонду "Имперский Русский балет", а также всем иным организациям осуществление всех вышеперечисленных действий и требую прекратить любые действия, затрагивающие в той или иной степени мои права.

Город Москва, первого декабря две тысячи четвертого года.

Плисецкая Майя Михайловна
М. Плисецкая

Город Москва.

Первого декабря две тысячи четвертого года.

Я, Бойцова В.Ю., нотариус города Москвы, свидетельствую подлинность подписи гр. Плисецкой Майи Михайловны, которая ~~состоит~~ ~~в~~ ~~моем~~ ~~присутствии~~.

Действительность подписавшей документ установлена.

Зарегистрировано в реестре за №.

Взыскано по тарифу: 1500 руб.

Нотариус:



6-588
[Handwritten signature]

CARLOS MAIA apresenta

QUEBRA NOZES

Imperial Russo

DIRECTORA: MAYA PLISETSKAYA

TCHAIKOVSKY



ТАНЕЦ

26 июля

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

Российский императорский балет и Майя
Плисецкая
Амфитеатр Муниципального сада Лимас-
сола

Доп. информация: 22-372855

TEATR

CAE - FIG. da Foz DIA 22
COLISEU LISBOA DIAS 24 e 25
CINE TEATRO da COVILHÃ DIA 26
COLISEU PORTO DIA 28
TEATRO GIL VICENTE DIA 29

Teatro Comunale
46° Maggio Music

Teatro della Po
26, 27, 29, 31 maggio, 1, 3

GABB

Musica di Rodion Sced
Coreografia di Maja Pl



ROMEO & JULIET

BY THE IMPERIAL RUSSIAN BALLET COMPANY

MAYA PLISETSKAYA

26 ΙΟΥΛΙΟΥ - JULY 2006
Κηροθέατρο Λεμεσού - Limassol Garden Theatre
Ώρα-Time: 21:00

ΠΛΗΡΟΦΟΡΙΕΣ - INFORMATION: 25878744

ΔΙΑ

25 Ιουλίου 2005

Ποθείν ο γνωστός Γερμανός
χορογράφος της ΣΣΑ, ο οποίος,
Albert Mazouziouff.

Απόψε, αύριο και μεθαύριο Μπαλέτο «Ρωμύος και Ιουλιέττα»

Το διασημότερο μπαλέτο της Μόσχας Πάβλοβνα θα παρουσιαστεί το διάσημο έργο "Ρωμύος και Ιουλιέττα"

ανάψε στο
Παγκύριο
Αμφιθέατρο
Λάρνακας,
αύριο στο
Διασημότερο
Κηροθέατρο
Λεμεσού και
την Πέμπτη
στο Σακί
Αμφιθέατρο.
Εισιτήρια



από το Ταξίο της Οδοῦ Ερμού 158 στη Λεμεσό, τηλ.
25878744, από το Διασημότερο Θέατρο Λάρνακας, τηλ.
24663795, από το Διασημότερο Θέατρο Λεμεσού, τηλ.
77772717 και τα Διεθνή Βιβλιοπωλεία Αγκάτζις, τηλ.
22336363. Οι παραστάσεις ξεκινούν στις 9.00 μ.μ.

Στον Κάτιο Πύργο Παλλυρούς Τελευταία του «Οσπολλάτε Αρκοντόναμεν»

Το κωμικό έργο του Μωσίου Πουλιόβιτσα παρουσιάζεται για τελευταία φορά από τον ΟΘΚ στο Αμφιθέατρο Αλκαταζού Καταργίου Κάτιο Πύργου Παλλυρούς, την ερχόμενη Παρασκευή, 28 Ιουλίου, στις 9.00 μ.μ. Θα πραγματοποιηθεί παράσταση στο Αμφιθέατρο της Σακίς Τυβλίς στη Λεμεσό απόψε και στο προκείμενο του Διασημότερου Κηροθέατρο Λεμεσού αύριο. Η παράσταση είναι αφιερωμένη στη μνήμη του σκηνοθέτη και ηθοποιού Ανδρέα Μαραγκού. Εισιτήρια προς 2€ για ενήλικες και 1€ για μαθητές, στρατιώτες και ομιλητές.



ΕΙΣΗΛΘΕΤΕ
ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΙΡΗΝΗΝ
ΚΑΙ ΤΗΝ ΕΙΡΗΝΗΝ
ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΙΡΗΝΗΝ

ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΤΡΑΠΕΖΑ
HELLENIC BANK



ΧΟΡΗΓΟΣ ΕΠΙΚΟΙΝΩΝΙΑΣ
MEDIA SPONSOR



Беззаконное использование имени Плисецкой
в рекламных целях: рецензии и афиши,
завывавшие зрителей на спектакли «Имперского
русского балета» с ее участием

тый, с довольно тяжелым торсом, с курчавой головой. Покажи его фото на кинопробах — никогда не утвердят на роль Хосе. Но в движении, во взаимоотношениях с соперниками, с современной оторвой Кармен он стал, о чудо, — достоверен и правдив. Моментами трогателен. Почему не мог бы быть Хосе таким?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Моя Кармен,
мой Кармен

Запомнился их любовный дуэт. Кармен внизу под тюремным решетчатым окном, пришедшая навестить Хосе, заточенного по ее вине на гауптвахту. У нее с собой длинный шарф. Она кидает его конец Хосе. Целомудренная эротическая любовная сцена через соединяющий их тела длинный шарф. Браво, Питер Браер.

81

Нашумела английская версия «Car man» (Car man означает «автомеханик»).

Действие сюжета Мериме перенесено в сегодняшние дни. В Лондон. Этот вариант на театре я не видела. Но запись на кассете DVD меня заинтересовала. И тут есть что-то свое. Непривычное, но по-своему убедительное.

Пора мне, верно, прервать свой рассказ о моих Кармен. Дошли до меня вести, что еще на выходе новые версии «Кармен-сюиты». С интересом жду их. Пускай удивят, озадачат меня новые хореографы.

Вернусь к приговору советского министра, что провальная, бесперспективная, обреченная на забвение «Моя Кармен» — пустошная, вредная затея.

Неправда. Прошедшие годы мне в помощь. В поддержку. В веру. Долгий век *моей* «Кармен-сюиты» еще, точно знаю, предстоит. Нет у меня сомнений.

Предстоит!..



轴

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Куда пригласили завтра...

Представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО Каламанов Владимир Авдашевич прислал нам с Щедриным официальное приглашение на открытие выставки скульптора Виктора Митрошина в помещении ЮНЕСКО в Париже. Мне даже предлагают торжественно разрезать ленточку. Пьер Карден обещал принять в вернисаже Митрошина деятельное участие.

Мы решили ехать.

Со скульптором Виктором Митрошиным я познакомилась через Собчака в дни, предшествовавшие проведению первого конкурса «Майя» в Петербурге. По желанию Собчака Чернин показал несколько работ Митрошина, которые мне сразу понравились. И сказал, что Митрошин обещал сделать скульптур-

ный приз — Гран-при. Он будет вручен победителю. Гран-при на первом конкурсе завоевал француз Бенжамен Пеш. Он и увез изящную митрошинскую статуэтку к себе в Париж.

Я мало что тогда знала о скульпторе. Талантлив, самобытен — это для меня очевидно. Видела его работы на московской выставке. Услышала, что он из Челябинска. Внешность Виктора — большой русский медведь — к уральскому городу подходила. Но Челябинск, как писали наши газеты, город промышленный, тракторный, бетонный, атомный. Фабричные трубы, гарь, смог, радиация. И вдруг такая красотища, такие линии. Изящество и вкус уродились на задымленной, загазованной, облученной челябинской земле...

Мы с Родионом в парижском аэропорту. Нас приветливо встречают работники ЮНЕСКО:

— Митрошин с двумя своими помощниками уже несколько дней здесь. Монтируют выставку. Очень красиво. Ждем много именитых гостей. Собирается весь Париж...

Выражение лица говорящего являет искреннее удовлетворение.

А вот и бьет час открытия митрошинского вернисажа. Я в звонком карденовском туалете длинными ножницами взрезаю трехцветную ленту. Речи. Послы. Пианист. Шопен. Ледяное шампанское. Улыбки. Рядом со мной Пьер Карден. (Мы с Родионом, как обычно, остановились в его резиденции «Maxsim's» на авеню Gabriel, 42.)

Выставка действительно ошеломляет. Множество работ. Все они заключены в массивные стеклянные коробки, очерченные черным бархатом. Все работы тонко и умно подсвечены. И расставлены они в просторном зале ЮНЕСКО с артистизмом и мудростью. Реакция присутствующих единодушна: это здорово! И Кардену выставка нравится...

— Виктор, сколько же чартерных авиарейсов понадобилось, чтобы доставить из далекого Челябинска в Париж такую махину красоты? И стеклянные короба тоже ваши? Из Челябинска?..

Это мой вопрос к автору выставки.

— Да нет, Майя Михайловна. Какие самолеты. Мы все привезли втроем на своем горбу, на двух джипах. Один мой, другой одолжили. Своим ходом.

— Что — из Челябинска?!

— А как же еще. Загрузились в Челябинске. Через Москву. Потом на Питер. Финская граница.

— Разве можно уместить все это в две легковушки? Куда еще ни шло — в два автофургона...

Лицо Митрошина никаких эмоций не выражает. Два его тщедушных помощника безмолвно стоят, скромно парочкой притулившись в сторонке. У одного из них здоровенный флюс.

— У вас что, болят зубы? — участливо спрашиваю я.

Помощник смущенно поводит плечами.

— Еще с Челябинска зуб у него болит. Сегодня щека вроде чуть опала. Пройдет. Не очень ноет? — спрашивает Митрошин.

Помощник опять лишь поводит плечами.

— На границе нас помучили. И наши, и финны. Документы полдня проверяли. Всё в порядке. Но две тыщи баксов пошлины потребовали. Пришлось нам на другой погранпункт колесить. Хорошо еще, что он недалеко был.

Родион интересуется:

— Как недалеко?

— Километров триста, всю ночь гнали. Там ребята подороже оказались. Только вот беда, на паром опоздали.

Эта «проездная эпопея» начинает задевать и меня.

— А как вы с ними изъяснялись, Виктор, на каком языке?

— Да всё больше жестами. Но друг друга понимали.

Всматриваюсь в лицо Митрошина. Оно излучает радость победителя. Но глаза заплыли, веки набухли. Видно, что он смертельно устал.

— А где вы в пути спали? В гостиницах?

— Да мы и не спали вовсе. Так по очереди на ходу подремывали. Машины без присмотра оставить боялись. На паром вот, говорю, опоздали. Мест уже не было. Пришлось в лапу дать. Пятьсот баксов. Но не две тыщи.

— А откуда у вас деньги были?

— В долг взяли. И спонсор у меня один в Челябинске есть. Классный парень...

Мы еще раз обходим всю выставку. Медленно любимся каждой работой скульптора. Превосходно. Автор дает разъяснения. Оптимизм его неисчерпаем. Просто привезти все это из Челябинска в Париж — подвиг.

— До Парижа-то мы добрались. Но ЮНЕСКО никак найти не могли. Без языка. Подня колесили, пока не стемнело. Хорошо еще таксиста сопроводить нас уломали...

Я смотрю на них всех троих, и подлая мысль посещает мою голову. Смелый таксист им попался. Встретить трех таких уральских добрых молодцев на двух перегруженных по крышу джипах, в вечернем Париже, с изможденными, невыспавшимися лицами, с флюсом — черт знает, за кого их принять можно — и не сбежать; большое мужество надо.

— А жена ваша, Виктор, не приехала? Вы один?

— Жена меня все ругает. Брось, говорит, своей чепухой заниматься. Глину месить, все грязь развозишь. Шел бы, говорит, работать, бездельник. Сидим без денег. В долг все живем.

На следующий день посетителей на выставке прибавилось. Добрая молва пошла по Парижу. Директор ЮНЕСКО заводит разговор с Митрошиным о создании им скульптуры во дворе ЮНЕСКО. Желала бы я, чтобы к Митрошину пришло широкое признание. Его талант достоин этого.

Тем временем флюс у митрошинского помощника принял за ночь угрожающие размеры. И добросердечные юнесковские женщины силой ведут страдальца к зубному врачу. Тот, по рассказам, дивился — как можно терпеть такие боли? Сделал операцию. Выкачал гной. Пугал заражением крови. А помощник Виктора в ответ только смущенно поводит плечами...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Куда причалим
завтра...

87

До чего мой рассказ о выставке Виктора Митрошина в Париже перекликается с сюжетами Лескова! Терпение русского человека, непритязательность его, подлинная скромность при Божьем даре поистине безграничны. Я представляю себе, сколько препон, препятствий, непонимания, скепсиса сопровождает повседневную творческую работу одареннейшего человека.

Сейчас в ходу в России дамские детективы. Их печатают миллионными тиражами. Что из них извлечь можно? Вор на воре. Эротоман на эротомане. Садисты. Убийцы. Кровь. Пули. Доблестные пронизательные сыщики. Это то, что с нашей страной происходит? А следовало бы иногда читать и Лескова тоже. Может, лучше поймем, отчего мы такие, как дошли до жизни такой. Откуда истоки? Куда причалим завтра?..

Скульптурный портрет Виктора Митрошина «Майя» кажется мне одной из самых удачных работ современных художников за последнее прожитое мною тридцатилетие. Я прочитываю в его работе свой характер. Острые углы его. Порывистость, которой я накликала столько забот на голову свою. Даже судьбу свою вижу. И балетное призвание... Словом, схожесть очевидна. Но очевиден и острый глаз скульптура. Его темперамент. Воля. Божий дар.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*11 сентября 2001 года
легу в Америку*

Сегодня 11 сентября 2006 года (когда я пишу эти строки). Пять лет минуло с того дня, как мы с Родионом утром 11 сентября сели в самолет в Мюнхене, чтобы через семь с половиной часов приземлиться в Вашингтоне. Телевидение, радио, газеты подробно освещают печальную годовщину. Есть что вспомнить и мне.

На полете к Вашингтону — в Америке уже наступило утро — самолет резко пошел на снижение. Очень резко. Пассажиры заерзали. Впились в иллюминаторы. Мы с Родионом вдвоем сидим в левом ряду бизнес-класса и тоже пытаемся разгадать причину аварийного снижения.

— Вероятно, техническая неполадка, — предположил Родион.

— А чего нам бояться? Мы вдвоем. Вдвоем ничего не страшно, — ответила я.

Есть у меня с детских лет странная черта в характере. В минуту опасности я успокаиваюсь. Собираюсь. Не паникую.

Пассажиры начали донимать тревожно пробежавших по рядам стюардесс. В чем дело? Вынужденная посадка?

— Командир корабля все объяснит. Ждите.

Вот и дождались:

— Америка атакована террористами. Атакваны Нью-Йорк, Вашингтон, Питсбург.

Как это? Как такое возможно? Да еще все те три города, куда мы держим путь!..

...Ужас от внезапной потери близкого человека от рук террористов — мы уже испытали в августе 2000 года. Очень близкий друг, на которого мы оставляли обычно наш московский дом, Шура Ройтберг, погибла от взрыва в подземном переходе на Пушкинской площади в Москве. По ее настоятельной просьбе я величала Шуру в своей прошлой книге Шурой Красногоровой. У нее были непростые отношения с родной сестрой. И Шура не хотела, чтобы я предала огласке наши дружеские отношения. Балет сестра не переносила.

Вместе с тетей Родиона Диной Алексеевной Щедриной Шура шла по Тверской, неся сумку с щедринскими партитурами. На углу Пушкинской площади Шура сказала Дине, что боится движения автомобилей и спустится в переход. Позвала Дину последовать ее маршруту. Та наотрез отказалась:

— Я перейду улицу здесь и буду ждать вас на той стороне у выхода из перехода.

Обе женщины поспорили, какой путь надежнее. Но обе заупрямились и пошли через Тверскую врозь. Каждая выбрала свою судьбу...

Было 6 часов вечера, 8 августа 2000 года.

Дина уже перешла на другую сторону улицы, когда раздался взрыв. Выход перехода заволокло дымом. Гарь. Вопли. Беготня. Сирены. Мигалки санитарных машин.

Дина прождала Шуру четыре часа. Все надеялась. Пыталась разглядеть лица раненых на носилках. Милицейские цепи оттеснили ее. Но она упорно продолжала ждать. Верить в худшее не могла. Лишь через четыре долгих часа решила Дина идти к нам домой. А вдруг Шура уже там? Хотя ключи-то у Дины?..

Войдя в дом, первым делом включила телевизор. Что говорят про взрыв? Какие убийцы его сотворили? И вдруг увидела в хроникальных кадрах распластанное ничком тело в хорошо знакомых ей штанах в полоску. Тех самых, в которых была Шура в свой последний земной день на углу Тверской. Сомнений не было. Шура погибла. Утрата для всех нас была горька и невозполнима.

...Наш самолет посадили в Канаде. В Галифаксе. Мы пробывали там четверо суток.

Нам еще повезло. Пассажиров нашего рейса разместили на военно-морской базе. И четыре дня мы наблюдали, как на плацу маршировали канадские морские пехотинцы. Здоровые, розовощекие, подтянутые ребята. Кормили их на убой. Матросский пищевой рацион был определен и пассажирам нашего лайнера. Рацион — весьма обильный. Супы, бифштексы, яичницы, фрукты в изобилии, кондитерские лакомства, обезжиренные йогурты, пиво из бочек. Нам, конечно, не до еды было. Телевизионные репортажи волновали предельно. Но глядя на аппетит канадских пехотинцев, и мы постепенно все же включились в «пищепоглотительный процесс».

За завтраком Родион, взывая к моей балеринской совести, строго говорил:

— Пора кончать завтракать. Через полчаса обед.

Но это шутки. В душе было беспокойно. Мучила неизвестность. Телефонной связи не было. Лишь к кон-

цу вторых суток удалось дозвониться до Нью-Йорка. До моей подруги Элен Атлас. Она и сообщила нашим близким в Москву, Литву и Мюнхен, что мы живы. Целы. Сидим в Галифаксе, как долго — еще неизвестно.

Причин для нашей поездки было две. Питсбургский оркестр — один из лучших коллективов такого рода в мире — по предложению Мариса Янсонса (он был главным дирижером этого оркестра) назвал Щедрина «композитором года». И на открытии филармонического сезона должна была состояться мировая премьера оркестрового сочинения Щедрина «Лолита-серенада». К тому же Янсонс планировал запись компакт-диска с щедриной музыкой.

Мы оба считаем себя поклонниками таланта выдающегося дирижера современности Мариса Янсонса. В далекие годы я танцевала на сцене рижского театра «Лебединое озеро», и отец Мариса Арвид Янсонс замечательно дирижировал. Марис был тогда еще мальчиком; и его отец рассказывал мне, что начал учить сына музыке. А теперь он признаннейший всем миром дирижер. Руководитель лучших оркестров в Амстердаме и в Мюнхене, лауреат «Греми», обладатель всех возможных титулов и званий.

Мы тревожимся. Что будет с открытием концертного сезона? Успеем ли? Сколько просидим еще в Галифаксе?

Забегая вперед, скажу, что все состоялось. Но двумя неделями позже. И прошло отменно.

Вторая причина была презентация моей книги «Я, Майя Плисецкая...» в Нью-Йорке, только что вышедшей на английском языке в издательстве Yale University Press. Презентация была назначена на 16 сентября. Элен в телефонном разговоре подтвердила, что все состоится в намеченный ранее день.

Мы вылетели в Нью-Йорк. Контроль при вылете был умопомрачительный. В каждом пассажире подозревали террориста. В каждой пуговице — взрывное устройство. У меня отобрали крохотную маникюрную пилочку.

ку. А с Родионом долго препирались в связи с обнаруженным в его кармане чемоданным ключом непривычной конфигурации. Ножи для авиазавтрака наши стюардессы выдавали пассажирам пластиковые. Но вилки были железные. Не поступила команда? Или вилка к смертоносному оружию не была причислена?..

Истерика — плохой помощник разуму. Теперь пассажиры европейских и американских рейсов садятся в самолет с прозрачными пластиковыми мешочками. Там жизненно необходимые лекарства и рецепт лечащего врача. Снимают обувь, брючные пояса. Процедура проверки тянется долго и тупо. Образуются очереди. Наш знакомый, планировавший лететь из Лондона в Москву, простоял пять часов у входа в аэропорт Хитроу. Но даже не попал внутрь. И вернулся домой ни с чем.

Борьба с террором необходима. Опять вспоминаю Шуру. Беслан. Театр на Дубровке. Кровавое обрушение башен-близнецов в Нью-Йорке. Но бороться с терроризмом в истерическом состоянии — дело худое. Безвозможность от паники дошла до того, что музыкантам одно время даже запретили возить в ручной клади свои инструменты. Сдавайте-ка их в багаж, господа артисты. А сдавать своих «Страдивариуса» или «Амати», которым цены нету, никто никогда не будет. Ну ладно, под Ла-Маншем поезд теперь ходит. А какие поезда до Нью-Йорка?.. Пересолили с музыкальными инструментами, ой как пересолили.

Презентация моей книги в Нью-Йорке благополучно состоялась. Хотя запах гари, пыли еще резко ощущался на нью-йоркских улицах — все приглашенные пришли. Коррекция коснулась лишь помещения. Власти запретили проведение многолюдных собраний и мероприятий в многоэтажных зданиях. А в Нью-Йорке сплошь небоскребы. И нашу презентацию перенесли в помещение русского ресторана «Самовар». Один из владельцев коего Михаил Барышников. Значит, к балету касание есть.

Гостей было множество. Особо порадовала моя новая встреча с великим Ричардом Аведоном. Ныне уже, увы, покойным. Мои фотопортреты, сотворенные его волшебным глазом и магической рукой, до сих пор никем не превзойдены. Я так считаю. Они стали символом моего искусства, моего образа. Да и моего облика.

Но скажу откровенно. Что-то меня в Америке ныне огорчает. Как тянулись мы все прежде ко всему американскому, радовались каждой встрече с Америкой. Но коробили меня сейчас сентябрьские «единодушные вставания» и «бурные аплодисменты всех присутствующих» членов американского конгресса после призывных фраз президента Буша. Крупные планы телевидения прилежно фиксировали все в деталях. Детей, трогательно читающих стихи. Значки на лацканах пиджаков с американским флажком. Что-то слишком знакомое всплыло из моей советской памяти.

А уже после трагического сентября, приезжая в Америку, стала ощущать я некий леденящий дух подозрительности, недоверия с первых же шагов в аэропорту. Опять что-то знакомое. Нехорошее. Выстраданное. Унизительное. А теперь еще громогласные сообщения средств массовой информации о законности и необходимости прослушивания телефонных разговоров...

Несколько лет назад я с обалдением прочла в газете «Аргументы и факты» (АИФ № 6, февраль 1995 года, «Большой театр на Лубянке») большое интервью с генералом Питоврановым. Он мне очень помог в тяжелейшие годы жизни, когда кагебэшное дурачье зачислило меня в английские шпионки. И 24 часа в сутки гоняло по моим пятам оперативную машину. Питовранов меня тогда спас. Об этом я писала в прошлой книге.

И вот настали годы откровенности. И я читаю о том, что у нашей с Родионом постели в квартире на Кутузовском проспекте стояло прослушивающее устройство

(верно, вмонтировали его прежде, чем выдать нам въездной ордер). А мы только-только поженились. Слушать разговоры молодоженов — безмерное бесстыдство! Даже в интересах «безопасности государства».

А теперь узнаю, что американское правительство числит прослушку обязательным условием современного демократического американского образа жизни...

Террор — это чудовищно. Террор — это ужас. Террор — это безвинные смерти. Но не повторяйте советских путей, мои дорогие американцы...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

11 сентября
2001 года лечу
в Америку

95

...Мы кладем с Родионом цветы на страшное место гибели нашей дорогой Шуры в подземном переходе на площади Пушкина. У мемориальной доски, вмонтированной в мраморную стену, несколько букетов живых цветов. Гвоздики. Роза. Ветка сирени.

Кому еще дорого это печальное, жуткое место?..



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Цена улыбки,
или Обаяшка*

Эти страницы писать мне будет трудно. Очень трудно.

Уже несколько дней откладываю в сторону я перо, которым пишу свои черновики. И задумываюсь, задумываюсь... Как, с чего начать эту нелицеприятную повесть? С какого конца? И поменьше нервничать, вспоминая грязь...

В одном из спектаклей «Кармен» в роли Коррехидора появился молодой танзор. Гедиминас Таранда. Он обратил на себя внимание артистизмом и лучезарной сладкой улыбкой, которой награждал каждого.

— Какой обаяшка, — ворковали кордебалетные девицы.

Доходили до меня разговоры, что Обаяшка то героически и самопожертвованно закрывал грудью Главного от наскоков инакомыслящих, то продавал его «великий образ» за пару сребреников. Но такие перевертыши у нас в театре были. Удивить балетное общество беспринципностью всегда было трудно.

Уже когда покинула я сцену Большого — отошлю любопытствующих к своей прошлой книге, там все подробно изложено, — Обаяшка собрал небольшую балетную группу, которой дал название «Имперский русский балет». Все организационные тяготы были возложены на бывшего танцора ансамбля Моисеева Николая Анохина. Он и стал административным директором.

В год развала СССР таких групп возникло множество. Как грибов после дождя. Только дождь был не грибной, не теплый, а совсем холодный, ледяной. Танцорам, попросту говоря, жрать было нечего. С реформами Ельцина и Гайдара зарплаты и артистические накопления превратились в придорожную пыль.

Я не была исключением. Все, что переводил мне театр в сберкассе в проезде Художественного театра, я в одночасье потеряла. Стремительно прираставшие к прошлым цифрам нули все изничтожили. Значит, и моя зарплата в театре за годы и годы работы улетучилась. Выходит, танцевала я в Большом бесплатно. По шефской линии.

Портативные балетные труппы давали возможность танцовщикам (главным образом из-за гастрольных зарубежных поездок) не ах, но как-то существовать. В параллель с имперской труппой появились ансамбли у Гордеева, Радченко, Смирнова-Голованова. Да и много других. Сейчас от них проходу нету. Куда ни приедешь, на всех сценах московские балетные труппы выступают. Столько жителей в Москве не наберется, сколько танцовщиков из Москвы разъезжают по миру. Ну и пусть разъезжают. Людям же жить надо!..

Чтобы укрепить свой кассовый авторитет, Обаяшка обратился ко мне с просьбой. Разрешить пользоваться на шапке имперского балета мое имя:

— Импресарио с вашим именем охотнее будут нас приглашать.

Понимая бедственность сложившейся для балетного люда экономической ситуации в стране, свое согласие я дала. Согласие устное. Не письменное. Тогда и начали в верхней части каждой афиши печатать: «Почетный президент Майя Плисецкая».

Не раз и не два выступала я вместе с «Имперским русским балетом». И взаимопонимание у нас было.

Изначальный репертуар составляли эффектные концертные номера и два-три одноактных балета. Да, конечно, обязательная на все случаи жизни фокинская «Шопениана».

Состав группы был текучий, но несколько постоянных сильных солистов определили костяк коллектива. И был энтузиазм. После опостылевшей тошнотворной политической «фильтровки» — рекомендации, комиссии, собеседования, справки, характеристики, решения — головокружительная свобода выбора репертуара, хореографа, стиля, наконец, страны, куда приглашают, — пьянила и увлекала каждого. Короче, начало было обнадеживающим.

Но лишь только имперская труппа начала прочнее стоять на собственных ногах, Обаяшка стал зримо меняться. Крик, грубость, пренебрежительность, высокомерие вошли в повседневный обиход. Частыми действующими лицами становились слезы у женской половины артистов.

Обаяшка стал мелькать на телевизионных шоу, награждая телезрителей солнечной лучезарностью своих сладких улыбок. Он был телегеничен. Пришли-то райские времена эксклюзивных тусовок! И там обаяшки были в самой высокой цене. Мне довелось увидеть его диалог с Андреем Максимовым в передаче «Ночной полет». Впору было достать носовой платок и разрыдаться-

ся от умиления. Сколько ежеминутной материнской нежности и отцовской заботливости проявляет героиня передачи к своим чадам. А в то же время ведущие солистки звонили мне по телефону — ведь почетный президент же! Платит гроши («на бутылку только и хватит»), на жалобы цинично отвечает: «Уходи, голодные всегда найдутся».

Телевизионные мелькания произвели Обаяшку в модные персонажи. Он теперь нарасхват. В драматическом спектакле играет роль учителя танцев. А почему не сыграть ее в жизни?

Упитанные жены новых высоких московских чиновников танцевать тоже любят. Покажем им изящные па. Compliments ввернем. Ну зачем вы закопали в землю свой редкий талант? А через жен многого можно добиться...

Все же на предложение провести свой юбилей 2000 года на сцене Большого я назвала организаторам вечера имя Таранды. В надежде, что он сделает для меня все возможное, чтобы вечер удался на славу.

Но тут я ошиблась.

Программу он стал составлять по своему усмотрению, со мной не советуясь. Эхом доходили странные приглашения к танцу. Странные балетмейстеры, странные танцоры в рабочих спецовках. На мои робкие телефонные сомнения Обаяшка нервно отвечал и мне, и Щедрину (а музыку он затевал совсем уж странную, никак не для оркестра Большого), что он все продумал, все знает, во всем уверен. Хорошо хоть с музыкой удалось совладать благодаря настойчивости и твердости Родиона. И мы смогли начать вечер с Чайковского, а не с третьесортного японского кинопроизводителя, да еще в аранжировке неизвестно кого. Поехала у Обаяшки, как говорят, крыша...

К репетициям в Москву я приехала в приподнятом настроении. Только что Бежар подарил мне «Аве Майя». Никто еще этот номер не видел. Первый раз я представляю его зрителю, своим коллегам, накануне моего

праздничного дня. На репетиции на верхней сцене Большого.

Проводит ее наш Обаяшка. Сейчас он суров и важен. Некому тут дарить сладких улыбок. Все в его подчинении.

Готовлюсь к танцу. Виолончелисты с арфой уже прилежно порепетировали в перерыве пьесу Баха — Гуно. Всем интересно, что поставил мне Бежар. Наверное, больше всех Обаяшке...

Но в момент моего танца он стоит спиной к сцене, в проходе, и с кем-то громко разговаривает. Неужели ему безразлично?..

Щедрин здесь на репетиции. И после конца ее он прилюдно выговаривает в глаза нашему Обаяшке, что тот зарвался. Что творческому человеку, да еще постановщику юбилейного празднества, не может не быть интересно, какой подарок сочинил его великий коллега Морис Бежар. Это ведь кульминация вечера.

Вот так и первое короткое замыкание случилось. На людях. Публично. Я в конфликт не вмешалась. Промолчала. Но поведение Таранды в тот день поцарапало мне нутро.

20 ноября вечер состоялся. Приход президента Путина на сцену Большого с букетом роз, его проникновенная речь, орден на черном карденовском платье — все это придало высокий тонус моему празднику. Плохое забылось. Да и на сладкие улыбки Обаяшка в тот вечер расщедрился на славу. Не пожадничал.

(Один лишь досадный ляп лишил меня сна на несколько долгих ночей. Как наши телевизионщики показали вечер на экране. Это был попсовый, клиповый монтаж. То козявки мечутся на самом общем плане — даже не разберешь, где партнер, где партнерша. То крупно балеринская нога на пуантах во весь экран. На один миг. А в это время танцор «Нью-Йорк Сити балет», знаменитый на всю планету своим уникальным прыжком — из-за него и пригласили его в Москву, — влетает на сцену. Но телезрители этого не видят. На экране лицо

партнерши в невыгодном ракурсе сверху. Нос у нее получается длиннющий, как у Сирано де Бержерака. Так весь вечер. И из «Ave Майя» умудрились тоже сделать клип. Все порезали на кусочки. Одни ошметки и наплывы, наплывы, переходы. Впечатление от номера разбито вконец. Когда поймут наши телережиссеры, что показывать балет надо в рост, без носов и тесемок на лодыжках!)

Внешне мои отношения с худруком имперского балета не изменились. Но какая-то «антиискра» между нами пробежала. И мы оба это ощутили. Сегодня я могу предположить, какие соображения могли бродить в голове подзарвавшегося нью-Дягилева: как бы я под влиянием Щедрина не сняла свое имя с афиши имперской группы. Но это мысли из сегодня, когда все коварство замысла Обаяшки четко проявилось словно на детской переводной картинке. А тогда...

9 декабря 2000 года (теперь я хорошо знаю эту дату по судебной документации) Таранда позвонил мне, предварительно поинтересовавшись, дома ли Щедрин — «не хочу его беспокоить». Попросил разрешения зайти ко мне домой на несколько минут:

— Майя Михайловна, дорогая, у меня к вам маленькая просьба. Можно я зайду? Вы не возражаете, если со мной будет одна дама. Она ваша бешеная поклонница. И мечтает на вас взглянуть вблизи...

Я соглашаюсь.

Но то уже был обман. Западня. Капкан звериный.

Московская жизнь всегда суетна, поспешна, тороплива. На половину вопросов отвечаешь бездумно, механически. Лишь бы отстали. Некогда. Телефон разрывается, как в справочном бюро железнодорожного вокзала. Звонки в дверь... Вот в такой задерганной обстановке появился ко мне Таранда с некой молчаливой дамой, мне не представившейся. Никакого восторга, видя меня в домашней обстановке, дама не проявила. Помнится лишь, что в глаза мне впрямую она ни разу не заглянула. Вроде стыдилась чего-то.

Обаяшка лучезарит свои улыбки за двоих. Нынче в ходу бросаться на человека с объятиями и поцелуями с такой исступленной радостью, словно стоящий супротив полужнакомый субъект — есть и твоя мать, и отец, и сын, и возлюбленный, но в одном лице, — только-только вернувшийся после десятилетней разлуки с заполярной каторги. Такая манера мне всегда была неприятна.) Между внятных восторгов и восклицаний я смогла лишь «невнятно» понять, что мне надо что-то подписать. Что подписать? Зачем?

— Майя Михайловна, дорогая моя, балету необходимо помочь. Так все трудно...

— Что подписать? На какой срок?

— На два года только. Можно мы присядем на секунду?..

Наша троица усаживается за стол в передней. Молчаливая дама скромно умещается на самом краешке стула. Того гляди упадет. Поспешно раскрывает неказистую канцелярскую папку. И указывает заготовленную ручкой место, где я должна поставить свою подпись.

— А что здесь написано?

— Надо, Майя Михайловна, подписать, очень срочно. Срочно! С этой бумагой мы сможем отхлопотать для «Имперского балета» хорошее помещение. В самом центре Москвы. Бумагу все очень ждут. Подпишите, пожалуйста, — торопит меня Таранда.

Уже держа угодливо предложенное мне пришедшей дамой перо, я оглядываю стол. Нет ли очков поблизости? Но знает каждый, как любят прятаться очки от хозяина...

— Что-то бумага больно просторная...

— Ой, Майя Михайловна, вы знаете, как нужно нам хорошее помещение, — убаюкивает, заговаривая мне зубы, Обаяшка.

Капли сладчайшего меда влажнят его непорочный взор.

...Часто доводилось слышать мне театральные препирания актеров, как достовернее сыграть роль Яго в «Отел-

ло». И как смог такой тертый калач, железный полководец Отелло попасться в примитивные силки интригана Яго. А ведь попался мудрый мавр. Придушил свою белокурую возлюбленную. Убедил-таки Яго мавра. Убедил достоверностью взгляда своих непорочных лучистых глаз. Вот таким путем и надо господам актерам лепить образ «честного парня» Яго. А тут на Тверской сидит с шариковой ручкой в московской торопливой суете балерина. Куда мне до умудренного опытом Отелло!..

И я подписываю бумагу. Не прочитав ее. Бумагу подлейшую. Точнее, две змеиные копии.

Пришлая молчаливая дама, «мечтавшая взглянуть на меня вблизи», закрывает свою канцелярскую папку и встает. Дело сделано. Еще гранд-порция кондитерских улыбок Обаяшки. Целый торт. И посетители торопливо удаляются.

Таранда заулыбал и зацеловал меня до одури. Но я верила ему тогда. Верила, что он взаправду любит балет. Что это не притворство. Что балет для него смысл жизни, а не средство верной наживы. Что на обман и подлог он пойти не способен. Что унесенная торопливыми визитерами бумага точно поможет в получении заветного помещения у московских властей. И что она сроком действия на два года, как заверял меня Обаяшка.

Влопыхах не поняла я, что дама с канцелярской папкой была нотариус. Теперь я знаю ее фамилию и даже инициалы — нотариус Уразова Р.Р. Вот какие доблестные стражи закона водятся в столице нашей Родины.

Ну хорошо, не объяснила мне страж закона, кто она такая. Но оригинал подписанной мною бумаги она **обязана** была вручить мне. Почему она отдала его Таранде? Это, думаю, есть грубейшее нарушение этики своей профессии. Может, не только кондитерские улыбки и объятия Обаяшки подвигли нотариуса на таковой поступок?.. Кто знает... Кто видел...

Змеиную бумагу Таранда и Уразова составляли, верно, долго, очень долго, тщательно, кропотливо, старательно, прилежно, не один день. И срок действия вообще

не проставили. Навечно, значит!.. Заверения Обаяшки о двухгодичности их документа были ложью. И нотариус эти клятвы слышала. А все пододвигала, пододвигала мне иезуитскую бумаженцию под руку...

Осуществив свой сатанинский план, стал Обаяшка мало-помалу прекращать общение со мной. Даже телефонное. Обворожительные улыбки провисли в воздухе. Нотариальное сочинение госпожи Уразовой теперь у него в руках. Зачем ему я теперь?

Раньше он не упускал случая первым поздравить меня с днем рождения. С Новым годом. С днем 8 Марта. Голос срывался от паточных пузырей. А теперь телефон от него молчал. Зачем ему я теперь?

Но ставить имя мое в каждой афише, в каждой программе, в каждом анонсе Обаяшка не забывал никогда. Красовалось оно всегда на видном месте, жирно набранное, чтоб за версту в глаза бросалось. Покупайте билеты, почитатели искусств. Приходите. Майя Плисецкая будет.

Что предлагалось публике, я уже давно не ведала. О творческих и гастрольных планах Обаяшка меня более не информировал. О премьерах *моей* труппы узнавала я с экранов телевизоров. Да из недобрых отзывов о новых постановках: плохо со вкусом, удручающе слабая хореография.

И еще одно важное слово не упустили включить в змеиную бумагу ее авторы. **Безвозмездно.** Без-воз-мездно передает все Плисецкая Обаяшке. Вот она, главная цель всей затеи. Все на благо, дескать, российского балета. А много ли доберется до российского балета сквозь прожорливые пальцы Обаяшки?

Зачастили по Москве слухи, что интересуется он покупкой небольшого отельчика и престижной просторной квартиры. Может, врали люди, завидовали?..

Потом начались сюрпризы. В Финляндии я наткнулась на стайку милых девчушек в желто-лимонных коф-

точках с буквами на груди «Школа Майи Плисецкой». «Мы учимся у вас в школе», — был дан мне ответ. Затем мой давний приятель сообщил, что его внука учится в московской балетной «Школе Майи Плисецкой». «Только больно дорого это стоит», — чуть с упреком сказал он мне. Из Интернета друзья перепечатали море моих рекламных фотографий, зазывающих в «Школу Майи Плисецкой».

Потом грянул гром. Землетрясение. Летом 2004 года в моем литовском доме раздался звонок. Звонила неизвестная мне женщина из Японии. Начала она с того, что никак не могла поверить, что я сама взяла трубку:

— Достать ваш номер в Литве мне было чрезвычайно трудно. Ваш официальный представитель Таранда ни за что не желал дать мне его. «Все вопросы только через меня».

— Но кто вам сказал, что Таранда — мой официальный представитель? — спрашиваю.

— Таранда показал мне бумагу с печатью.

Соотнести услышанное с торопливым визитом-дуготом Обаяшки с молчаливой дамой труда не составляло. («Пришел человек в черном и заказал мне реквием?..») Но бумаги сей у меня нету, и в руках ее я никогда не держала. Что там понаписано?..

Я продолжаю разговор с незнакомкой:

— А какое дело привело вас ко мне?

— Мой муж богатый человек. Его фирма поставляет на японский рынок самую популярную у нас лапшу.

— А я тут при чем?

— Мой муж влюблен в балет. И мы хотели бы открыть в Токио балетную школу вашего имени. Но Таранда запросил с нас за это триста тысяч долларов наличными. Это нам дорого. Может быть, договориться с вами напрямую будет для нас дешевле?..

Кажется, дело зашло слишком далеко. Надо истребовать у Обаяшки эту бумагу с печатью. Звонок женщины из Японии стал последней каплей, переполнившей чашу моего терпения и неведения.

Вернувшись в Москву, я потребовала от Обаяшки объяснений по поводу бумаги с печатью, которую показывал он женщине из Японии.

В первом же телефонном разговоре Обаяшка стал нервно юлить. Он все отрицал.

— Майя Михайловна, дорогая, эта женщина — аферистка. Я встречался. Это правда. Но дело иметь с ней никак нельзя. Она аферистка.

— А какую бумагу ты ей показывал?

Мой собеседник уходит от ответа.

— Если это серьезно было бы, Майя Михайловна, да разве не рассказал я все вам? Не утаил бы никогда. Вы же меня давно знаете?..

Вот оказывается, совершенно его я не знала. Стала догадываться. Подозревать. Поговаривали люди. Грима-сы кривили при имени Таранды. Зачем вы доверились ему, спрашивали. Вот и сыграла со мной еще раз злую шутку моя легковёрность. Неужто плохих людей на белом свете еще больше, чем полагала я тринадцать лет назад в первой своей книге?..

Обаяшка всё и вся продолжал отрицать. На все у него были ответы. Даже если не сходились они друг с другом. Ну, в точь как в старой притче о Хадже Насреддине и его разговоре с соседом. Во-первых, твой кувшин я не брал. Во-вторых, разбил. А в-третьих, я тебе его вернул.

Школа, оказывается, ко мне отношения не имеет. Это Обаяшкина школа. Его имени. Мало ли что в Интернете понапишут. Платы за учебу он почти не берет. Лишь самую малость. Аренда дорогая. Концы с концами только сводит. Все во имя святого искусства. Все ради него. О премьерях хотел оповестить. Пригласить. Но телефон молчал. В отъезде, верно, вы были...

Но я резко требую, чтобы Обаяшка явился ко мне домой на Тверскую (адрес он хорошо знает!). И показал продемонстрированную им женщине из Японии бумагу с печатью мне и Щедрину.

На следующий день Обаяшкин визит к нам наконец состоялся. Разговаривал с ним Щедрин. Бумагу Обаяш-

ка с собой, естественно, не захватил. Запомню. Что-то, дескать, недопонял. И юлил, лукавил, улыбался, опять юлил. Но кондитерские улыбки на Щедрина не подействовали. Он повысил голос и сказал, что, если через полчаса требуемая бумага не будет здесь, он с ОМОНОм явится в его офис. ОМОН взломает сейф и извлечет оттуда эту бумагу. Коли она впрямую касается имени Плисецкой.

Щедрин настолько был взбешен от комедиантских рассказней Обаяшки, что визитер струхнул. И через двадцать минут (его офис совсем близко от нашего дома) принес копию требуемой бумаги. Это была нотариально заверенная Уразовой Р.Р. доверенность. Взаправду с печатью, по которой все касаемое меня и моего имени находится в распоряжении улыбчивого господина Таранды. Оговоренный срок два года отсутствовал. Доверенность была без обозначения какого-либо времени.

— Это копия. А где оригинал?

Опять юления. Разговор ведется на самых высоких нотах. Мне жалко нервов Щедрина. Бой неравный.

Я пишу об этом так подробно, ибо Обаяшка понадал за все это время бессчетное количество интервью. И своих мюнхгаузенских басней о произошедшем. На меня он руку подымать не смеет. Но о Щедрине фантазирует чудовищные небылицы. Какая мерзость!

— Так где же оригинал? Оригинал где?!

Вот тогда и достает из своей папки предприимчивый нью-Дягилев оригинал моей самоубийственной доверенности. Наконец-то через четыре года, четыре года, я могу прочесть, что я подписала 9 декабря 2000 года. И что тогда унес с собой, победно торопясь, почитатель моего таланта, мой коллега танцор Таранда...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Легендарный крем " Майя Тимеука "

Вероломство присуще человеческой особи. Так ведь? С самой седой древности. От первобытных еще варваров.

Читали мы исторические хроники всяких народностей и племен и знаем, что почти ни один властитель прошлого не помер своей смертью. Их травили ядами, душили подушками, всаживали ножи в спины. И воображение писателей обогатило папирту вероломства до чрезвычайности. Все это так. Но когда вероломство обрушивается на тебя лично, обрушивается неожиданно, подло, да еще улыбочиво — мерзко до самой до крайности.

На следующий же день, только лишь змеиная бумага оказалась в моих руках, я **нотариально**, по всем существующим российским законам, слово в слово отозвала этот самоубийственный документ. Дата на моей отмене решения стала тоже декабрьской: 1 декабря 2004 года.

Но тут «приплыли» новые сюрпризы.

Наш давний друг Светлана Александровна Смирнова тем же днем извлекла из своей хозяйственной сумки продолговатую белую коробку с моим изображением, сделанным некогда в Нью-Йорке Ричардом Аведоном. Фото широко известно.

— Майя Михайловна, вы это видели?

— А это что?

— Лечебный крем вашего имени. Антиварикозный крем «Майя Плисецкая».

Я беру в руки Светланин сюрприз. На другой стороне коробочки подробная аннотация с факсимиле моей подлинной подписи. Расписываюсь так я на фотографиях для коллекционеров автографов. И сильно уменьшенный рисунок Шахмейстера, где изображена в балетной тунике в прыжке.

— Такой крем, Майя Михайловна, продается в четырех видах. От четырех болезней ног. Антиварикозный. От синяков и ушибов. От отеков ног. Крем для ступней.

— Выходит, все эти недуги у меня имеются? Вся в болезнях?

— Выходит, что так, — продолжает Светлана. — Помимо текста на коробочке с вашим автографом, внутрь вложена подробная рекомендация. Мы не знали, Майя Михайловна, что вы — доктор медицины и опытный ортопед...

Сверху коробки крема замечаю бликующий квадратик, где можно прочесть (если очень всмотреться): «Традиции Имперского русского балета». Опять коммерческие проделки Обаяшки!..

— Неужели никто не сказал вам об этих кремах? Неужели я первая? Неужели разрешения вашего не спросили? — волнуется Светлана.

Да, это уже чересчур. Кремы-то лечебные, «профессиональная серия», как гласит заголовок над моим портретом.

И на тубике внутри коробки — роскошное аведоновское фото. Наглядятся на мой цветущий пышный



*Б*ольшой театр.
20 ноября 1995 г.



Юбилейный вечер.
Президент Путин
награждает
М. Плисецкую орденом
«За заслуги перед
Отечеством»
2-й степени
на сцене
Большого театра.
20 ноября 2000 г.





ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

„Легендарный крем „ Майя Тимеука “

Вероломство присуще человеческой особи. Так ведь? С самой седой древности. От первобытных еще варваров.

Читали мы исторические хроники всяких народностей и племен и знаем, что почти ни один властитель прошлого не помер своей смертью. Их травили ядами, душили подушками, всаживали ножи в спины. И воображение писателей обогатило папир вероломства до чрезвычайности. Все это так. Но когда вероломство обрушивается на тебя лично, обрушивается неожиданно, подло, да еще улыбочиво — мерзко до самой до крайности.

На следующий же день, только лишь змеиная бумага оказалась в моих руках, я **нотариально**, по всем существующим российским законам, слово в слово отозвала этот самоубийственный документ. Дата на моей отмене решения стала тоже декабрьской: 1 декабря 2004 года.





«*Дон-Кихот*» — один из балетов юбилейного вечера. Аплодируя брейк-дансерам из группы «*Da Voogie Crew*», Плаисецкая заметила, что так мог бы выглядеть «*Дон Кихот*» сегодняшнего дня



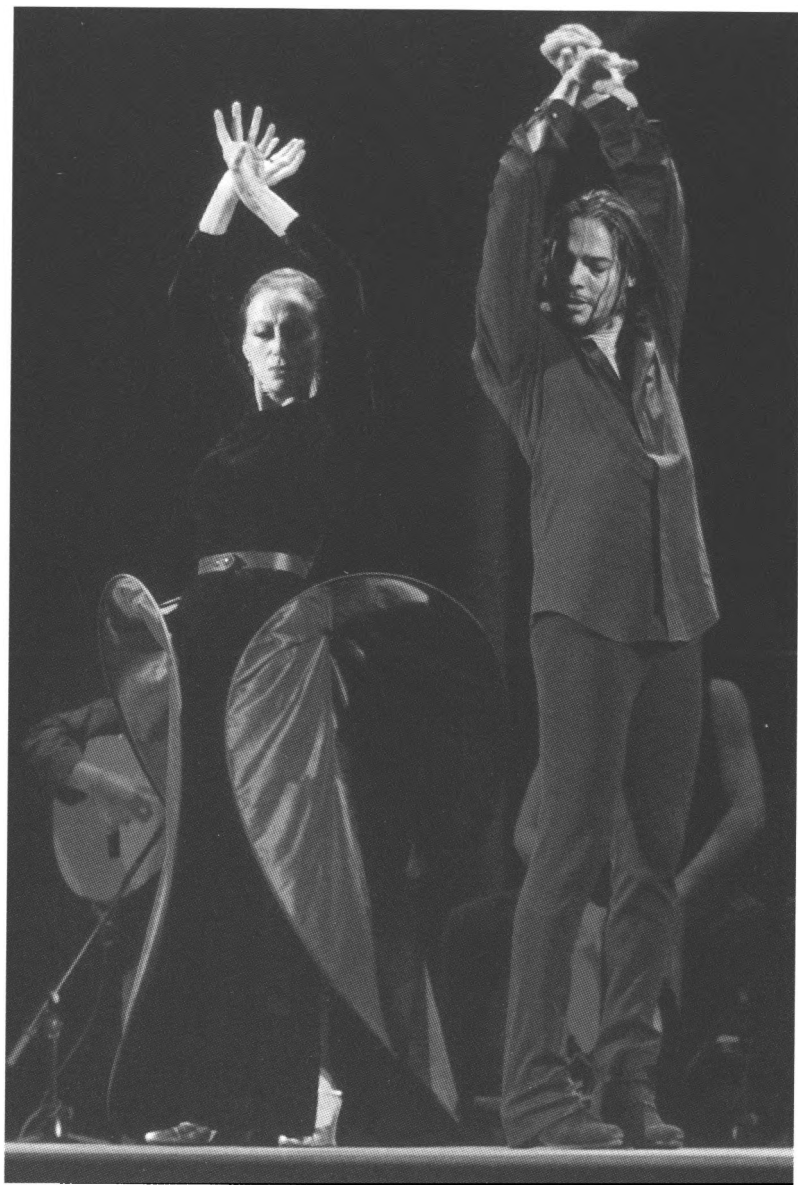
«Five Майя»
в Государственном
Кремлевском дворце.
2005 г.



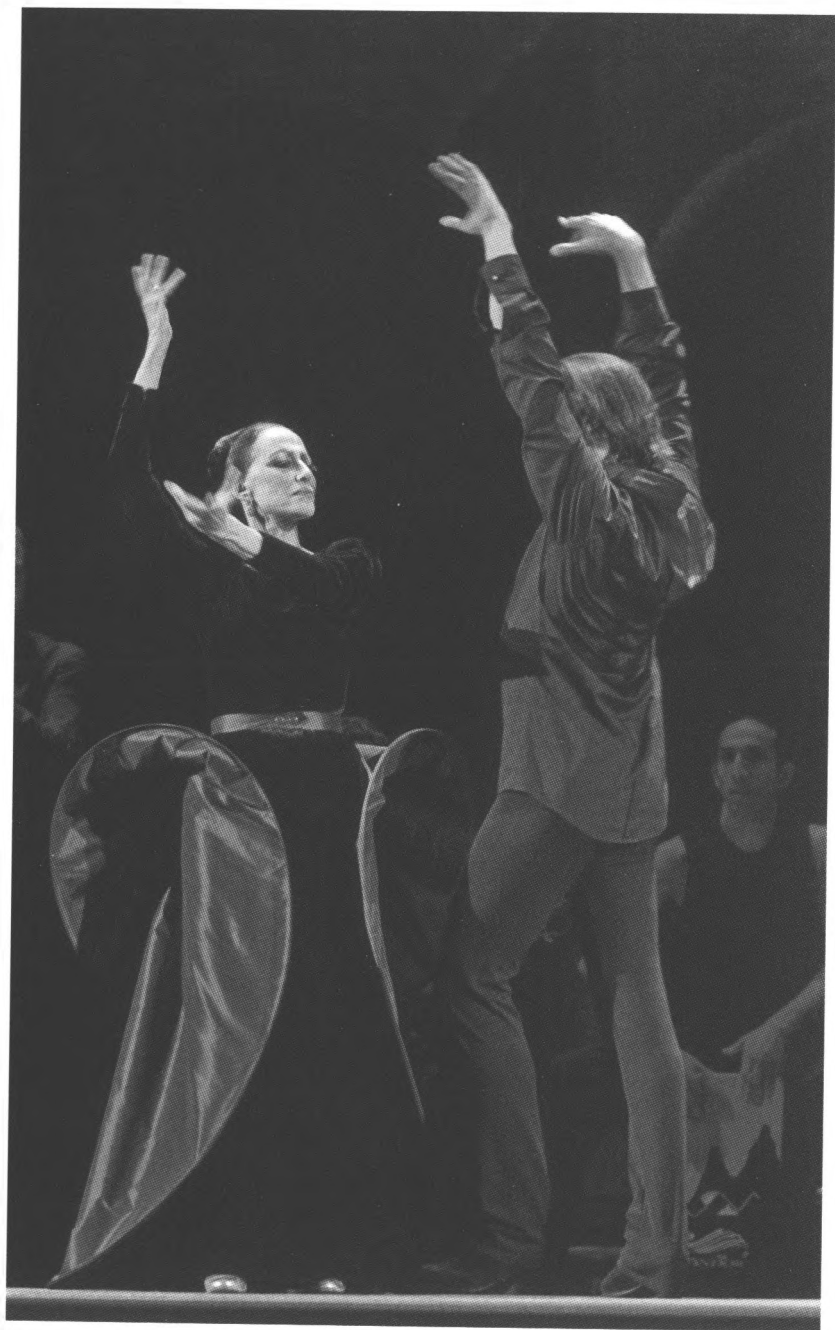
М латве от Кардена на юбилее 2005 г.







Импровизация фламенко
на сцене Кремлевского дворца.
20 ноября 2005 г.







*М*яжелье ботинки Кортеса — его подарок Майе Плисецкой.
Так дарит испанский тореро ухо поверженного быка
даме своего сердца.

ню-йоркский вид доверчивые российские покупатели — вот, мол, какие чудодейственные кремы потребляет Плисецкая. Поторопимся закупить новейшее медицинское чудо. Все как один в магазины, в аптеки!..

А я кремы эти в глаза не видела. Первый раз коробок распечатала. Не пробовала. А рекомендую. От лечения серьезных недугов. А вдруг «чудо-кремы» нанесут непоправимый вред страждущему? И я буду виновата в том? Мне представляется это бесстыдством и цинизмом.

Дата выпуска — октябрь 2004 года. А сейчас начало декабря. Я узнаю о кремах моего имени от Светланы. От Светланы-покупательницы...

А кто выпустил его? Какая фирма? Читаю. ООО НПО «Оздоровительные биотехнологии». Товарный номер 29189-91. Указан адрес: Московская обл., г. Королев, ул. Пионерская, д. 4...

Я тотчас пишу резкое разгневанное письмо в «Оздоровительные биотехнологии». С категорическим запретом на выпуск и продажу кремов «Майя Плисецкая». И заказным письмом отсылаю его по указанному на «моем» креме адресу.

Через несколько дней оно возвращается мне обратно со штемпелем и рукописной припиской: по данному адресу фирмы «Оздоровительные биотехнологии» не существует. Хорошенькое дело!

Я пишу всю «кремовую историю» намеренно очень подробно. Шаг за шагом. Шок за шоком. Разочарование за разочарованием. Стресс за стрессом. И потому пишу подробно, что наступил час мне **самой** поведать, как все это было. И потому, что Обаяшка все это время не ленился раздавать там и сям лживые интервью. Источать свои медовые кондитерские улыбки с экранов телевизоров. Поссорили, мол, злые люди двух больших артистов.

— Я люблю вас, дорогая Майя Михайловна. Нас ссорят. Сталкивают лбами, — горестно тужит крупным планом с телеэкрана худрук «Имперского балета».

Когда информация о произошедшем просочилась в СМИ, из фирмы «Оздоровительные биотехнологии» прозвонился ко мне тихий мужской голос:

— Нехорошо получилось. Таранда нас уверил, что кремы вы видели и пробовали. Довольны остались. Пытались найти вас. Не удалось.

— Разве я на Луне живу? Сейчас вы дозвонились?.. Я намерена обратиться в суд.

Мне рекомендовали друзья адвокатскую контору «Добровинский и партнеры».

Едем с Щедриным к ним в офис. В Первый (так он называется) переулок на Сретенке. Близко по соседству с домом моего детства. Юристы произвели внушительное впечатление. В первую очередь сам глава содружества Александр Андреевич Добровинский. Унисоном юристы уверили, что выиграть дело большого труда не составит. И берутся — тоже безвозмездно — встать на мою защиту. Добровинский в своем интервью мило признается, что влюблен в Майю Плисецкую с трехлетнего возраста. И считает своим долгом, как и все мужчины нашей страны, защищать ее честь и достоинство...

Кремы продавались повсюду. В метро, в аптеках, торговых палатках. По всей России. Но даже близкие мне люди не могли вообразить, что за кремы «Майя Плисецкая» я не получаю ни единой копейки. Это в наши-то бурно капитализирующиеся дни. Андрей Вознесенский в ответ Родиону на его слова, что Майя не получает с кремов ее имени равным счетом ничего, заметил:

— Никто поверить в это не сможет. Даже я не смогу...

...Сегодня, когда пишу эти страницы, на календаре 2 октября 2006 года. Ровно сорок восемь лет минуло с того дождливого октябрьского дня, как мы с Щедриным официально соединили наши жизни в ЗАГСе Киевского района Москвы.

Сколько же пришлось ему натерпеться вместе со мной от бесчисленных драматических перипетий моей непростой судьбы? Нанервничаться. Напереживать. Ночи не спать.

Во сколько капканов угодила я за все эти годы по своей беспечности, легковёрности, нетерпеливости. Просто от матушки-лени. Как часто попадала в них оттого лишь, что лень мне было «включить свои мозги». Заставить их работать не на небесную поэзию. Но на западни да на дразги быта. На прозу повседневного людского общения.

Легким характером природа меня не наделила. Это я сама хорошо знаю. Брат мой Александр часто с добрым сочувствием говорил Родиону: тебе за Майю давно пора дать звание Героя Советского Союза. Это еще при советской власти было. Вот ведь как давно. И еще вспоминается: Василий Абгарович Катанян, последний муж Лили Брик, в шутку (а может, и не такая уж то шутка была) замечал Родиону, что при Майе всегда рядом обязательны милиционер и домоуправ...

Принес Родион сегодня, как обычно он в этот день делает, большую охапку роскошных цветов. А я ему в ответ говорю:

— Спасибо, что ты меня столько лет терпишь...

Одна лишь отвратительная эпопея с кознями и обманами Обаяшки, «кремовая сага», о которой ниже продолжу свой рассказ, хоть кому жизнь отравит...

Через моих адвокатов фирма «Оздоровительные биотехнологии» предложила мне деньги. Не желают, чтобы конфликт дошел до суда. Адвокаты также предпочитают мирный вариант. Тогда из суммы компенсации за моральный урон часть средств отойдет в их пользу. Таков уговор был.

Долго колеблюсь. Сомневаюсь. Советуюсь. Но каждый знакомый при слове суд изображает на физиономии самую кислую гримасу, словно лимонным соком

обпился. Мне-то всегда казалось, что суд обязательно отличит правого от неправого. И неправого по справедливости накажет. Долго, трудно, но восторжествовала же истина в юридическом разбирательстве с моей лжедочкой из Израиля?..

Все переговоры ведут мои адвокаты. Они посредники между «Биотехнологиями» и моим именем, моим аведоновским портретом, моим факсимиле в «профессиональной серии» кремов «Майя Плисецкая». Наконец договариваются о сумме компенсации. Цифру называть не стану. Тем более что осталась она лишь на устах переговорщиков.

Даю согласие.

Но «Биотехнологии» выдвигают новые условия. Опять мои адвокаты ведут с ними волокитные переговоры. Время уходит. Кремы благополучно продаются. Уж не намеренная ли затяжка?..

Вновь «окончательно» договорились. Адвокаты просят меня приехать в их офис. Приезжаем с Родионом. А тут новый поворот. Еще «букет» условий. На сей раз абсолютно для меня неприемлемых. Я должна дать серию интервью, восхваляя достоинства неведомого мне и поныне изделия. Плюс выступления по телевидению. Видеоклип «Биотехнологии» давно уж приготовили. Кстати, он недурно сделан, что и было основным толчком к попытке принятия миролюбивого решения. Но клипа теперь для них мало. Нужны мои речи, комплименты, восторги. Тут уж увольте. Не будет этого. Хватит время тянуть. И я в резкой форме прошу «Добровинского и партнеров» передать дело в суд.

Завертелась машина российского правосудия. Во второй раз взираю я на ее скрипучие шестеренки.

Потекли недели и месяцы. Кремы благополучно продаются. Весьма благополучно. Нет-нет да взглянет на меня с витрины мое беспечное аведоновское улыбающееся лицо. Надо мной самою, что ль, подсмеивается? Добровинский рассказывает: прознавши об обращении их конторы в суд, к нему нагрянул Обаяшка. Улыбался,

улыбался, а потом и сказал Добровинскому: «Теперь я пропал». А каково ныне российское судопроизводство, похоже, и он имел малое представление. Тут наши познания сошлись. Но «Оздоровительные биотехнологии» были информированы, судя по всему, куда более...

Вскоре приползли по факсу бумаги. Явно сочиненные задним числом. Цифры, цифры, столбцы цифр. Фирма желает документально удостовериться, что проплатила она лишь расходы «Имперского балета» на постановку «Лебединого озера». Пачки. Костюмы. Декорации. Меня только оповестить и пригласить забыли. И среди «лебединой сметы» душевное, «кроткое» письмо Обаяшки. Залитое крокодиловыми слезами. Беззащитная овечка. Любит меня сильно. Почитает. Восторгается. И соболезнует: какими недобропорядочными людьми я окружена.

Балетный мир тесен. Болтлив. Завистлив. И поползли дружно слушки — положил, поговаривают, создатель «традиций “Имперского русского балета”» энную сумму себе в карман. В пересказах новостей друг другу сумма беспрестанно меняется. Но все в большую сторону. Приближается к сумме, запрошенной Обаяшкой у женщины из Японии. Кто знает... Кто считал. Может, фантазирует балетный люд? Завидует?..

А по газетам мелькают интервью Таранды. Кто-то советы ему дает. Российский суд — это бабушка надвое сказала. Бодрее, смелее. Наступление, как по Суворову, — лучшая защита. Оказывается, «Щедрин больше хочет денег». Больше, чем что? Чем **ноль**?

Неужто люди без совести выходят сегодня в герои нашего времени?!

Суд назначают. Суд отменяют. Суд переносят. Кто-то не явился. Новую бумагу затребовали. И так много раз. Не торопятся стражи закона на защиту справедливости.

Волокита продолжалась более года. Наконец судья Мещанского суда Москвы Верещак дважды отказыва-

ет моим адвокатам, а точнее, мне в иске. И это при том, что в деле лежит мой официальный запрет от 1 декабря 2004 года на использование моего имени. А год на дворе уже — 2006-й! Не властен, значит, у нас человек над своим собственным именем..

Руками развожу. А мудрые друзья разъясняют: у вас «Этих» ресурсов нету.

«Этих» ресурсов нету. Это правда. Но имя было. Теперь и имя украли.

Адвокаты мои подают апелляцию за апелляцией. А я тем временем выслушиваю телефонные обиды от зрителей, пришедших на концерт «Имперского балета», чтоб на меня посмотреть. А меня и в помине нет. Обманула. Нос задрала. Зазналась. С народом общаться не желаю.

Часто что и сказать, я не знаю. То из российской провинции. То из-за рубежа русскоговорящие громометатели. Лепечу что-то оправдательное. А они свое:

— Ваше имя стояло на афише. На ней ваша красивая зазывная фотография. В цвете. Во всю ширь. Моя дочурка так мечтала с вами сфотографироваться...

Терпение лопнуло. Я пишу письмо в газету. Два авторитетных издания его публикуют. «Культура» и «Труд». Если суд не может остановить Обаяшкину вакханалию, то газеты люди, черт возьми, читают?

Но безнаказанная вакханалия продолжается.

Вот новейшие сообщения. В руках у меня газеты, журналы и постеры. Буду просить издателей поместить их в числе иллюстраций книги. Пусть люди посмотрят. Убедятся.

Реклама на Кипре. Июль 2006 года. Три представления. Вместительные залы. «Ромео и Джульетта». Чья музыка — устроителям не важно. Но зато броско: «В главной роли Майя Плисецкая».

Конечно, станцевать четырнадцатилетнюю Джульетту в моем возрасте — сенсация небывалая (как когда-то говорила мне моя массажистка: более всего нравитесь вы мне в «Лебеде — Сенсация»). Имени самого

Обаяшки на анонсе не пропечатано. Он в тени. Скромность поедом ест.

А вот постер из Португалии. Тут уж наперед. На ноябрь 2006 года. Шесть представлений. «Спящая красавица». Самые большие залы. Дорогие билеты. На афише опять только одно имя. Мое. «Директор Майя Плисецкая». Наш короткий Обаяшка вновь в тени.

глава одиннадцатая

Лечебный крем
«Майя Плисецкая»

119

Гастролирует «Имперский балет» по белу свету. Имя мое с ним путешествует. Совсем как гоголевский нос майора Ковалева, отправившийся в дилижансе за границу.

А кремы по-прежнему благополучно продаются. 7 августа 2006 года собственноручно обзавелась «Бальзамом от синяков и ушибов» в большом универсальном магазине Вильнюса.

Это за граница. Уже не рублями платить надо.

Продащица узнала меня и радостно приветствует: — Большой успех у покупателей. Многие берут.

С таким спросом не одно «Лебединое озеро», коли поверить даже запоздавшим «цифровым» бумагам, можно одеть, обусть и декорировать.

Но с «этими» ресурсами подосмелел имперский Обаяшка. Хоть и дали ему, убеждена, прочесть мое газетное негодование. Но и ухом не ведет. Словно печатают у нас газеты подобные письма на зулусском языке. А ведь резче и прямее не скажешь. Прочитирую заключительный абзац своего газетного крика:

«Я требую снять мое имя с титров любой балетной компании и в первую очередь мою «шапку» с труппы Таранды. Я прошу всех, кто прочтет это письмо, разоблачать самозванство и авантюризм. Коли наша судебная система, призванная, видимо, лишь в теории разоблачать и наказывать обманщиков и прохвостов, потакает неправде и беззаконию».

Но не реагирует Обаяшка. Ослеп. Оглох. Немым стал. Не понимает, о чем речь идет.

А речь о том, что совесть иметь надо. Хоть малую толику ее. Свое имя ставь на афиши. Свой портрет печатай. Свой крем выпускай. Свою профессиональную серию «Гедиминас Таранда» производи. Свое факсимиле под рекомендациями помещай. Никаких денег мне не надо. В покое меня оставьте. Не предлагайте публике то, о чем понятия не имею. И зачем вы недоброкачественные постановки мною прикрываете? Если так громко протестую, негодую, как можно не прореагировать?

Так цепляться! И совесть потеряна, и самолюбия нет.

Три раза отказывал мне российский суд в праве на мое собственное имя. Продавайте, господа оздоровители, лечебный крем «Майя Плисецкая» себе на здоровье и во процветание биоткрытий фирмы ООО НПО. Мало ли какое имя какому продукту дали! А ежели собачий лечебный корм «Судья Верещак» на рынок пустить? Тоже возражать не станете?

И гастролируйте, господин Таранда, пожалуйста, гастролируйте под чужим именем, сколько балетной душе вашей угодно будет, гастролируйте. Бог и суд вам в помощь. Да, не зря, видно, толкуют российские люди, что **«эти ресурсы»** взаправду сегодня так всемогущи...

Но... на четвертом этапе моего судебного марафона споткнулась кривда о решение Президиума Московского городского суда: «Решение Мещанского районного суда г. Москвы от 12.10.2005 года, дополнительное решение Мещанского районного суда г. Москвы от 26.12.2005 года и определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16 марта 2006 года отменить, дело направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Председатель Президиума Московского городского суда А.И. Паршин. 21 сентября 2006 года».

Семь раз решала новая судья Синичкина столь сложную, неразрешимую задачу. И на седьмой раз решила-таки тяжбу в мою пользу.

Адвокат Олег Евгеньевич Панюков, сообщивший мне об этом, не скрывал в тоне голоса радости.

Ну а я? Есть радость?

Еще жду подвохов. Справа ли, слева. Не знаю. Ведь с «этими ресурсами» тяжбы ныне плохи. Пока телефонные еще «слова-слова». Хочу окончательное решение в своих руках держать. Тогда, может, и обрету радость.

глава одиннадцатая

Лечебный крем
«Майя Плисецкая»



2005
2000
2005

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мой праздник

Пора переключиться на мажорную ноту.

Праздников у меня было немало. Имею в виду прежде всего те, что отмечались на сцене моего родного Большого. Праздники юбилейные.

Ясное дело, празднование юбилеев — это в первую очередь вопрос геронтологии. То есть долгожительства. Ну, может, когда ты уже на небесах прогуливаться будешь, вспомнят люди да коллеги что-то совсем круглое. Сто. Двести. Триста. Вот Моцарт прожил на Земле всего 35 лет и десять месяцев. Какая уж тут геронтология. Но как дружно отмечала вся планета Земля его день рождения через 250 лет. Но Моцарт — чудо в единственном экземпляре. А в балете Моцарта пока еще не было. Легенды, гении, талантища были. А Моцарта — нет.

Но справить юбилейную дату в балетном мире принято. И принято тогда, когда юбиляр среди нас. Может, в ложе, может, в партере, может, на сцене.

Пятидесятилетие работы в Большом подробно описано мною в предыдущей книге. Совпало оно тогда с днями антиельцинского путча.

Следующими празднествами в 1995 и 2000 годах были мои округлявшиеся с каждым разом даты. Юбилея 2000 года я уже коснулась выше.

Задавала себе еще в 1993 году вопрос — не звездный ли то час мой?

С каждой датой тонус праздничных вечеров подымался. И не слухавлю, коли в каждый праздник такой я обязательно задавала тот же вопрос себе и своим близким. Щедрину. Не звездный ли то час мой?..

...И вот 2005 год. Теперь сомнений нет. Это и был мой звездный час.

На мою беду, в Большом начали капитальный ремонт. Театр закрыли. Поступали робкие предложения отметить мое восьмидесятилетие в других городах, других странах. Но когда мы были с Родионом на премьере в Москве оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», то в антракте директор Большого театра Анатолий Геннадиевич Иксанов пригласил нас в свой кабинет. На бокал вина. Неожиданно для меня он раздельно произнес:

— Не сбрасывайте со счетов Большой театр, Майя Михайловна. Мы очень хотим отметить вашу дату.

Может, то была реакция его на одно из моих интервью в газете. А может, совпадение?

От желания до даже самых первейших, реальных шагов расстояние всегда гигантское. Но первый шаг кому-то надо сделать. Значит, Большой меня еще не забыл. Помнит. Хочет видеть. Поздравить.

Но ныне в России строят капитализм. Деньги, деньжата, деньжищи... Спонсоры нужны. И в помощь мне

пришел случай. Наш мюнхенский друг Семен Блох со своей красавицей женой скрипачкой Ольгой заехал к нам с книгой «Я, Майя Плисецкая...». Надо подписать ее дочери крупного московского банкира. Девочка занимается балетом. Отсюда все и началось.

Один из руководителей «Альфа-банка», Александр Дмитриевич Гафин, входивший тогда в попечительский совет Большого, с энергией и пылом взялся за организацию юбилея. Мне очень хотелось, чтобы художественную часть моего Гала возложил на себя Алексей Ратманский. Гафин сказал, что театр поддержит эту кандидатуру.

И на следующий же день у нас дома на Тверской поздним вечером мы встретились все вместе.

— Обычно говорят — есть идеи. А где взять деньги? Так вот. Деньги есть. Точнее, будут. Какие рождаются идеи? — начал с этих слов Гафин нашу встречу.

Леша Ратманский с ходу предлагает:

— Что, если на основе старого «Дон Кихота» сделать эффектное Гала со вставками сегодняшних звезд и даже, например, не пугайтесь, супертрюков шаолиньских монахов?..

Я давно и неизменно симпатизирую и хореографическому таланту Ратманского, и светлой, ясной голове его. Мне довелось выступить с ним в Японии и Финляндии в «Послеполуденном отдыхе фавна» Нижинского. Он поразил тогда меня редким чувством стиля и исключительным артистизмом. Мне даже пришла в голову дерзкая мысль: не превзошел ли Алексей по точности рисунка роли самого создателя «Фавна»? Так графичен, неспешен, затаен был его герой. Я даже отвлекалась от своей партии, так гипнотически приковывал к себе он мое внимание. Так же, верно, как и внимание публики.

А во втором акте теней в «Жизели», когда Ратманский шел с букетом лилий, мне казалось, будто идет он по лесному кладбищу целую ночь. Словно театральные кулисы отсутствовали вовсе. Жутковато даже было. По спине ледяной холодок жег. А как исполнял он на двух

моих прошлых юбилейных вечерах баланчинскую «Тарантеллу»...

И всегда убеждал Ратманский меня и как хореограф. Из последних примеров, помимо прелестных филигранных концертных номеров, назову прежде всего искрящийся юмором и задором балет Шостаковича «Светлый ручей». Он по праву принес хореографу мировое признание. И совсем недавняя постановка «Анны Карениной» Щедрина на сценах Копенгагена, Вильнюса и Хельсинки.

Спектакль Ратманский сотворил совсем по-своему, по-ратмански. Изобилие выдумки и фантазии. И все со смыслом, с умом. Осознаешь, что не желание это «порхнуть» по поверхности любовного треугольника. А удавшаяся попытка зацепить глубинный смысл великой книги Толстого.

Для реализации замысла моего юбилейного «Дон Кихота» Ратманский решает привлечь в союзники молодого режиссера Дмитрия Чернякова. Я видела его «Аиду», которая была сделана полемично, но очень убедительно. Режиссер он талантливый.

Что ж, посмотрим, что мне принесет их союз.

Празднество мое было замыслено на самую широкую ногу. «Фестиваль в честь Майи Плисецкой» открылся тремя спектаклями Большого балета на Новой сцене театра. Мои спектакли, в которых я танцевала долгие, долгие годы. «Лебединое озеро» с Надеждой Грачевой. «Дон Кихот» с Марией Александровой. И наконец, моя любимая «Кармен-сюита», специально возобновленная Альберто Алонсо по сему торжественному поводу. Премьеру исполнила Светлана Захарова.

В один вечер с «Кармен-сюитой» впервые предстала перед московской публикой новейшая работа Ратманского «Игра в карты» Стравинского. Как хорошо соседствовали две эти постановки! Одна оттеняла другую. Контрастировала с ней. Спорила. А еще через день

«Гала Дон Кихот» на сцене Кремлевского дворца. В постановке Ратманского и Чернякова.

И в те же дни в Манеже открылась выставка моих фотографий. Роскошная, богатая выставка.

Все широченное пространство Манежа увешали моими физиономиями, балетными сценами, репетициями, встречами. На белоснежных стенах, в белых рамках смотрелись они торжественно и ярко. Были представлены и рисунки художника Шахмейстера, который совместно с Ольгой Свибловой приложил немало сил и вкуса для успеха выставки. На четырех экранах одновременно, но не синхронно демонстрировались мои фильмы. Горстки публики застывали у каждого из них и смотрели на мои танцы.

Чем не культ балетной личности...

Но и это было еще не все. В Бахрушинском музее с редкостной любовью и нежностью устроили выставку моих театральных костюмов. И иных аксессуаров. Там в своем ответном слове возле моих фотографий в бежаровском «Болеро» я вспомнила слова академика Петра Леонидовича Капицы о моем выступлении в этом балете:

— В средние века инквизиторы сожгли бы вас на костре, как ведьму.

Очень хорошо, что позже родилась. Взаправду неизвестно, чем бы могло закончиться...

В те же дни в кинотеатре «Иллюзион» целую неделю показывали мои фильмы. Собрали столько, что и меня удивили. Вообразить не могла, сколько хроникальных пленок уцелело в кинохранилищах. Малые интервью, репортажи о премьерах, визиты иностранных лидеров, для которых танцевала, мои премьеры на зарубежных сценах. Видимо-невидимо всего. Это помимо специальных телефильмов и экранизаций.

Приятно, что публика дружно ходила. Даже продлили мой маленький кинофестиваль.

А чуть загодя Андрис Лиена осуществил давний замысел Валерия Головицера, собравшего со всего бела све-

та триста моих фото разных лет, которые я факсимильно прокомментировала. И выпустил роскошный раритетный альбом под бежаровским «кодом» «Аве Майя».

Чем не культ балетной личности...

А телевидение давало фильм за фильмом о моей персоне. И старые. И новые. Подготовленные телевизионщиками к юбилею.

Пишу и настораживаюсь. Какая хвальбушка. Но как же не рассказать обо всем. Умолчать. Сколько искреннего старания и труда положили люди, чтобы все это собрать и представить москвичам. Как теперь говорят политики — «в одном пакете».

На центральный вечер-Гала Ратманский собрал сильную сборную Европы. Одно перечисление участников способно, верно, утомить читателя. Но мне хочется сколь можно детальнее рассказать обо всем и обо всех. Так непривычно и неожиданно представление было задумано и осуществлено.

Спектакль начался с хорошо знакомого публике древнего «Дон Кихота». Ничто, казалось, не предвещало сюрпризов. Лишь партии Китри и Базиля были разделены между тремя-четырьмя премьершами и премьерами. Часть из них представляла Большой (Александрова, Захарова, Уваров). Другая часть — престижные балетные труппы. Кожокару, Кобборг (Королевский балет Великобритании), Вальдес, Карреньо (Национальный балет Кубы). Они так стремительно сменяли друг друга, что мне это напомнило накал хоккейного матча. Когда замену игроков тренер производит на ходу, не сбавляя темпа схватки. Эти быстрые смены добавляли азарта танцовщикам. Кто лучше. Кто сильнее.

После вариации Китри в зале притемнили свет, и на широченном экране, появившемся неизвестно откуда на фоне безмятежного солнечного испанского пейзажа, возникла я, танцующая ту же вариацию. На очень крупном как бы плане.



18 октября 2006 г. в Токио М. Плисецкой вручили Praemium Imperiale – премию императора Японии в номинации «Театр и кино», медаль из чистого золота весом 350 г



Президент В. Путин поздравляет М. Плисецкую с вручением ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени.

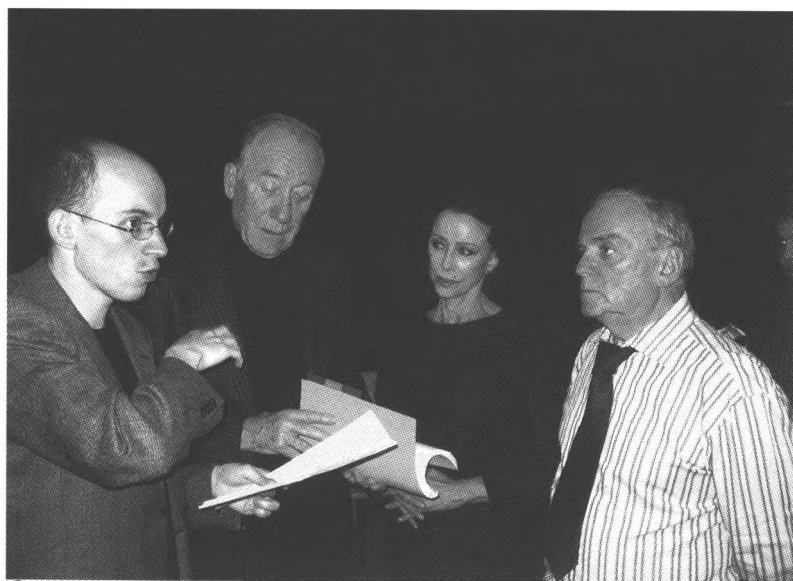
Майя Михайловна Плисецкая стала первой женщиной в России — кавалером всех трех степеней этого ордена. Москва. Кремль. 2006 г.

С лауреатами императорской премии — композитором Стивом Райхом, архитектором Фраем Отто, художницей Яйои Кусамэ, скульптором Кристианом Болтански

Императорскую премию вручает младший брат императора Японии принц Хитачи. Эту премию называют Нобелевской премией по искусству

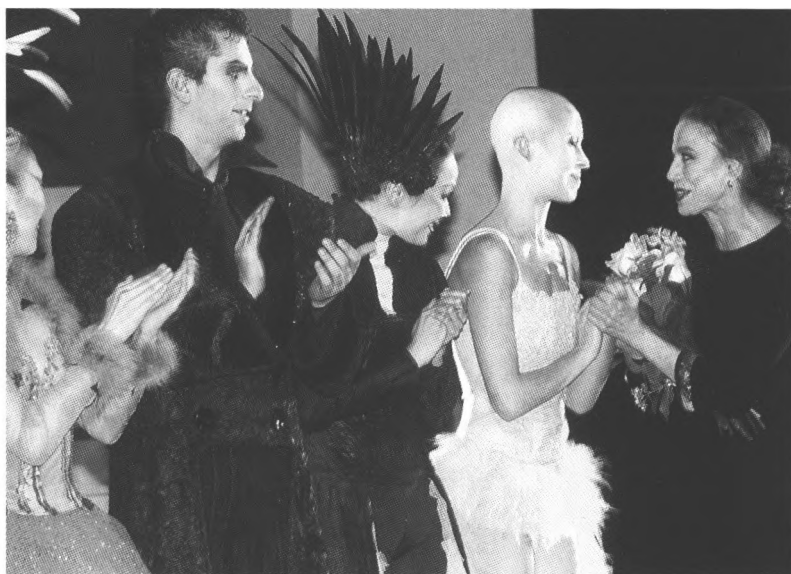


Мировая премьера хоровой оперы Р. Щедрина «Боярыня Морозова». На переднем плане — хормейстер Борис Тевлин. Московская консерватория. 30 октября 2006 г.



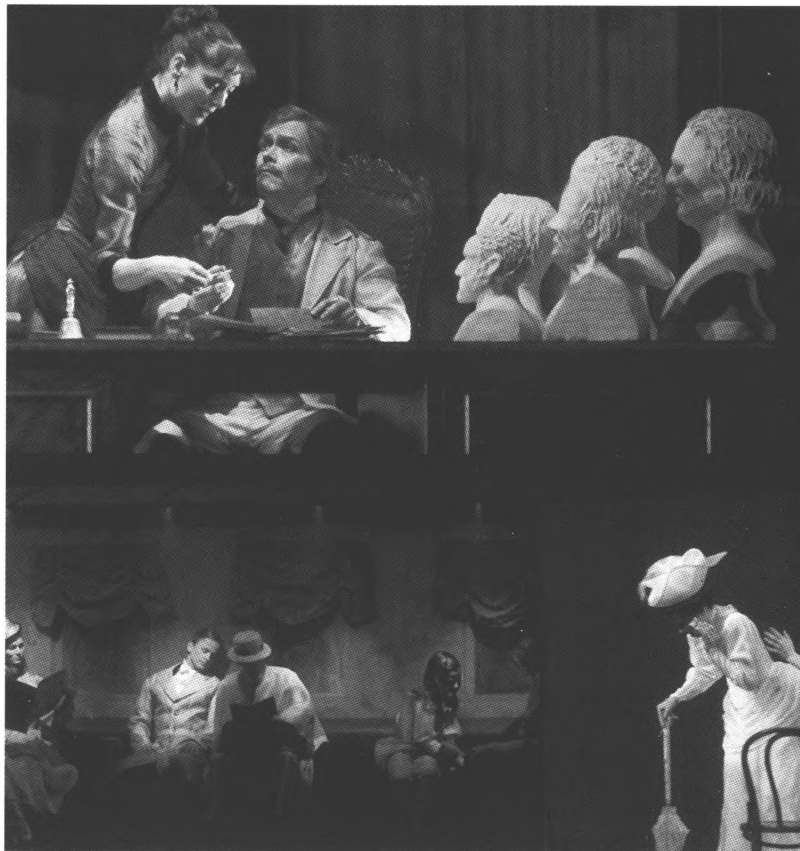
*П*ресс-конференция перед премьерой «Боярыни Морозовой»: председатель Союза московских композиторов О. Галахов, Р. Щедрин, Б. Тевлин, руководитель оперного продюсерского центра «Classica VIVA» В. Солод, артистический директор концерта М. Фихтенгольц

М. Фихтенгольц, Р. Щедрин, М. Плисецкая и Б. Тевлин на репетиции оперы.



После премьеры балета Р. Щедрина «Анна Каренина» в Бремерхафене.
Вверху в центре – хореограф Сергей Ванаев, Германия. 2006 г.

С Яни Тало
(Вронский),
Миной
Тервямяки
(Анна)
и Алексеем
Ратманским
после премьеры
«Анны
Карениной» в
Хельсинки.
2007 г.;
сцены
из спектакля



М. Плисецкая ставит «Золушку»
на музыку И. Штрауса. Вена. 1997 г.
Премьеру транслировали
43 мировые телекомпании

Постановка танцев для традиционного
новогоднего концерта в Вене. 1998 г.





80 билетная тарелка для почетных гостей
к 80-летию М. Плисецкой



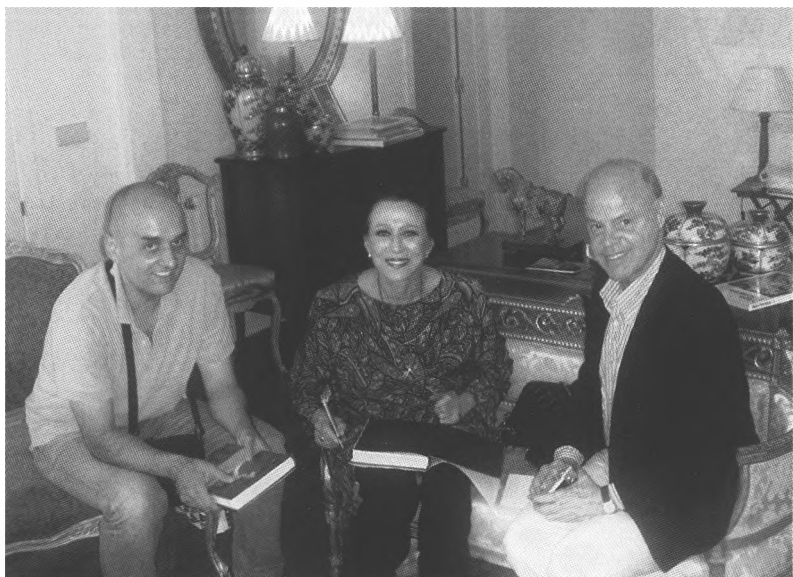
Публика приветствует М. Плисецкую перед презентацией фотоальбома «Ave Майя» в театре «Новая опера». Москва. 2004 г. В фотоальбоме опубликовано 300 фотографий, охватывающих разные годы жизни и творчества М. Плисецкой.

На сцене «Новой оперы»
Андрей Вознесенский читал стихи:
«...Жизнь идет интерактивно.
Майе Михайловне Плисецкой
В мире нет альтернативы.
Зал осенне-польсевший,
Видит, как красива
Гений мира и России»



Жарко Пребиль и Маргарита Парилла.
Рим. 2006 г.

Книга «Я, Майя Плисецкая...»
была переведена на 11 языков.
В 2006 г. к ним добавился испанский.
На фото: в мадридском книжном магазине



Наследник испанского престола принц Фелипе вручает М. Плисецкой премию «Принца Астурии». Впервые за 25 лет эту престижную награду получила балерина. С Фелипе Кайседо и Риккардо Куе



Немецкая журналистка, которая навела Плисецкую на мысль озаглавить эту книгу «Тринадцать лет спустя».

На премьере «Автопортрета» для симфонического оркестра Р. Щедрина в Московской консерватории. 1994 г.



После премьеры Концерта для виолончели Р. Щедрина
с М. Ростроповичем и С. Озавой.



На фестивале «Созвучия» в Сен-Назере, посвященном творчеству Р. Шедрина. Франция. 2004 г.

Зал бурно среагировал. Теперь уже в реалии я появилась на сцене, словно сойдя с киноизображения в гушу барселонской толпы. Участники представления уступили мне все пространство, и, сделав приветственный широкий круг, я взяла в руки микрофон, почтительно преподнесенный мне в старинном реверансе Рыцарем печального образа.

Сказано мной было что-то вроде:

— Этот спектакль идет полтора столетия. Танцевала его я уйму раз повсюду. А сегодня хочется увидеть «Дон Кихота» по-современному, по-новому...

И на сцену под музыку Минкуса, как горох из лукошка, высыпали ребята группы брейк-данса «Da Voogie Stew». Дансантиная ритмичная музыка неожиданно здорово подошла к головоломным (в прямом смысле этого слова) трюкам молодых бесстрашных гуттаперчевых парней. Как и положено, по ходу финала сцены первого акта пошел занавес...

Но занавес был совсем непростой. К Кремлевскому дворцу отношения он не имел. Как удалось Ратманскому и Чернякову осуществить свою дерзкую затею с привозом с запыленных складов давнего, тяжелого, парчового занавеса советских времен? Почти истлевшего, уже было расплавленного на золотые нити. Но по-прежнему торжественного и официозного. Всю свою жизнь протанцевала я, общаясь с этим символом театра, эпохи, времени. Моего времени. Времени, в котором я жила и танцевала.

Следующей сценой шла «Таверна».

В постановке Горского то был дивертисмент испанских характерных танцев. Ратманский оставил лишь декорацию, зрителей на сцене и атмосферу полночного увеселения.

Но вместо испанских танцев перед зрителями предстали совсем иные персонажи. Приехавшие на юбилей звезды продемонстрировали отрывки из почитаемых ими балетов.

Англичане Кожокару и Кобборг танцевали дуэт из балета Мак-Миллана «Манон» на музыку Массне. А Полина Семионова со своим партнером Артемом Шпилевским (оба — Берлинский государственный балет) — адажио из балета Шольце на музыку Моцарта. Семионовой я симпатизировала с первых ее профессиональных шагов. С тех пор как увидела на международном конкурсе балета в Японии. Семионова выступала тогда в номинации юниоров и завоевала золотой приз. Пригласить Семионову на Гала в Москву была моя инициатива. Москвичам, чему я радуюсь, она пришлась по душе.

Потом эстафету приняла Диана Вишнева с партнером Игорем Колбом (Мариинский театр). Из нынешних петербургских звезд она одна из совсем немногих кажется мне танцовщицей самой первой величины.

Дуэт из бежаровского «Бхакти», который я видела не раз и не два в исполнении именитых танцовщиков, представляется мне истинным шедевром хореографии XX века. Исполнение Вишневой и Колба было воистину совершенным. Так истонченно чувственно и умно воплотила Диана ориентальные узоры Бежара.

А потом на сцену вышел Хоакин Кортес. С ним приехала группа певцов фламенко и музыкантов. Семь человек. На авансцене Кремлевского дворца для него специально соорудили деревянный помост, чтобы его испанские дробы отзывались по залу металлом и эхом. В моем Гала 1993 года Хоакин тоже принимал участие. Звезда его славы тогда еще только восходила. Сегодня он сверхзнаменит и по праву числится лучшим мужским танзором фламенко.

Чуть отступлю от хода моего рассказа. На репетицию концерта нам был отпущен лишь один день. Накануне. Да генеральная в день самого концерта. С утра и до пуска публики в зал. Звезды, как принято у настоящих звезд, появились в Москве лишь в день концерта — 20 ноября. До сих пор не могу понять, как сумели Ратманский и Черняков за такое краткое время свести воедино всю разношерстную махину юбилейного представления.

На генеральной для Кортеса со товарищи времени не хватило. Он репетировал накануне, и Ратманский посчитал, что сможет уделить им сцену в последний отпущенный ему залом час. Кортес томился за кулисами и нервно ждал сигнала, когда его позовут. Время предательски улетучивалось. Каждому выступающему нужна была световая партитура. Ну и времени, естественно, для Кортеса не осталось.

Когда я за час до начала приехала в театр, меня поджидала неприятнейшая новость. С Кортесом истерика. Он негодует. И танцевать вечером категорически отказался.

Леша Ратманский и Дима Черняков просили меня сделать последнюю попытку и уговорить Кортеса отменить свое отказное решение.

— Майя Михайловна, вы последняя надежда. Чем будем латать конец акта без Кортеса, не представляем. Ну попробуйте, — в два голоса взволнованно говорили мне постановщики.

Подхожу к дверям артистической уборной разнервничавшегося испанца. Из-за двери громкие, взвинченные голоса. Осторожно заглядываю. За мной теснятся озадаченные сложившейся ситуацией постановщики. Кортес стоит, набычась, словно боксер на ринге. Я с максимальной нежностью обнимаю его и, собрав в памяти все мои английские словесные ресурсы, выпаливаю их без точек и запятых:

— Хоакин, ты великий. Шесть тысяч зрителей ждут тебя. Только тебя. Телекамеры включены. Тебя хочет видеть вся Россия...

Но на все мои доводы и умоления Кортес односложно отвечает: нет, нет, нет, нет...

Потом он обрушивает поток испанского негодования и крепких ругательств на режиссеров:

— Они намеренно не дали мне порепетировать. Решили сорвать мой номер...

Удесятерив силу своих объятий, я перехожу на личности:

— Хоакин, ты великий. Ты великий. Мужчина. Рыцарь. Выступи сегодня ради меня. Только ради меня. Только ради меня.

Наверное, интонация моих настояний задевает какую-то струну в его нутре. Угольно-черные глаза влажнеют. Гневные молнии подзатухают. Он обнимает теперь меня. Косточки мои похрустывают. Но держусь.

— Хорошо, Майя. Ты великая. Я станую сегодня. Только ради тебя. Только ради тебя...

Почти сцена из голливудского фильма. Но Кортес танцевать будет. Финал акта обретет необходимую точку.

Я смотрю выступление Кортеса из первой правой кулисы. В черном карденовском платье устраиваюсь поудобнее на неудобном театральном табурете. Хоакин боковым зрением меня видит. Фейерверк пор-де-бра. Каскад бешеных ритмов. Он весь мокрый. В порывистых движениях все чаще забрасывает свои смоляные прямые волосы назад. Струями пота они слепят его. Пожар собственного танца зажигает его все более и более. Сбрасывает цыганский сюртук. Хоакин мокрый, как будто его окатили струей водомета, коим полиция разгоняет разбушевавшихся демонстрантов...

Внезапно Кортес идет ко мне в кулису и выводит на авансцену. Музыканты и певцы провокативно задают новый танцевальный ритм. Надо отвечать. Мы, завлекая друг друга, импровизируем, не глядя партнеру в глаза. Так принято у танцоров традиционного фламенко.

Я давно подсмотрела, что выражение лица в тот момент обязано быть отстраненно обиженным и презрительным. Чувствую, что Хоакин доволен своей неожиданной партнершей. И как знак высшего признания, он снимает свои звонкие цыганские ботинки и дарит их прилюдно мне. На глазах шести тысяч зрителей. У испанцев сие есть символ одержанной победы. Так дарит тореро ухо поверженного быка даме своего сердца на праздничной корриде.

Наши телевизионщики, которые, к слову сказать, замечательно сняли и смонтировали мой юбилейный

вечер, видно, не были в курсе, что означает этот ритуал. И вырезали эпизод с ботинками Кортеса.

А мне жаль, что моя импровизация с этим обувным приношением Кортеса не вошла в сюжет телевизионного фильма. Но шесть тысяч зрителей в Кремле видели этот королевский испанский жест. С ботинками на руках я симпровизировала что-то победное и ликующее. Днем позже я отдала подарок Кортеса в Бахрушинский музей. Надеюсь, что сапожкам Кортеса со специальной подошвой из тысячи железных бляшек, с его автографом, сделанным после вечера, найдется место в числе других театральных реликвий.

(Малый курьез. При трансляции вечера наши телевизионщики обозначили в титрах имя каждого гостя и страну, из которой он прибыл на мое Гала. А имя Хоакина Кортеса обошлось без ссылки на Испанию. Слава его по миру так велика, что редактор решил ограничиться лишь именем «Кортес». И вот после трансляции один почтенный россиянин обратился ко мне с комплиментом:

— Как мне понравился ваш танец с молодым грузином. Представляю, как долго вы с ним репетировали. Замечательное единение!..)

...Может, я слишком подробно в деталях описания вечера. В каждом театральном событии таких подробностей бывает множество. Но я произнесла уже с определенностью, что то был мой звездный час. И мне желается, чтоб читатель увидел его **моими** глазами, ощутил **мое** восприятие **моего** юбилейного праздника.

Второе действие началось с картины «На мельнице».

Вместо привычных испанских пейзажей возле силуэта мельницы прогуливались бравые казаки из Александровского ансамбля. В бурках, папахах, хромовых сапожках. На гимнастерках позвякивали боевые медали. А в руках сверкали острые сабли наголо. И с этим неожиданным антуражем одна за одной стали появлять-

ся примы Большого с сольными вариациями из **самых** моих балетов.

Вакханка из «Вальпургиевой ночи» — Анастасия Яценко. Царь-девица из «Конька-Горбунка» — Светлана Лунькина в сарафане и в кокошнике. Татарская девушка — птица Сюимбике из яруллинского «Шура-ле» — Екатерина Шипулина. Зарема из «Бахчисарайского фонтана» — Мария Аллаш. Мою коронную прыжковую вариацию из «Лауренсии» А. Крейна танцует Мария Александрова. Своего рода краткая антология по моим этапным балетам. При том каждая финальная точка сопровождалась галантным участием боевого александровского казака. А сервантесовская мельница все крутила и крутила свои обороты...

Конеч сцены венчала виртуозная казачья кавалерийская. Тут-то brave александровские танцоры высыпали на сцену Кремлевского дворца целую пригоршню своих сверхзнаменитых трюков. Из которых «бедуинское колесо» выглядело просто-напросто классным движением...

Наступил черед картины сна «Дон Кихота». Что-то тут отчебучат Ратманский с Черняковым?

В каноническом «Дон Кихоте» Рыцарь печального образа сражается с ветряной мельницей, принимая ее за щупальца страшного дракона. Срывается с мельничного колеса. И, заботливо укрываемый верным Санчо Пансой, безмятежно засыпает. Что ему пригрезится?..

Из оркестра несутся привычные с детства звуки минкусовских дриад. Но внезапно, в один миг, словно картечь из пушки, сцена заполняется шаолинскими монахами. Хорошенький сон приснился Рыцарю из Ламанчи! Что они вытворяли, описать выше моих сил. Это надо было видеть...

Финальная сцена балета «Во дворце».

Парад-алле всей труппы.

Все участники вечера являются перед зрителем. Брейк-данс. Ансамбль Александрова. Лысоголовые монахи из Шаолиня. Светлана Захарова и Андрей Уваров. Звезды

Гранд-опера Агнессе Летестю и Карл Пакетт. Петербуржцы Диана Вишнева и Игорь Колб. Полина Симеона и Николай Цискаридзе...

И необыкновенно трогаящая мою балетную душу мизансцена. Дефиле моих персонажей. В моих костюмах. С моими предметными и живыми аксессуарами.

Главные роли моей балетной жизни. Их много. Вся моя балетная судьба. Мои терзания и триумфы. Надежды, мечты. Их осуществление. Каждый из этих образов молнией рождает сонм моих воспоминаний. О каждом столько есть что рассказать, припомнить, поделиться:

Одетта

Одилия

Китри

Аврора с роковым веретеном

Дама с собачкой, чеховская Анна Сергеевна с пушистым белым спицем

Раймонда в голубой пачке с парчовым лифом

Мирта с веткой кустарника

Вакханка из «Вальпургиевой ночи»

Царь-девица

Сюимбике

Зарема

Лауренсия

Айседора

Большая роза в хитоне Ив Сен-Лорана

Кармен

Анна Каренина

Нина Заречная

И моя кинематографическая Бетси Тверская — с двумя борзыми...

Сколько подлинной любви, усердия, настойчивости проявили постановщики моего юбилея, чтобы так слаженно и органично ввести это праздничное дефиле в драматургию всего представления. Повторю: когда успели срепетировать? Оговорить с каждой танцовщицей обязательное условие — ни на секунду не выходить из образа. Доиграть все до самого конца.

Осуществить их замысел было возможно, думаю, лишь при подлинной увлеченности и полной отдаче всех без исключения участников представления.

И еще один сюрприз. Блистательный! Специально поставленный Ратманским танец — преподношение цветов под музыку минкусовских «амуров» ветеранами Большого. Это капельдинеры моего театра, которые бесчисленное число раз выносили мне после каждого, каждого спектакля корзины и букеты цветов. Я отлично помню их лица, фигуры, походку. Но имена-отчества ушли из памяти. Да и время свершило свое коварное дело. Но эти люди на протяжении всей моей театральной жизни были всегда добры и внимательны ко мне. Я растрогана. Зал встречает незатейливый танец криками «браво» и скандированием. Синие капельдинерские мундирчики, облегающие дородные, антибалетные фигуры, ритмичнодвигающиеся с корзиночками красных цветов, трогают всех присутствующих на вечере. Я не исключение.

После туттуйного яркого апофеоза огромная сцена остается совершенно пустой. Теперь моя очередь.

Перекалываю бежаровские веера из руки в руку. Надо, чтобы первым публика увидела веер красный. Так велел Бежар. На юбиляршу репетиционного времени не хватило, и как меня осветят, мне неизвестно. Успеваю лишь впопыхах сказать световику: «Притемните фон и не бейте прожектором мне прямо в глаза». Иду на сцену, лишь отдаленно предполагая, какая световая атмосфера мне уготована.

Это мой третий за сегодня выход на публику. Осветители перестарались. Перетемнили. Мне кажется, что с далеких балконов шеститысячного Кремлевского дворца моя игра красно-белыми веерами не прочлась. Но успех большой. Вижу между поклонами, что все шесть тысяч зрителей стоят.

Буду бисировать?

Хотелось бы скорректировать световую гамму. Но команда осветителей расположена на другом краю све-

та. Сказать им хоть малую фразу мне не удастся. Секунды нет. Но кажется, они сами поняли, что перетемнили. И «бис» по световой партитуре проходит удачнее...

Много раз выхожу на поклоны. Зал желает видеть меня вновь и вновь. Вопреки общепринятому юбиларша на сцене одна. Совсем одна. Это тоже замысел Ратманского и Чернякова: «Плисецкая и цветы»...

Признаться по совести, ноги уже «гудут». Серебряные туфли, которые я неизменно надеваю на «Аве Майя», начинают бессловесный конфликт с моими ступнями. В них я весь сегодняшний вечер. Три выхода на публику. Повтор «Аве». И поклоны, долгие поклоны.

Туфли мои имеют занятную биографию. Возраст их тоже юбилейный. В 1977 году Надя Леже подарила их мне в Париже, сообщив с суровой торжественностью, что они фирмы «Raupе» (сегодня, увы, уже не существующей). И что в обуви этой фирмы разгуливала Анна Павлова, принимала послов английская королева и ходила на вернисажи сама Надя Леже. Это единственные туфли, живущие в согласии с моими ступнями. Я бережно храню их и надеваю лишь по чрезвычайным поводам. Да и серебро идет не к каждому туалету.

Но теперь и мои серебряные любимцы начинают терзать мне ноги. Первое, что делаю, лишь занавес окончательно закрылся, — сердито скидываю их и бреду в свою артистическую босиком.

О, что может быть слаще и привольнее ходьбы босиком...

Меня торопят. Все приглашенные на прием уже в сборе. Надо отправляться в лифте на шестой этаж. В банкетный зал Кремля. Могла ли я о таком подумать даже пятнадцать, десять лет назад?

На ходу в лифте вновь обуваюсь в свои серебряные палочки-выручалочки. Ноги чуть отдохнули и не оказывают туфлям болевого сопротивления.

...Множество дорогих мне лиц. Верные коллеги мои. Спасители-врачи. Друзья и давние болельщики. Иностранные гости, с которыми соединяла меня моя ба-летная судьба. Организаторы всего моего юбилейного марафона. Журналисты. Среди них Наташа Шадрина, сотворившая прекрасный буклет к фестивалю. Целая энциклопедия. Осунувшийся от волнения Щедрин.

К одной из первых направляюсь к Ирине Винер. Известной в прошлом спортсменке. А ныне знамени-тому тренеру по художественной гимнастике. Это ее супруг Алишер Усманов стал генеральным спонсором сегодняшнего моего торжества. Искреннее мое ему спа-сибо.

И спасибо всем, кто танцевал и был сегодня на сце-не, за кулисами, играл в оркестре, встречал и обустрои-вал гостей, хлопотал с автотранспортом, издавал рос-кошный буклет, афиши, программы, репетировал, оде-вал, гримировал, причесывал, светил, угощал, нервничал, тревожился, болел за меня.

Моему родному театру за все спасибо.

Всем, всем спасибо, кто помог задумать и осуще-ствить мой сегодняшний беспримерный, грандиозный праздник...

КАК Я ПОГУБИЛА РАВИШУ ГАЛИНА И О
ТЕМ ЧТО ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

Вчера, точно за две до своего
дня рождения (завтра мой спидометр отобразит цифру
81), я давала мастер-класс в лондонском
Окефе. Ровно через год после моего юбилейного года,
о котором я рассказывала в предыдущих главах.

Мини-класс, Центром вечера стали вопросы
ко мне. При балеринки становились главные эпизоды
из жизни Одимми. И разговор шел о германском
лебедзе или о коварной притворщице догери злато
волшебника Роберта. Так кто же она? Лебедь
или Дьяволица? Я изложила многомерный
аудиторам ту информацию, которой владею.
Сказала, что еще в 1920 году правую партию
в "Лебедином озере" Одимми мимолетно
две примадонны. Знала я это от двух балерин,
Тамбовских ик. Из первых рук. Одимми —



2011

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как я погубила Сталина и о чем ходу еще рассказать

Вчера, точно за день до своего дня рождения (завтра мой спидометр отобьет цифру 81), я давала мастер-класс в Мюнхенской опере. Ровно через год после моего юбилейного Гала, о котором рассказала в предыдущей главе.

Центром вечера стали вопросы ко мне. Три мюнхенские балерины станцевали главные эпизоды из партии Одиллии. И разговор шел о черном лебеде или о коварной притворщице дочери злого волшебник Ротбарта. Так кто же она? Лебедь или дьяволица?

Я изложила многочисленной аудитории ту информацию, которой владела. Сказала, что еще в 1920 году главную партию в «Лебедином озере» делили между собой две примадонны. Знала я это от двух балерин, танцевавших их. Из первых уст.

Одетту — Елена Михайловна Ильющенко. Одилию — Мария Романовна Рейзен. И лишь позже обе роли стала исполнять одна танцовщица. И в каждой программе тех лет напротив имени балерины обозначалось: Одетта — королева лебедей, Одилия — дочь злого гения. «Открытие», что Одилия — черная лебедь, пришло к нам с Запада, от французов. Когда в Москве состоялись их первые гастроли.

И вот вопрос ко мне. С легким юмором:

— Вы танцевали дьяволицу. Околдовали принца. А был ли кто заколдован вами в зрительном зале?..

И я рассказываю историю, которая стала мне известна совсем недавно.

Когда в 2004 году на прилавках магазинов появилась книга братьев Медведевых «Неизвестный Сталин», основанная на новых архивных документах, рассекреченных через пятьдесят лет после смерти тирана, — несколько человек стали допытываться у меня, верно ли, что накануне своего смертельного инсульта Сталин видел меня в «Лебедином». И, ссылаясь на Медведевых, называли точную дату — 27 февраля 1953 года.

Всем им я отвечала отрицательно.

Уверенность в моем ответе основывалась на нашем театральном опыте. Каждый приход Сталина в Большой театр сопровождался резчайшим усилением охранных процедур. У всякой двери, в кулисах, у лифта, в репетиционных залах появлялись соглядатаи с тупыми, но внимательными лицами. Да и полпартера наводняли почитатели музыкальных представлений в штатском. Участникам вечернего спектакля вручались одноразовые спецпропуска с датой.

На спектакли Большого театра Сталин хаживал не раз. И всем в театре о том тотчас же становилось известно. Наш вождь, как мы все знали, особую склонность питал к жанру оперы. Я участвовала в двух головановских оперных постановках, которые лицезрел Сталин. Персидка в «Хованщине» и Рыба-игла в «Садко».

Партию Рыбы-иглы создавал Лавровский. И лейт-движением моего танца (помимо, естественно, широких прыжков) был многократный резкий жест указа-

тельным пальцем правой руки, олицетворявший острую иглу морского чудища.

Таких жестов в моем танце было множество.

Первый же резкий, словно выстрел, «выпад» Лавровский срежиссировал в правом горизонтальном направлении. И когда я на премьере после первого широкого жете встаю на арабеск и следующим движением должна выстрелить всем телом в поставленном Лавровским направлении, то вдруг в моем мозгу молнией проносится леденящая спину мысль. Ведь «мой выстрел» приходится точно в правительственную ложу, в глубине которой застыли ружьиные усы Сталина.

И я пасую. Трусливо пасую. И устремляю свой «выстрел» вверх, на колосники. Все это происходит в доли секунды. Абсолютно подсознательно. Мы были все тогда рабами тоталитарного страха.

Из балетов Сталин почитал лишь «Пламя Парижа». Он смотрел этот спектакль немалое число раз. Великая французская революция. Марширующие революционные толпы народа с развевающимися знаменами, хором поющие призывную революционную мелодию «Сайра́». Взятие Бастилии. Разгром восставшими дворца короля. Это зрелище «медом» приходилось по душе советскому диктатору.

А тут вдруг «Лебединое озеро». Да еще инкогнито. Быть такого не могло. Но вернувшись в Мюнхен, я раскрываю свой старый дневник о февральских днях 1953 года. И читаю: «28 февраля 1953 года. Вчера танцевала «Лебединое» с Леней Ждановым. Мама сказала мне, что это был один из пяти лучших моих спектаклей» (а танцевала я к тому времени уже 55 «Лебединых»).

В концертах вождь меня видел. Даже совсем вблизи лицезрел мою вариацию из «Дон Кихота» в Георгиевском зале Кремля, когда торжественно отмечали его семидесятилетие. Но «Лебединое озеро», как я полагала, его ничем не влекло. Что-то Сталина вдруг потянуло на романтику?..

А может, дьявольские чары моей Одилии и сгубили «лучшего друга трудящихся человечества»? Так и отве-

тила я аудитории на своем мастер-классе в Мюнхенской опере. Как пишут в отчетах, было «оживление зала».

А если взаправду сила искусства столь велика, что может убить и тирана?..

Майя

Плисецкая

Тринадцать
лет спустя

144

...В октябре 2005 года наследник испанского престола принц Филипе вручал мне в Овьедо премию «Принца Астурии». Премия известная. Очень престижная. Существует она уже двадцать пять лет. Но никогда не присуждали ее балету.

Процедура награждения организована была самым тщательным образом: будет присутствовать мать принца королева Испании София. Кто где стоит, откуда выходит, куда садится, получив награду.

Награжденные — их было несколько человек — репетировали под строгим оком рослого властного мажордома всю предстоящую церемонию. Ошибок делать никто не хотел. Но то и дело кто-то из нас сбивался, и участников просили начать все по новой.

Особым невниманием отличался чемпион мира по автогонкам Фернандо Алонсо. Небольшого роста, плотно сбитый, с лохматой шевелюрой, он откровенно страдал от придирок постановщиков. Алонсо был уроженцем Овьедо. Толпы жителей его города бродили за ним по пятам. Свисали с балконов, кидали розы, пели и ликовали, и всеобщему любимцу строгий порядок казался каторгой.

Но терпением природа наградила нашего непреклонного мажордома в полной мере. И пока мы не провели всю надлежащую схему без единой пометки, нас не отпускали.

Для большей очевидности каждому вручили цветной план церемонии награждения. Где всякий из действующих лиц был изображен в виде крошечной фотографии величиной с лимонное зернышко. Пунктир, прямая линия, красные стрелки рисовали ожидаемое от тебя действие во всех подробностях.

Важным моментом определялся вход лауреата по ступенькам небольшой лесенки, соединявшей зритель-







Последняя «Айседора».
Мюнхен. 1997 г.



«Аве Майя»

«Болеро»

«Спартак»

«Чайка»





Prima ballerina assoluta —
абсолютная прима балета

П
ОКЛОНЫ,
ПОКЛОНЫ,
ПОКЛОНЫ...



«Умиравший
лебедь»

«Лебединое
озеро»

«Анна
Каренина»

ный зал со сценой. Поднявшись, надлежало остановиться на две-три секунды, взглянуть направо вверх в королевскую ложу, где будет находиться королева София. Приветствовать ее просили не поклоном, не реверансом, а почтительной улыбкой. А затем прямым иди навстречу принцу, ожидавшему тебя в глубине сцены за длинным столом, покрытым сукном ярко-синего цвета. Все происходило в оперном театре Овьедо, где я когда-то несколько раз танцевала мою «Кармен-сюиту». К креслу каждого лауреата был прикреплен флажок страны, которую он представлял. Возле меня полыхал наш российский триколор.

После красочной и серьезной речи принца зазвучала старинная испанская музыка. Ее играли местные музыканты в театрализованных национальных костюмах, относившихся по своему покрою к временам Веласкеса. Музыкальное сопровождение придавало всей церемонии тонус очень значительного и традиционного праздника.

В течение всего вечера ко мне подчеркнуто проявляли высокое почтение. Я отношу это к годам своей работы с Королевским балетом Испании в Мадриде. В розданной участникам инструкции одна страничка была посвящена порядку при фотографировании. С принцем всем предстояло увековечиться. И опять лимонные зернышки наших фотографий строго определяли местоположение каждого на групповом снимке по отношению к наследнику испанского престола. И так же, как на сцене, мне была уготована честь находиться по правую руку от принца Филиппа.

Оба торжественных дня сопровождались обильными пиршествами. Родиона за несколько дней до поездки постигло пищевое отравление. Сырым молоком. Врачи прописали строгую диету. И ему оставалось лишь завистливо взирать, какие отменные хамоны и сыры поедали мы с сопровождавшими меня в Овьедо друзьями — Рикардо Куде, его братом Винченцо, Филиппом Кайседо и специально прибывшим из Москвы на испанское торжество журналистом Сергеем Николаевичем.

Моя воля застыла в летаргическом сне. Я изменила своему девизу «сидеть не жрамши». Горько каюсь. И увезла из Овьедо пару столь нежелательных килограммов калорий.

Майя

Плисецкая

Тринадцать
лет спустя

146

Следующее приятное нашествие калорий обрушилось на меня в Токио. Я была удостоена премии императора Японии. Журналисты называют ее нобелевской премией по искусству. Трудно удержаться, чтобы не задрать порядком нос. Балеринам до 18 октября 2006 года премию эту еще не присуждали.

Тут тоже последовала целая вереница торжественных церемоний. Но уже на японский лад. Очень японский. Премию вручал младший брат императора принцу Хитачи. На торжественном обеде мне отвели столь же почетное место. Но теперь по левую руку от принца. На японский лад.

Награжденных было пятеро. Пучеглазая японская художница Кусамэ в кричаще-красном парике с челкой а-ля Марина Цветаева. Американский композитор-минималист Райх, в обязательной темно-синей бейсболке (может, он и спит в ней?), призванной подчеркнуть его неоспоримое величие. Седовласый немецкий архитектор Отто, построивший на полпути от аэропорта к центру города поразительный футбольный стадион в Мюнхене. Стадион, по своим техническим и эстетическим открытиям во многом опередивший время. Пишу сие уверенно, так как сама неоднократно посещала его и любовалась цветовыми превращениями гигантской чалмы в зависимости от команд, которые сегодня играют. Пятым был молчаливый тучный французский скульптор Болтански, о котором могу сказать лишь, что он скульптор. И что он из Франции. Его работы никогда не попадали в поле моего художественного внимания. В том, верно, вина моя, а не скульптора.

Кстати, с Японией пересеклась третья моя награда, о которой мне тоже хочется вам рассказать.

В середине дня 20 ноября 2005 года завершал наш мобильник. Мы ехали с Родионом в машине по запро-

женной тысячами автомобилей московской улице. Родион передал мне трубку: это тебя. Неожиданно я услышала голос Путина:

— Майя Михайловна, поздравляю вас с днем рождения. И с орденом «За заслуги перед Отечеством» Первой степени. Звоню я вам из Токио. К сожалению, не смогу быть вечером на вашем юбилейном празднике.

— Я знаю, Владимир Владимирович, вы работаете двадцать пять часов в сутки, — говорю в ответ.

— Хотел бы меньше. Не выходит.

Так из далекого Токио из уст президента пришла ко мне весть о высокой награде. Теперь я кавалер трех орденов «За заслуги перед Отечеством». Третьей, Второй и Первой степеней. И первая женщина в России, увенчанная торжественным орденом Первой степени (с обратной стороны выгравирована цифра 10).

К событиям моей жизни хочу отнести и премьеру оперы Родиона Щедрина «Боярыня Морозова».

Лет двадцать, а то и все двадцать пять, предшествовавшие ей, я слышала долгие разговоры о протопопе Аввакуме, боярыне Морозовой, ее сестре, сыне Иване, староверах, юродивых, царе — «тишайшем» Алексее Михайловиче. Слышала, как Родион переговаривался по телефону с академиком, петербуржцем Панченко. Панченко отвечал на звонки только между восемью и девятью часами утра. В тот час, когда я лишь просыпалась, чистила зубы, причесывалась, словом — в самое неподходящее для меня время. До моих ушей доносились клочки фраз: «земная темница», «град Боровск», «царская кравчая», «кандалы», «дыба», «цепи»...

Все эти годы Родион возил с собой ксерокопию «Жизния протопопы Аввакума», испещренную его пометками. Иногда читал мне пронзительные письма Аввакума к боярыне Морозовой. Я отмечала, что время от времени он брался за работу, но внезапно остывал. Говорил, что никак не может подобрать ключ, ход к мощно завлекавшему его сюжету.

И вдруг непредвиденный случай. Давний друг Щедрина хормейстер Борис Тевлин, всегда заканчивавший всякий разговор с ним по телефону словами «пиши для хора» (это заменяло ему общепринятое «до свидания»), напомнил Щедрина о своем юбилее:

— Напиши что-то новенькое для хора к моему концерту.

— Когда он будет?

— Будет он 30 октября. Большой зал консерватории.

Разговор был в конце апреля 2006 года. И Родион обещал Тевлину что-то подходящее к случаю сделать.

Вот так и бывает. Нужен толчок. Случайная навodka. Близкая дата. И давний замысел внезапно приобретает четкие контуры, словно выплывая из густого тумана.

— Эту трагическую страницу истории надо увидеть и пережить через Морозову. Через ее страшную судьбу. А не от Аввакума. И делать оперу **хоровую**. Без оркестра. Лишь два-три инструмента.

Вот что я слышала.

И Родион погрузился в работу. Словно назло, были у нас в те дни сплошные поездки. Штутгарт, Рим, Женева, конкурс во Франции. Но Родион усидчиво работал. В тесных гостиничных номерах. И в начале июля послал готовую партитуру оперы Тевлину и в SCHOTT. А в сентябре хор Московской консерватории, руководимый зажегшимся Тевлиным, приступил к репетициям оперы.

И еще везение. За мировую премьеру «Морозовой» взялась влиятельная московская продюсерская компания «Classica VIVA». Ее глава Вадим Солод, являясь верным почитателем жанра оперы, неоднократно с успехом осуществлял концертные постановки классических произведений. А сейчас он безбоязненно и увлеченно взялся за совсем новую партитуру. С выбором четырех солистов ему очень помог молодой, но уже многоопытный Михаил Фихтенгольц, внук знаменитого советского скрипача. Все четверо: боярыня Морозова — Лариса Костюк, ее сестра княгиня Урусова —

Вероника Джигоева, протопоп Аввакум — австралийский тенор Эндрю Гудвин, царь Алексей Михайлович — Михаил Давыдов — своими вокальными и сценическими данными угодили в самую десятку. Такие попадания совсем не часты в наше суетное конъюнктурное время. Безупречен был и молодой трубач Кирилл Солдатов.

И вот день премьеры. Накануне я слышала репетицию. Что-то здорово получалось, что-то не слишком ладилось. Тевлин был строг и непреклонен. Заставлял повторять отдельные эпизоды вновь и вновь. Но все равно явственно слышно было, что опера замечательно удалась Щедрина.

Репетиция — всего лишь репетиция. Как сложится, сладится сочинение в премьерный вечер?..

По старому поверью, артисты считают — когда репетиция проходит успешно, премьеру поджидают непредвиденные исполнительские подвохи. Но все равно хочется, чтобы каждый раз все шло безукоризненно!..

Ни единой ноты в процессе работы я от Родиона не слышала. «Морозову» на рояле он мне не сыграл.

— Зачем? Все будет в голосах. У ударных инструментов. У сольной трубы. Не хочу, чтоб у тебя создалось превратное впечатление. Потерпи. Недолго осталось, — так говорил мне мой упрямый муж.

Большой зал консерватории. Он полон. Телевизионные камеры. Вспышки фотографов. Шелест переворачиваемых страниц программного буклета нынешнего вечера.

Борис Тевлин дает первый ауфт-такт.

Мощные удары литавр и церковных колоколов. Зал слушает каждую ноту с напряженным вниманием. В паузах гробовое безмолвие. Сегодня простуженных нету. И так до самого конца сочинения. Последнее слово протопопа Аввакума «аминь» истаивает в тишине. Аплодисменты обрушиваются после мертвой паузы. Овация долгая и искренняя. Никто не уходит. Люди стоят. Все участники, с редким вдохновением предста-

вившие москвичам новую работу Щедрина, выходят и выходят на поклоны. Они длятся добрых полчаса. Море цветов.

— Сегодня ты был гений. Как Блок после «Двенадцати», — говорит при мне Родион Тевлину. Его заклинание «пиши для хора» здорово сработало сегодня...

Я была захвачена партитурой моего упрямого мужа полностью. Всю оперу сидела не шелохнувшись. Даже спина затекла. От напряжения. Щемило сердце. Образы всех четырех персонажей получились трагичнейшими, ощутимыми, жизненными.

Судьба боярыни Морозовой вызвала у меня огромное сопереживание и сочувствие. Богатейшая женщина России, тридцатидевятилетняя красавица вдова, владевшая восемью тысячами крестьянских дворов, разбужавшая в серебряной карете с двенадцатью лошадьми, по ее двору разгуливали павлины, — умерла от голода и жажды в зловонной земляной яме, поедаемая вшами. Вместе с верной покорной единоутробной сестрой княгиней Урусовой, матерью троих детей (вот вам и мои рассуждения о родственниках!).

После смерти Урусовой в яме страшен диалог Морозовой со стражником: «Рабе Христов, даждь ми калачика». — «Ни, госпоже, боюся». — «А ты дай мне хлеба, рабе Христов». — «Не смею». — «Ино принеси мне яблочко иль огурчик». — «Не смею...» Страж отказывает Морозовой даже в ее последней просьбе пойти на речку и выстирать там ее рубаху, чтобы умереть чистой. Все это я слышала в музыке Родиона. Через нее. «Боярыня Морозова» Щедрина — это редкая, редкая удача.

...На следующий день после концерта позвонил Андрей Эшпай. Он напомнил мне не теряющие никогда значения давние слова великого Паганини — «способным завидуют, талантливым мешают, а гениям мстят»...

А другой композитор, немец Рeger, сказал однажды, что «качество композиторов, как и свиней, оценивается лишь после их смерти»...

Навечно так...

Подбираюсь к концу моих нынешних записок. Пора выходить на коду.

Что произошло с моим искусством балета за последние тринадцать лет, дарованных мне небом после первой книги? Изменился ли танец? Техника танцоров? Восприятие публики? Репертуар? Манера? Взаимоотношения с музыкой?

Первое, что скажу. Техника танца стремительно рванула вперед. Этому здорово помогли спорт и линолеум.

Линолеум, которым покрывают теперь сцены театров. Повсеместно. На таком покрытии стало возможным исполнять любые мыслимые и немыслимые вращения, растяжки, пируэты, прыжки. Сцена перестала быть скользкой. Она перестала быть твоим врагом. Она стала другом. Конечно, я преувеличиваю. Врагом сцена никогда не была. Но всегда ее надо было задабривать. Поливать, канифолить. Напрягать взгляд, внимание, чтобы избежать предательской трещины или горбинки. Доски абсолютно ровными быть не могли. Да еще, глядишь, накануне прибывали к ним оперный царский трон или плакучую иву. Мы боялись вращений на полу. Того гляди зад занозишь. А теперь хореографы вовсю пользуют и этот прием. Ранения не будет. Канифоль подстраховывала, но одновременно и тормозила твоё вращение. А теперь бери форс и крути хоть сто пируэтов. Если сможешь. Сцепление балетной туфли с линолеумом ныне оптимально комфортно.

Но дело не только в новом покрытии. Спорт, конечно, спорт оказал неимоверное влияние на балет.

Многие, помимо привычного балетного класса, стали разминаться на полу. Кое-кто вообще заменил класс длительным экзерсисом без балетной палки. В танец включились новые группы мышц, которые раньше почти не участвовали. В результате в теле, по существу, не осталось нетренированных мышц, связок и суставов. Для современных хореографов раздвинулись границы возможностей человеческого тела.

Меня корили и корили не раз, что вынимала «девопеле» выше положенного, прыгала в столь широкой «растяжке», что видела в прыжке свою «заднюю ногу». Мне говорили — это цирк. Но сегодня такой цирк стал обыденным явлением. Вертикальные шпагаты зашкаливали за 200—250 градусов. Мне это по душе. Легкость женских балетных ног мне нравится.

В спорте мировые достижения отмеряют секундомеры и компьютеры. Прыгунья Елена Исинбаева бьет рекорд за рекордом. Долей секунды и сантиметров в спорте достаточно для успеха. Но балет следует мерить иными категориями. Точным измерениям они не поддаются.

Хорошо, что нога уперлась в небо. Это красиво. Но красиво тогда, когда опорная нога точно перпендикулярна полу. Когда она бездвижна, как телеграфный столб. Но когда ее магнитом тянет к ноге «небесной» — красота ломается. И вертикальный шпагат превращается в самоцель. В чисто спортивное представление.

Когда смотрю последние годы балетные спектакли — в России или вдали от нее, — меня стало часто навещать чувство неудовлетворенности. Танцуют замечательно. Тела гнутся, как лозы из ивняка. Хоть корзины из них плети. Но все чаще тревожит мысль — понимает ли артист, зачем он на сцене? Он или она — безразлично. Только лишь для того, чтобы поразить зрителя техническими трюками, запредельным шагом, числом туров? Вот и уходишь из зала, забывая только что увиденное. Навсегда. Хотя вместе с публикой минутой ранее искренне рукоплескала демонстрации технического совершенства.

Но техникой сердца не растронешь. Не возьмешь за живое. Потому и множатся по миру, словно оправдывая эмоциональную пустоту и голый техницизм, современные постановщики симфоний номер пять, шесть, семь, восемь да сонат номер девять, десять, одиннадцать, двенадцать. Движения, движения, сплошной черед абстрактных движений. Всегда сложных, трудновыполнимых, но совершенно не затрагивающих твою душу. Это ли балет? Мне такого балета мало.

Балет сильно засушился. А еще он здорово подрос. Это уже получше будет. Раньше высоких неохотно принимали в труппу, да и в школу. Партнера найти трудно. А теперь на кого ни глянь — все высоченные. Почти модели.

Сама я слыла высокой, хотя рост мой был 165 см. Сейчас он, увы, слегка уменьшился. Но всегда слышала — на сцене вы такая высокая!.. Отношу сие к пропорциям своего тела, длине рук и ног. Да и к тому, что всегда пользовала все пространство сцены. Как принято ныне у фигуристов, обкатывающих весь объем ледового стадиона. У них это считается признаком высокого класса. А у нас говорят — танцевать широко, то есть размах, амплитуда танца.

Музыкальностью танцоров награждает Бог. Или не награждает. Когда вижу танец между музыки — мучаюсь. Дирижеры льстиво тщатся угодить звезде. Темп шатается, словно пьяный. Немножко вперед. Надо попасть под ногу. Оттянуть конец. Как вам сегодня дирижировать — «слишком быстро» или «слишком медленно»?.. Бедные Чайковский и Прокофьев. Что с вами только не делают.

Сотни раз говорила я всякому — нужно танцевать музыку, а не под музыку. Музыка сама по себе — балерина сама по себе. Музыка ей не мешает. Столько раз говорила, что набила себе самой оскомину. Но эту простую истину исповедую и сегодня...



Эпилог

Прочла написанное. Вижу сама — временами нет-нет, да звучит в моих нынешних записках горькая нота обиды, жалобы моей на недобрых, нечестных людей. Осуждение их подлости, обмана и стяжательства. Хорошо ли это? Сколько замечательного и прекрасного произошло со мной за последние годы, сколько необыкновенных событий выпало на мою долю, со сколькими интересными, достойными людьми свела меня жизнь. Но видно, устроен так всякий человек — радости забываются быстрее, чем предательства. Гонишь плохое, заставляешь себя о хорошем думать, а все лезет в голову негатив. Не выходят занозы из сердца. Долго не выходят.

За последние тринадцать лет мир здорово изменился. Повсюду новые лица, новые идолы, новые модели поведения. Рос-

сийская молодежь и молодежь стран бывшего Советского Союза рождена в куда более счастливые времена. Мир для них открыт. Идеологические цепи не стеноживают более художественную фантазию. Все дозволено. Все разрешено. Ничто не напугает. Ничего не страшно.

Каждый раз с умилением смотрю на двадцати-тридцатилетних в зарубежном аэропорту. В который уж раз зазывает на посадку в аэрофлотовский самолет терпеливый голос по-русски с акцентом: «Повторяю, последний вызов, пассажиры...» Далее следует набор русских фамилий... «Срочно пройдите на посадку». В ответ вижу совершенно невозмутимые розовощекие лица, хорошие спортивные фигуры с оголенными пупами, никоим образом не обращающие внимания на дикторские мольбы. Это недисциплинированные, но **свободные** уже люди. За это многое можно отдать.

Теперь в каждой балетной труппе, в каждом оркестре полно русских, украинцев, армян, белорусов. Заключение контракт и работай себе на здоровье. И за это тоже можно отдать многое...

...Двадцать пятого ноября 2006 года мы смотрели с Родионом новую постановку балета «Анна Каренина» в театре немецкого города Бремерхафен. Балетным коллективом руководит там Сергей Ванаев. Откуда Ванаев, ясно отвечает его русская фамилия. Он услышал музыку Щедрина совсем по-своему. Помимо Вронского и Каренина, рядом с Анной всегда две женщины. Одна в красном олицетворяет сексуальное влечение (по-немецки она названа Lust). Другая в черном — обязанности (по-немецки Pflicht). Постановка сверхсовременна, но очень эмоциональна и впечатляюща. Несколько раз мурашки по спине бегали. Как увидел хореограф «Анну», какие фантазии кружили ему голову сегодня — исключительно дело его собственного разума, помноженного на дар Божий.

Писать рецензию на спектакль не стану. Хочу рассказать то, что связано с этими нынешними моими записками.

Следующим утром немецкие журналисты брали у нас интервью для газет и радио. Бойкая экзальтированная женщина средних лет пришла на встречу, держа в руках только что вышедшее из печати второе немецкое издание книги «Я, Майя Плисецкая...» в мягком переплете. Задавая первый же вопрос, журналистка открыла последнюю страницу моей книги и указала на дату ее окончания: 26 ноября 1993 года.

— А что было потом, фрау Плисецкая? Вы не собираетесь писать продолжение? По Интернету я узнала, что за последние тринадцать лет в вашей жизни произошло множество событий. — И еще раз обратила мое внимание на совпадение дат: — Сегодня 26 ноября. Ровно тринадцать лет. День в день. Вам не кажется это совпадение обязывающим, фрау Плисецкая?

Я не стала говорить журналистке, что книга почти окончена. Вежливо отшутилась. Сказала, буду думать. Danke.

Но вопрос неугомонной журналистки подтолкнул мое решение дать название этим запискам «Тринадцать лет спустя». И глав у меня получилось ровно тринадцать. А число тринадцать всегда было благосклонным ко мне? Помнится, было. Так и назову — «Тринадцать лет спустя». Хотя, по правде говоря, спустя тринадцать лет и шестнадцать дней.

13 декабря 2006 г.
Мюнхен

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Петербургский балетный конкурс
«Майя»

Глава вторая. Бежар дарит мне «Курозуку»

Глава третья. Лебединые мистерии

Глава четвертая. Разрыв собственной связки
надколенника

Глава пятая. «Незаконнорожденная дочь»

Глава шестая. Забавные и не совсем забавные
неожиданности

Глава седьмая. Моя Кармен, мои Кармен

Глава восьмая. Куда причалим завтра...

Глава девятая. 11 сентября 2001 года лечу
в Америку

Глава десятая. Цена улыбки, или Обаяшка

Глава одиннадцатая. Лечебный крем «Майя
Плисецкая»

Глава двенадцатая. Мой праздник

Глава тринадцатая. Как я погубила Сталина
и о чем хочу еще рассказать

Эпилог

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Массовое издание

Плисецкая Майя Михайловна
Тринадцать лет спустя
Сердитые заметки в тринадцати главах

Ответственный редактор О.М. Тучина
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 24.12.07. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10. Доп. тираж 10000 экз. Заказ № 5910.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ОАО «Издательство «Новости»
107082, Москва, ул. Б. Почтовая, д. 7.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА  АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп.
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>



«26 ноября 1993 года
я закончила в Москве
свою книгу «Я, Майя Пли-
сецкая...».

Прошло тринадцать
лет. И все эти годы меня
без устали спрашивали:
будет ли продолжение?
Я с искренностью отве-
чала — зачем? Главное
в моей жизни уже произо-
шло. Станет ли интересным
читателю рассказ балери-
ны, покинувшей сцену?..

И все же событий за
прошедшие тринадцать
лет случилось много.
Даже очень много...»

Майя Плисецкая

ISBN 978-5-17-045344-3



9 785170 453443



Мой рыжий знакомец...